ГЕРОЙ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА
АЛЕКСАНДР
СОЛУЯНОВ

«БЕРУ И ПОМНЮ» —
ИЗ РАССКАЗОВ
МАРШАЛА БУДЕННОГО

«ОРЛИНОЕ ПЛЕМЯ» —
О ВОСПИТАННИКАХ
ПРОСЛАВЛЕННОГО
УЧИЛИЩА ЛЕТЧИКОВ

«ИГРА» —
ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА
ЮРИЯ БОНДАРЕВА

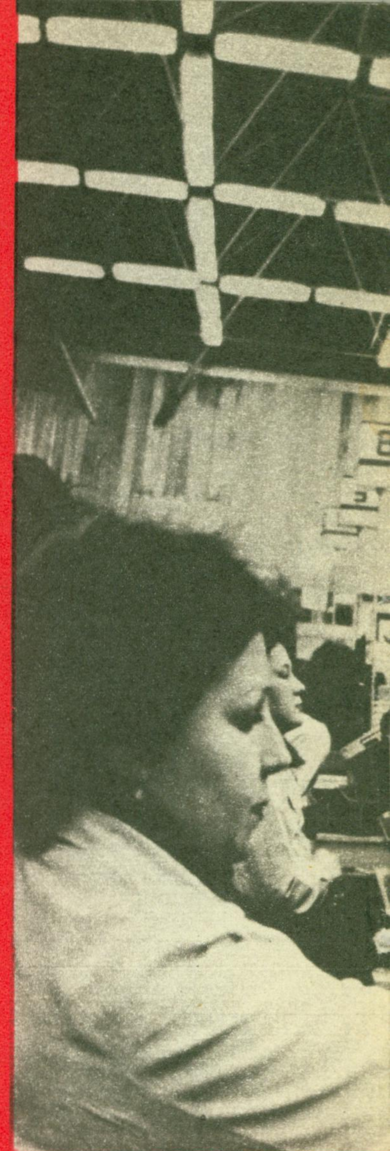
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 9 ФЕВРАЛЬ 1985

В МОССОВЕТЕ — 1000 ДЕПУТАТОВ * 200 НАКАЗОВ НАРОДНЫМ ИЗБРАННИКАМ — 200 ДЕПУТАТСКИХ ПОСТОВ * ЗА ОТЧЕТНЫЙ ПЕРИОД ПО ПРЕДЛОЖЕНИЯМ ГОРОЖАН ПОСТРОЕНО 15 ШКОЛ, 28 САДОВ-ЯСЛЕЙ, 4 ПОЛИКЛИНИКИ, АТС, КИНОТЕАТРЫ «БАЙКОНУР» И «ХАНОЙ», ДЕСЯТКИ МАГАЗИНОВ...

Кинотеатр «Ханой».

ПО НАКАЗАМ МО

Сюда, на Сходненскую улицу, приходят только храбрые! Детская стоматологическая поликлиника...

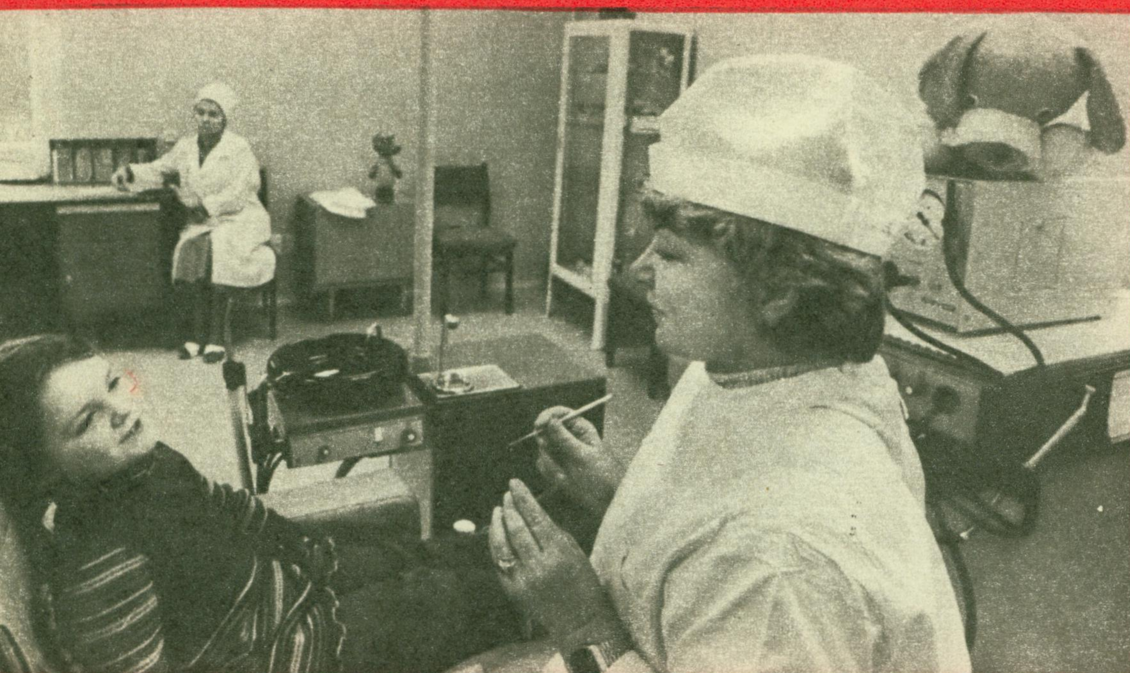

Фото А. БОЧИНИНА, И. ГАВРИЛОВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 9 (3006)

23 ФЕВРАЛЯ — 2 МАРТА

К услугам жителей Нагатина — новый универсам.

СКВИЧЕЙ

образ жизни — советский

Краснодудентский проезд, магазин «Оптика».

В. ШАПОВАЛОВ,
Э. МАНУКЯН

...Эту энергичную женщину строители двух школ в шестнадцатом микрорайоне Медведкова и в восьмом-Е микрорайоне Бибирева видели по нескольку раз в неделю. Депутат О. А. Иванова вникала в их работу, принимала участие в оперативках и планерках. Следовательно, не просто была в курсе дел, но в необходимых случаях помогала наладить обеспечение стройматериалами и техникой. Не останавливалась и перед тем, если возникала необходимость побывать в Кировском райисполкоме и строительных главках Мосгорисполкома. То есть чувствовала себя полностью ответственной за сдачу объектов в срок.

Не посчитала Ольга Алексеевна свою миссию законченной и после того, как школы были построены. Очень ей хотелось и чтобы кабинеты были хорошо оборудованы, и чтоб мебель радовала глаз, и чтоб все классы были укомплектованы квалифицированными педагогами.

Такое пристрастие О. А. Ивановой именно к этим двум школам закономерно: они строились по наказам избирателей этих микрорайонов, и постоянная комиссия Моссовета по народному образованию, членом которой является Иванова, поручила ей депутатский пост для контроля и оперативной связи с исполнителями наказов.

В нашей столице давно сложилась и отработана действенная система реализации наказов избирателей. В чем ее сущность? После выборов исполнительный комитет Московского Совета обобщает и предварительно изучает те наказы избирателей, реализация которых относится к его ведению. И с учетом своих материальных, трудовых и финансовых возможностей их рассматривают постоянные комиссии, Горплан, соответствующие управления исполкома. Так рождается проект плана мероприятий по реализации предложений, внесенных трудящимися на предвыборных собраниях.

Московский городской Совет, утверждая этот план, решает, какие наказы можно выполнить в течение срока его полномочий, а какие будут осуществляться позже. По каждому принятому предложению безотлагательно устанавливается конкретный срок его реализации, определяется организация-исполнитель, а также заместитель председателя и постоянная комиссия Совета, на которых возложен контроль за ходом выполнения наказа. И что особенно важно: принятые Советом к исполнению мероприятия учитываются исполкомом при ежегодной разработке проектов планов комплексного экономического и социального развития столицы. Именно этого требует от Советов партия. Ведь государственные планы и наказы избирателей имеют единые цели: всемерное развитие экономики, максимальное удовлетворение материальных и культурных запросов населения.

Вот почему наказы трудящихся находятся в центре внимания постоянных комиссий Совета. Они следят за их выполнением, привлекают к проверкам на местах квалифицированных специалистов, устанавливают, как это было при строительстве школ в Бибиреве и Медведкове, депутатские посты.

Столь же деловито и энергично,

ПО НАКАЗАМ МОСКВИЧЕЙ

как О. А. Иванова, работали и другие депутаты, входившие в состав постоянной комиссии по народному образованию,— Л. И. Мильграм, Е. П. Романов, Т. И. Пашенцева. А ведь у каждого и своя основная работа, и семья, и дети...

Осенью были подведены итоги: все школы, строившиеся в столице по наказам избирателей за отчетный период, распахнули свои двери в намеченные сроки, а некоторые и досрочно.

Многого удалось добиться и постоянным комиссиям по здравоохранению, вопросам охраны материнства и детства, благоустройству, торговле. Практика показала высокую эффективность депутатских постов, если в них оказывались не беспристрастные наблюдатели, а дельные, квалифицированные, настойчивые контролеры. Контролеры и помощники.

Сколько трудностей пришлось одолеть Н. А. Ляпуновой, наблюдавшей за строительством детского сада у дома № 13 на улице Лестева! Площадка под строительство была освобождена с опозданием. Да к тому же была она малых размеров. В центре города, как известно, плотность застройки высока, и при всем желании тут не очень-то развернешься. Уже в ходе работ выяснилось, что разведка грунта была произведена, мягко говоря, не очень квалифицированно, и фундамент пришлось сделать на полтора метра глубже, чем предусматривалось проектом. Это привело к нехватке бетонных блоков, усложнило все работы.

Наталия Алексеевна подключила к решению всех этих вопросов Москворецкий ремстройтрест, Главмоспромстройматериалы, несколько раз ездила на завод, где делают блоки из бетона. Она, старший научный сотрудник Института медицинской генетики АН СССР, как заправский строитель, объясняла работникам завода, почему необходимо именно такое количество блоков для котлована и какие именно блоки нужны.

Решила Н. А. Ляпунова этот вопрос, возник другой: работники жэка № 2 свалили у ворот, ведущих к стройплощадке, металлолом, мешавший въезду машин. Пришлось с помощью шефствующей над жэком организации и населения устранить и это непредвиденное препятствие.

Когда в сентябре 1983 года госкомиссия приняла сад-ясли, депутат энергично взялась за устранение недоделок. Были приведены в порядок газоны, в сжатые сроки завезена необходимая электросантехарматура. Не прошли бесследно и визиты народного избранника на завод, где изготавливают песочницы, детские горки. А когда в детсад привезли новенькие, сияющие первозданной чистотой кроватки, Наталия Алексеевна не могла скрыть радости: ее хлопоты увенчались успехом!

Оба приведенных нами примера наглядно характеризуют стиль и методы работы депутатских постов, действовавших в составе постоянных комиссий Моссовета. Таких постов в 1983 году было 318, в 1984 году — 203, так как невыполненных наказов стало уже меньше.

При всей несомненной важности такой коллективной формы депутатского контроля, как постоянные комиссии, было бы ошибкой недооценивать роль каждого депутата в отдельности. Ведь из тысячи депутатов Моссовета каждый второй принимал участие в выполнении наказов избирателей.

Монтажница одного из столичных заводов, депутат Моссовета Т. П. Полищук больше двух лет энергично занималась осуществлением такого наказа: благоустройство Полоцкой улицы в Кунцевском районе. Казалось бы, нехитрое дело, но основной производитель работ — Главмосстрой — не очень-то спешил навести здесь порядок. Многократно обращалась Татьяна Петровна к различным должностным лицам, следила за ходом строительства. И вот главк рапортует: работы завершены. Но депутат недоумевает: «Как так? Разделительная полоса на улице по-прежнему разрыта, зеленые насаждения не восстановлены!» Полищук едет в Моссовет, затем в Главмосстрой. Оказывается, эти работы относятся к другому ведомству — Главмосинжстрою, но их не запланировали.

Татьяна Петровна побывала в Кунцевском райисполкоме, заручилась его поддержкой. В конце концов с помощью районных организаций дело было завершено.

Как ни важен депутатский контроль, многое, однако, в судьбе наказов зависит от стиля работы исполнительного комитета. В исполкоме Моссовета обсуждается регулярно, как правило, один раз в полугодие, как идет осуществление наказов. Не реже одного раза в год исполком докладывает об этом Московскому городскому Совету и не реже двух раз в год информирует депутатов. Разговор идет требовательный — неиспользованные возможности, имеющиеся резервы, недостатки, оперативно намечаемые меры.

В каждом наказе мысли и чаяния жителей столицы. Сегодня уже ясна картина, как они выполняются. Из 248 наказов, принятых в 1982 году Московским городским Советом к исполнению, реализовано около двухсот, хотя в период полномочий Совета намечалось осуществить лишь 164. Их реализация обошлась городскому бюджету в триста миллионов рублей. Это без учета привлеченных средств министерств и ведомств.

В местах массового заселения возведены по наказам избирателей 15 школ, 28 садов-яслей, 6 поликлиник и больничных корпусов, десятки магазинов, в том числе универсамы в Бибиреве, Нагатине, Северном Чертанове, АТС, кинотеатры. В ряде районов построено несколько подземных пешеходных переходов, различные предприятия службы быта. По желанию жителей частично изменены некоторые маршруты автобусов и троллейбусов.

Конечно, не все в этой важной сфере деятельности Совета безупречно и до конца отлажено. Не хватает еще, например, широкой гласности в работе с наказами, не все относятся к ней с надлежащей ответственностью. Тем не менее есть все основания считать, что добрые дела и свершения Московского Совета и депутатов восемнадцатого созыва будут умножаться.

Местные Советы народных депутатов девятнадцатого созыва принимают эстафету от своих предшественников. И, конечно, верные чувству общественного долга, депутаты Московского Совета, как и тысячи их коллег, посланцев народа в Советы страны, сделают все возможное, чтобы выполнить наказы избирателей.

ПОДВИГ

ГОЛУБОЙ

Б. БОРИСОВ

Когда разговариваешь с Александром Петровичем Солуяновым, не покидает чувство, что он к тебе приглядывается, примеривается, прислушивается. Глаза у него светлые — это когда он говорит о своем деревенском детстве, юности, годах учебы в суворовском военном, а потом высшем воздушно-десантном командном училище. Но стоило завести речь о недавнем прошлом, сразу появился этакий оценивающий прищур. Мне это знакомо. Когда беседуешь с подводниками, вернувшимися из длительного похода, летчиками, совершившими посадку в экстремальных условиях, или пограничниками, задержавшими опасного нарушителя, они от разговора не уходят, но на вопросы отвечают односложно и тоже через тот самый прищур.

В общем-то понять их можно. Что уж тут лукавить, иной раз своими вопросами мы вызываем в памяти такие эпизоды, которые и так спать не дают. А у слушателя Военной академии имени М. В. Фрунзе майора Солуянова воспоминания не из легких: ведь совсем недавно он вернулся из Афганистана. Десятки раз Александр Петрович бывал под обстрелом, дважды ранен, чудом выбирался из самых безнадежных ситуаций.

О себе он почти не рассказывает, больше — о товарищах. Когда я посетовал на это, Александр Петрович отрубил:

— А что я? Я командир. Моя задача — обеспечить жизнедеятельность подразделения. Другое дело — солдаты. Ведь я порой перед ними ставлю очень сложные задачи. И они их выполняют. Какие прекрасные ребята служили в моем батальоне! Именно о таких говорят: с ними хоть в огонь и в воду. Их я буду помнить всю жизнь.

Александр Петрович встал. Походил по комнате. Попросил сигарету. Потом вспомнил, что давно бросил курить. Сел. Он так и не позволил себе разволноваться, не дал дрогнуть голосу. Только глаза повлажнели. Выдержка, конечно, железная. Когда Солуянов заговорил, голос звучал ровно, спокойно.

— Представляете, утром гулял по Москве: солнце, весна, красивые девушки, на каждом углу цветы, а вечером — в Афганистане. Служу я в армии уже достаточно долго, так что повидал немало,— с некоторым нажимом продолжал Александр Петрович.— И людей встречал разных. Но вот что удивительно: как только человеку доверишь по-настоящему серьезное дело, как только он поймет, что от него зависит исход этого дела, что в его руках не только собственная жизнь, но и жизнь товарищей, он быстро из юноши становится мужчиной, из робкого новобранца надежным воином. В моем подразделении служили никакие не супермены, а самые обыкновенные ребята. Конечно же, я их как следует учил, а потому был уверен в них, как в самом себе. Ведь солдат, который меня однажды спас, первогодок, по специальности радист, его дело—сидеть в каком-нибудь закутке и поддерживать связь, но он увидел, что командир в опасности и, не задумываясь, пришел на помощь. Сам погибай, а товарища выручай — это суворовское правило и ныне свято. Находясь в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане, я не раз имел возможность в этом убедиться.

А потом Александр Петрович замолчал. Надолго замолчал. Рассказывал, рассказывал, а тут вдруг как отрезало... Я не торопил его, не задавал вопросов. Прошло немало времени, прежде чем он поднял глаза, как-то особенно внимательно и, я бы сказал, строго посмотрел на меня и спросил:

— Скажите, а может «Огонек» помянуть добрым словом одного моего друга, который был награжден орденом Красного Знамени?

— Конечно,— кивнул я.

— Когда мы виделись в последний раз, я был ранен: одна пуля в бедро, другая отсекла большой палец руки. То есть отбрила, но не напрочь: лоскут кожи обрубок не отпускал. Как я этот палец примотал, не помню. Кровь свищет, оторвать бы да выбросить, а потом на это место жгут. Но командир минометного взвода старший лейтенант Геннадий Гришин сказал: «Не разбрасывайся конечностями, комбат. Пригодятся». «Да ну ее к дьяволу, эту культяпку. Парашютное кольцо можно дергать и четырьмя!»— Это потом мне сказали, что в запале я именно так орал. «Примотай. Сгодится»,— настаивал Гена.

БЕРЕТ

Ну, я и примотал. Послушал своего взводного. Хирург у нас был отличный — Сергей Шиянов, палец он мне пришил и рану в бедре заштопал. Но выглядел я не блестяще, постанывал. Так Гена меня успокаивал: «Держись, Саня. Держись. Мы еще на моей свадьбе погуляем».

— А вообще в вашем батальоне много награжденных?— спросил я.

— Много. Десантники выполняют свой интернациональный долг достойно. Не сочтите меня нескромным, но у меня есть одна награда, которая не значится в личном деле, а я с ней никогда не расстаюсь. Это стихи. Быть может, неумелые, но искренние строки, которые посвятили мне солдаты родного батальона. Их вручили мне перед моим отъездом в академию, вручили вместе с голубым беретом, который у десантников является таким же символом, как у матросов тельняшка.

С этими словами Александр Петрович достал из бумажника аккуратно сложенный тетрадный листочек и протянул мне.

— Только не надо вслух. Читайте про себя,— попросил он.

Тогда я выполнил его просьбу, а теперь решил обнародовать то, что сказали солдаты о своем командире.

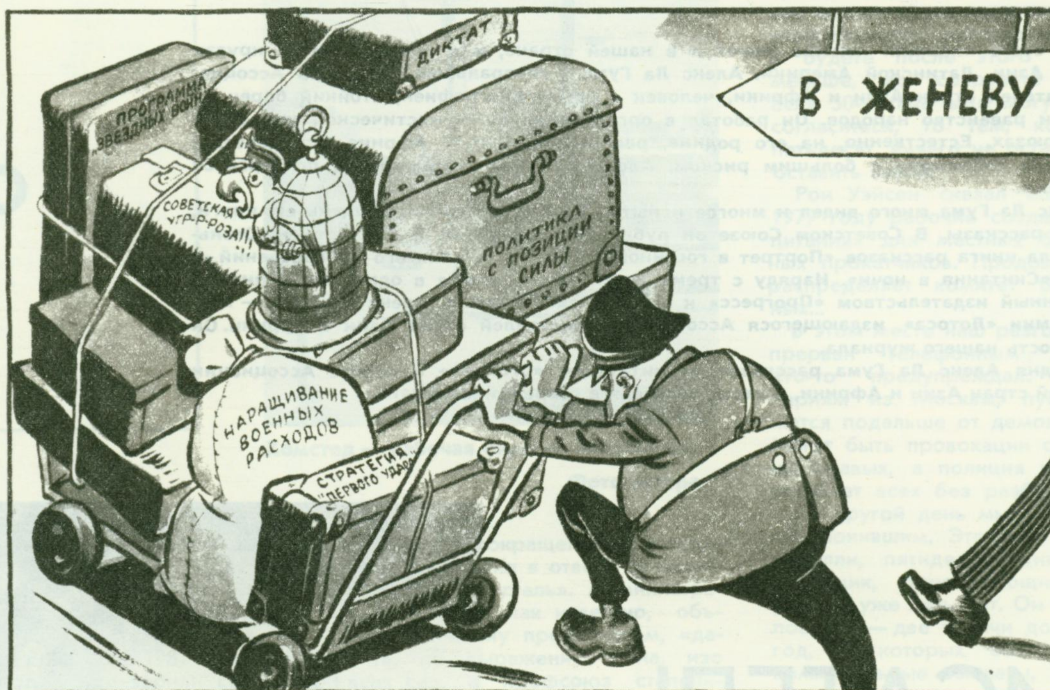
Две капли алые застыли
на груди,
То знамени советского кусочек
Россия приказала вам носить
За жизнь ее, за каждый
лепесточек.

Вы Родине служили до конца,
И золота она не пожалеет
Для своего солдата-храбреца
К тем орденам, что на груди
алеют.

На вас равняясь, крепнут
те солдаты,
Что с вами жили службою
одной...
Пока у нас такие есть комбаты,
Не будет крепче армии родной!

Слова солдат оказались пророческими: уезжая на учебу, А. П. Солуянов имел ордена Красного Знамени и Красной Звезды, а уже став слушателем академии, был удостоен звания Героя Советского Союза.

Герой Советского Союза... Более одиннадцати тысяч воинов получили это высокое звание в годы Великой Отечественной. В мирные дни Золотой Звезды Героя удостаиваются немногие. Но они есть. Это покорители космоса, летчики-испытатели, люди, охраняющие правопорядок, покой наших границ... Есть среди них и особая категория — это солдаты и офицеры, выполняющие свой интернациональный долг. Имя майора Александра Петровича Солуянова по праву стоит в одном ряду с прославленными героями, известными всей стране, всему народу.

Излишний багаж.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Визитеры или громилы!

ХАБАРОВСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Впервые в жизни Женя строит дом. Отряд «Комета» сформирован из добровольцев со старших курсов Хабаровского механического техникума. Евгений Дубинкин, будущий механик-дизелист, осваивает плотницкое дело. Родители хотели, чтобы он после напряженного полугодия отдохнул в поселке Эльбан под легендарным Комсомольском, но Женя поехал в другую сторону — в совхоз «Глебовский». Поехал вместе с двадцатью такими же ребятами.

...Много проблем у приамурской деревни сегодня. Решать их здесь, в крае, начали со строительства на селе жилья. Планируется с помощью городских предприятий поставить селу 1900 жилых домов общей площадью более ста тысяч квадратных метров. Деньги есть, материалы изысканы, а где строителей взять? Выход предложил комсомол. Хабаровчане бросили клич: «Даешь ССО в зимние каникулы!»

Короток зимний день. Коротки зимние каникулы. А если все спланировать заранее и обязать хозяйства обеспечить ребят жильем, если организациям-шефам расписать объекты, куда доставить стройматериалы? Причем доставить заранее, перед каникулами... В прошлом году сделали пробный шаг. Получилось. Силами студенческих отрядов в крае построили 34 жилых дома, освоили 570 тысяч рублей. На каникулы в этом году вузы и техникумы Хабаровска, Комсомольска, Биробиджана направили в села почти в три раза больше стройотрядов — 1160 бойцов!

Хабаровский эксперимент находит широкую дорогу.

На снимке: Женя Дубинкин.

В. КУЗНЕЦОВ, собкор «Огонька»
Фото автора

НОВОЕ — В ЖИЗНЬ

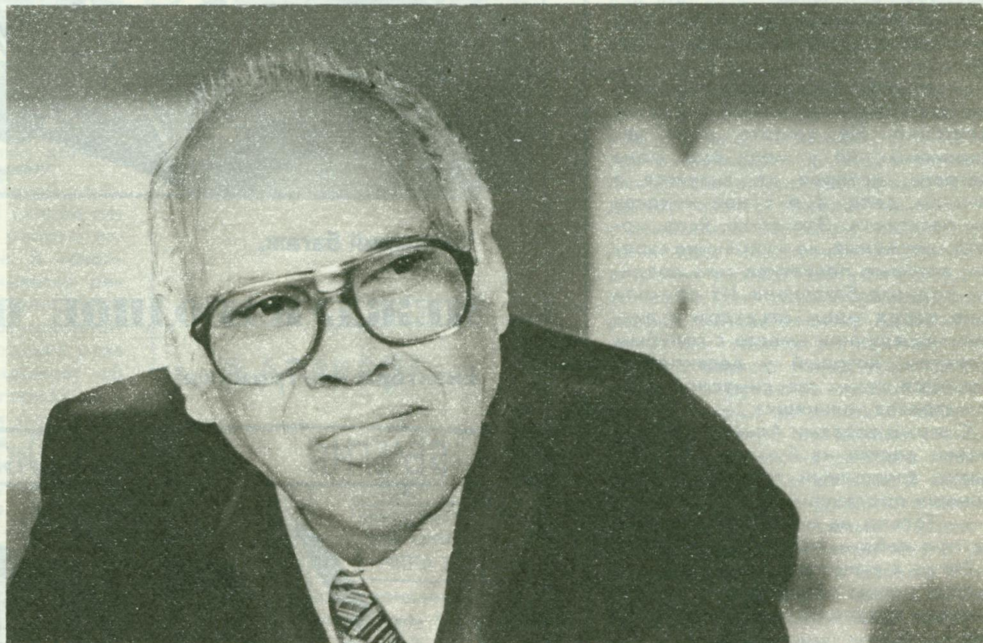
Имя этого писателя хорошо знают и в нашей стране, и в прогрессивных кругах Африки, Азии, Латинской Америки. Алекс Ла Гума — генеральный секретарь Ассоциации писателей стран Азии и Африки, человек с яркой биографией, стойкий борец за свободу и равенство народов. Он работал в организации коммунистической молодежи, в профсоюзах. Естественно, на его родине, расистской Южной Африке, эта деятельность была сопряжена с большим риском. Алекс Ла Гума неоднократно подвергался репрессиям.

Алекс Ла Гума много видел и многое испытал в жизни. Этому посвящены его книги, повести, рассказы. В Советском Союзе он публиковался не раз. В библиотеке «Огонька» вышла книга рассказов «Портрет в гостиной». Одно из лучших его произведений — повесть «Скитания в ночи». Наряду с тремя другими она вошла в однотомник писателя, изданный издательством «Прогресс» к его пятидесятилетию. Алекс Ла Гума — лауреат премии «Лотоса», издающегося Ассоциацией писателей стран Азии и Африки. Он частый гость нашего журнала.

Сегодня Алекс Ла Гума рассказывает читателям «Огонька» о работе Ассоциации писателей стран Азии и Африки, о месте писателя в современной жизни.

АЛЕКСУ ЛА ГУМЕ — 60 ЛЕТ

ПИСАТЕЛЬ, БОРЕЦ, ГУМАНИСТ

— Вы знаете, я как раз сегодня вспомнил о событии, которое уже отошло в прошлое, но которое еще долго будет занимать мысли многих писателей. Я имею в виду последний съезд советских писателей. Я был гостем на этом съезде.

Мне очень запомнились слова товарища Черненко, обращенные к присутствующим: не прикрашивать жизнь, но и не умалять достижения.

ВОПРОС: — В какой мере, по вашему мнению, итоги съезда советских писателей могут сказаться на работе писателей стран Азии и Африки?

ОТВЕТ: — Мы, конечно же, не можем автоматически переносить все принципы работы Союза писателей СССР на Ассоциацию писателей стран Азии и Африки. У нас есть своя специфика. Однако основные фундаментальные положения, по которым развивается советская литература, вполне приемлемы для всех писателей Азии и Африки, и мы берем их на вооружение. В силу своих возможностей через журнал «Лотос» и другими средствами мы будем эти идеи пропагандировать. Это поможет нашим писателям и в личной творческой работе, и в их общественной деятельности.

ВОПРОС: — Расскажите, пожалуйста, о сегодняшней деятельности Ассоциации писателей стран Азии и Африки.

ОТВЕТ: — В последнее время наша жизнь была насыщена разными событиями. В Тунисе, например, состоялась сессия редакционной коллегии журнала «Лотос». Решался ряд организационных вопросов.

Мы беседовали и с руководителями Организации освобождения Палестины, которые проявили глубокий интерес к нашей работе, вникали в мельчайшие детали работы Ассоциации. Представители тунисского правительства, и в частности министр культуры Туниса Бешир бен Слама, также принимали нас и заверили, что мы можем рассчитывать на полную поддержку со стороны тунисских властей.

ВОПРОС: — Какова, по вашему мнению, роль писателей в борьбе за мир и что в этом плане делает ваша Ассоциация?

ОТВЕТ: — 1985 год — год 40-летия Победы советского народа над германским фашизмом. Весь мир, все человечество знают о колоссальных жертвах и великой роли Советского Союза в победе над фашизмом. Наш долг и наша приятная обязанность — внести свой вклад в празднование этой годовщины, отметить ее должным образом. Разоблачение фашизма — это тоже вклад во всеобщий мир.

ВОПРОС: — Что вы думаете вообще о проблемах современного мира и о задачах литературы на данном этапе?

ОТВЕТ: — Все люди Земли, у которых есть разум, не могут не задумываться над ставшей реальной угрозой мирового ядерного уничтожения. Кстати говоря, события в жизни нашей Ассоциации — лишнее доказательство того, что литература неотделима от политики, от социальных, политических конфликтов. Мы пострадали от израильских агрессоров, когда редакция «Лотоса» в Бейруте была уничтожена их снарядами. Мы гордимся тем, что многие наши братья, арабские, палестинские писатели принимают самое деятельное участие в борьбе с сионизмом.

Военно-промышленный комплекс, администрация США поддерживают и раздувают очаги конфликтов на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке. Весь мир стал как бы маленьким шариком, который можно уничтожить в один день, и мы не должны этого допустить.

ВОПРОС: — Каковы связи вашей Ассоциации с писателями других континентов?

ОТВЕТ: — По мере своих возможностей Ассоциация делает все для активизации литературных связей с прогрессивными писателями всего мира, особенно Латинской Америки. У нас еще свежа в памяти Гренада, где демократический режим был уничтожен прямым вооруженным вмешательством. Народы Сальвадора, Парагвая, Уругвая ведут сейчас мужественную борьбу за право решать собственную судьбу без вмешательства американского империализма. Нас очень волнуют события, которые происходят там. Мы не можем оставаться лишь в рамках афро-азиатского писательского движения. Нам нужны контакты с нашими коллегами и в Латинской Америке, и в других частях мира.

Эта работа велась у нас и раньше. Произведения писателей Латинской Америки время от времени появлялись в журнале «Лотос». Писатели из многих стран этого региона приезжали на конференции Ассоциации. Но нам надо еще многое сделать для того, чтобы более активными стали наши творческие контакты и организационные связи. Все это поможет расширению прогрессивного движения писателей всех стран, не только Азии и Африки.

Беседу вел Ю. ПОПОВ.

ТЮРЬМА ВМЕСТО РАБОТЫ

Хомстед — рабочая окраина Питтсбурга.

Фото автора

Скупые газетные строки сообщили о том, что в Питтсбурге (штат Пенсильвания, США) брошены за решетку пять активистов профсоюза сталелитейщиков и среди них Рон Уэйсен, руководитель местного отделения профсоюза. Я живо представил себе плотного телосложения черноволосого мужчину, с именем которого связывают свои надежды тысячи рабочих Питтсбурга...

Во время поездки по США осенью прошлого года запомнилась среди прочих и встреча на заводе, принадлежащем компании «ЮС стил корпорейшн» (Хомстед-Питтсбург, Пенсильвания). С журналистом из центральной газеты мы собирались, будучи заранее оповещены, присутствовать на демонстрации рабочих, протестующих против свертывания производства стали и бесконечных увольнений. До начала демонстрации оставалось около часа, и мы зашли в контору заводского профсоюза.

Насколько серьезны требования демонстрантов, стало ясным из рассказа Рона. До 1981 года на этих заводах еще варили сталь и делали прокат, теперь только катают привозные болванки. Фактически уже три года, как заводы стоят. В 1979 году были уволены 7 тысяч рабочих, в 1983-м — 16 тысяч, а всего в штате Пенсильвания с 1981 года оказались за воротами 100 тысяч сталелитейщиков.

Сейчас в Хомстеде заняты 1200 рабочих плюс автоматы. Если бы не отчаянное сопротивление профсоюза, выпускающего при участии Уэйсена свою еженедельную газету, заводы закрыли бы полностью. Когда Дэвида Родерика, владельца компании, упрекнули в жестоком отношении к рабочим, в сокращении производства, он бросил в ответ: «Я делаю деньги, а не сталь». Администрация Рейгана, как известно, объявившая войну профсоюзам, «давит», по выражению Рона, изо всех сил, а профсоюз сталелитейщиков призывает рабочих держаться подобно горнякам в Англии.

Главную причину сегодняшнего положения Рон, как и многие активисты, видит в практике развертывания филиалов за рубежом, где в наличии дешевая рабочая сила, отсутствуют профсоюзы и полный произвол предпринимателей (Гватемала, Тайвань, Сингапур, Заир и др.). В обстановке перманентной «стальной войны» со странами Общего рынка и Японией американские боссы в целях сохранения прибыли обставляют увольнения своеобразным маскарадом. Предприниматели иногда предупреждают: хотите сохранить рабочие места—идите переучиваться на специальности, нужные компании, и будете после этого получать меньше, но сохраните работу. Если 30-летние еще могут на это согласиться, то тем, кому под пятьдесят, ничего не остается, как оставить завод.

Рон Уэйсен сказал еще, что в 1979 году рабочие создали «банк питания» для местных безработных прокатчиков. Продовольствие распределяет комитет безработных...

В этом месте наш разговор был прерван телефонным звонком. Кто-то предупреждал: скажите парням из Москвы, пусть держатся подальше от демонстрации. Могут быть провокации со стороны правых, а полиция у нас тут сгребает всех без разбора...

На другой день мы встретились со звонившим. Это был Пол Пикерилли, пятидесятилетний сталелитейщик, перебивающийся без работы уже пять лет. Он получает пособие — две тысячи долларов в год, из которых 800 уходят на коммунальные выплаты, а остающиеся 23 доллара в неделю надо делить на всю семью, на все расходы. Один его сын, неженатый, давно уже безработный, другой потерял работу два дня назад, у него семья, дети, приходится держаться изо всех сил, и о помощи родителям говорить не приходится. Одноэтажный домик у самой дороги, купленный Полом в рассрочку, еще не оплачен полностью, жена тоже без работы...

— Самое страшное,— говорит Пол,— это когда все время чувствуешь, что ты никому не нужен...

Ю. НОВИКОВ

Питтсбург — Москва.

среди книг

Встречи с обыкновенными американцами

Хотите совершить неофициальное путешествие в современную Америку и узнать, как живется в «обществе благоденствия» обыкновенному американцу? Возьмите в руки небольшую, всего в два печатных листа книгу Ю. П. Изюмова, которая вышла в новой серии издательства «Московский рабочий» «Империализм без маски» и называется «Неофициальное путешествие». Живо и убедительно автор знакомит читателя с тем, что довелось ему увидеть и понять за короткое время пребывания в Америке в качестве гостя газеты «Русский голос».

Этот еженедельник издается в Нью-Йорке на русском языке и постоянно публикует объективную информацию о нашей стране. А разве может быть такое в современной Америке?— усомнится читатель. Сразу же поясним, что издание это не коммерческое и существует оно исключительно на добровольные взносы американцев русского, украинского, белорусского происхождения. В США несколько миллионов выходцев из нашей страны, большая часть которых потомки тех, кто отправился за океан в поисках счастья еще в дореволюционную пору. Среди этих людей немало тех, кто не порвал связей со своей национальной культурой, традициями и старается добрые чувства к Советскому Союзу донести до своих сограждан. «Мы, гости редакции,— пишет Ю. П. Изюмов,— общались с простыми американскими тружениками, жили в их квартирах. Это позволило нам увидеть такие стороны повседневной действительности, о которых едва ли узнаешь в официальной поездке. Нас окружали люди небольшого и среднего достатка... Но именно они и составляют большинство в современной Америке». В этих строках заключена главная, на мой взгляд, привлекательность этого рассказа об этой стране, тем более что автор имел возможность сравнивать нынешнюю Америку с той, какую он увидел впервые двадцать лет назад! Правда, то первое путешествие было вполне официальным — Ю. П. Изюмов в составе делегации сопровождал советскую выставку детского художественного и технического творчества, которую показывали жителям Нью-Йорка, Миннеаполиса, Вашингтона. За минувшие годы многое изменилось и в мире, и в отношениях между нашими странами. Ну а сами американцы — какими стали они за эти годы? Что изменилось в их жизни? Как они живут теперь?

Страницы этой книги густо населены людьми — обыкновенными американцами. И мы узнаем, что живут они в экономно спланированных, тесных квартирках, где не увидишь ни гарнитуров, ни «стенок», а в домашних библиотеках — всего два-три десятка книжек. Мы знакомимся близ Кливленда с дружной, работящей семьей фермеров из числа тех, кто кормит всю Америку, и узнаем, что эти работящие, жизнерадостные мать, отец и сын, на попечении которых пятьдесят дойных коров и стадо молодняка, живут в ритме конвейера. Работа, работа, сон и опять работа. Трудясь так, увы, большинство фермеров едва сводят концы с концами. От встречи к встрече автор с цифрами в руках показывает «американский образ жизни» в профиль и фас, без косметики и грима. Пристально вглядываясь в жизнь обыкновенных американцев 80-х годов, автор задает вопрос: ну, а что они знают о нас, о нашей стране? Оказывается, что тут Америка осталась все той же, что и двадцать лет назад. «Это звучит неправдоподобно, но я не встречал человека, прочитавшего хотя бы одну книгу советского автора... «Средний американец» не знает даже названий наших ведущих газет... В США местное вещание ведется на длинных, средних и ультракоротких волнах. Все массовые приемники не имеют коротковолновых диапазонов и, следовательно, не принимают иностранных станций». В этот рассказ вошли ответы американцев из книги, выпущенной в 1963 году издательством агентства печати «Новости», «Мир через 20 лет». На вопросы проведенного международного опроса на тему «Какими вы представляете мир и свою страну через 20 лет?» Майя Люббе написала: «Я всегда верила тому, что в Советском Союзе нет никакой свободы печати. Поэтому я была очень изумлена, прочитав в журнале «СССР» обращение к американцам, и буду еще более удивлена, если смогу написать хоть страничку для такой книги, как «Мир через 20 лет». На земле царит мир, ибо причины войн и революций устранены. Империя нищеты и несчастий уступила место прогрессивной демократии... Нет больше безработицы и пособий. Постоянный заработок обеспечен всем. Нет больше бедности и болезней. Люди стали добрыми, дружественными и хорошо образованными... Дружба, бескорыстие, самопожертвование и взаимопонимание существуют в отношениях между народами и государствами. Красота восторжествовала над уродством, хорошее над плохим, справедливость над несправедливостью, мир над войной».

Увы, мечты этой американки не сбылись — как убедительно свидетельствует книга «Неофициальное путешествие».

Н. АЛЕКСАНДРОВА

Ю. П. Изюмов «Неофициальное путешествие». М., «Московский рабочий», 1983, 48 с.

Новелла ИВАНОВА, специальный корреспондент «Огонька»

ФРГ: люди и проблемы

КОЕ-ЧТО О БЮДЖЕТЕ И СТРЕМЛЕНИИ УЗНАТЬ ДРУГ ДРУГА

В город Мюнстер на встречу с Удо Линденбергом, которого в ФРГ называют «королем рок-н-ролла», я отправилась с Элке Сабиель. Фрау Элке абсолютно равнодушна к рок-музыке, она любит Баха, Моцарта и мечтает о пластинке Таллинского детского хора, который исполняет старую классику.

— Впрочем, этот господин Линденберг не только поет модные песенки, но и участвует в Маршах мира,— сказала она, усаживаясь за руль своей машины,— а главное — много лет он остается кумиром у молодых и, значит, знает их проблемы!

Мне нравится эта изящная, спокойная и деловитая женщина. Она занимается в фонде хлопотным делом — организацией программы работы для журналистов разных стран. С советским корреспондентом фрау Сабиель встречается впервые и расспрашивает меня о журнале, о наших читателях, о странах, где мне довелось побывать, о моей семье. Несколько часов путешествия в машине — непрерывный диалог. В свою очередь, я узнаю, что она член социал-демократической партии, почти двадцать лет работает в фонде Фридриха Эберта.

Элке Сабиель много лет провела в Аргентине и считает эту страну своей второй родиной. В годы нацизма ее отец погиб, и мать, спасая двух девочек-крошек, сумела добраться до Аргентины, где живет по сей день в семье дочери и не хочет возвращаться в Европу, боясь, что там начнется третья мировая война. Элке уже взрослой девушкой поехала посмотреть родину, влюбилась, вышла замуж, стала работать. Потом разошлась с мужем, но так и не вернулась в любимую Аргентину. Целый год копит она деньги, чтобы, как всегда, под Новый год приехать к родным.

— Сегодня типичная для Бонна погода — серый, дождливый пейзаж,— говорит она.— А в Аргентине всегда яркие краски. Мама купила кусочек земли, и это такое счастье — погрузить руки в теплую землю!

— А почему бы вам не купить себе тут домик с садиком, вот как этот, что впереди у дороги? У нас такие называют — «садово-огородный участок».

Она живо заинтересовалась:

— Сколько стоит такой участок?

— У нас земля не продается, а домик обойдется в полторы тысячи рублей или чуть побольше!

Фрау Сабиель пересчитывает рубли на марки и изумленно ахает:

— Так это же не так дорого! Здесь за этот клочок земли с домиком надо отдать сумасшедшие деньги, и мне такую сумму ни за что не собрать!

Она получает очень приличную зарплату, но третью часть приходится отдавать за двухкомнатную квартиру (о покупке собственного жилья нечего и мечтать!). Столько же она должна откладывать на страховку и медицинское обслуживание на случай болезни. А счета за гараж, газ, свет и телефон — сплошное разорение!

— Вот почему приближение пенсионного возраста многих заставляет волноваться не на шутку, ведь расходы на жилье и продукты растут с каждым годом!— говорит она и спрашивает, сколько трачу я на оплату квартиры, газа, света, страховки на случай болезни. Я объясняю. В глазах фрау Сабиель удивление — неужели так мало?

— Сколько стоит авиабилет в Сочи из Москвы? — снова спрашивает фрау Элке.— А на поезд? Почти вдвое меньше? А у нас лететь через страну по карману только очень состоятельным людям.

Она расспрашивает о зарплате инженера, учителя, врача...

— Здесь врачи очень много зарабатывают. Не дай бог заболеть! Пока только обследуют, уже вытряхнут твои сбережения!

И, рассмеявшись, говорит:

— А знаете, фрау Иванова, я хотела бы жить на пенсии у вас в стране!

Моя собеседница — просвещенный человек, она не имеет ничего общего с «михелем» — обывателем в теплом колпаке, бюргером, который живет в аккуратном домике, отгородившись от мира накрахмаленными занавесочками. Эта умная, энергичная женщина знает английскую, американскую литературу, следит за политическими событиями в мире. И все-таки многое из того, что я рассказала, было для нее откровением.

Элке Сабиель поинтересовалась, какое впечатление на меня произвел Бонн.

Я честно призналась, что, несмотря на прочитанные книги и статьи, все же была удивлена провинциальным обликом тихого, ничуть не столичного Бонна, который очень рано встает и очень рано отправляется спать. Вечерами залитые неоновыми огнями улицы почти пустынны. В кинотеатрах, куда мы с Томасом заглядывали,— не больше двух десятков посетителей, и только однажды, в выходной день мы увидели на маленькой площади в центре города молодежь, танцующую старинную польку!

— А что вас больше всего удивило в Бонне?

— Отсутствие правдивой информации о том, что происходит в моей стране и других странах социализма. Я не ожидала, что самые разные люди — начиная от ответственных чиновников министерств, кончая студентами — так мало знают о миролюбивой политике СССР и почти ничего не знают о социальных достижениях моей страны.

...В Бонне у меня была встреча с человеком, который больше других мог судить о том, насколько западные немцы осведомлены о советской культуре. Георг фон Нойброннер руководит сектором международных связей в отделе культуры министерства иностранных дел. Он рассказал мне, как успешно развиваются связи городов-побратимов в наших странах, о Днях ФРГ, состоявшихся в СССР, об обмене выставками — Мюнхенская Пинакотека собиралась в Москву и Ленинград, а жителям Западной Германии предстояло увидеть «скифское золото».

— Я не видела ни в программе телевидения, ни в кинотеатрах советского фильма,— говорю я.— А ведь это самый простой и доступный путь к тому, чтобы мы, соседи, стали ближе друг к другу!

— Да, вы правы! У нас, особенно у молодежи, интеллигенции, растет интерес к советскому кино. Сейчас мы думаем о том, чтобы организовать недели советских фильмов. Долгое время у нас была «дыра» в этой области. Недавно я несколько дней сидел в студии, смотрел ваши фильмы «Васса», «Вокзал для двоих». Замечательные ленты! И я надеюсь, что их увидят наши зрители.

ПОЧЕМУ «КОРОЛЬ РОК-Н-РОЛЛА» ИДЕТ В МАРШАХ МИРА!

Мюнстер — один из древнейших городов Германии — прославился тем, что тут в 1648 году был заключен долгожданный мир после знаменитой Тридцатилетней войны. «А еще наш город известен пословицей: «В Мюнстере или идет дождь, или звонят колокола!» — говорит Максимилиана Мюнтьес.

Эта худенькая девушка в темной маечке и такого же цвета брючках по моде, чуть выше щиколотки,— мой новый гид. Воскресное утро. Гремят колокола. Прихожане спешат в соборы, Максимилиана выбрала самый знаменитый из них. Туристам демонстрируют чудо: сработанные много веков тому назад астрономические часы, которые показывают положение небесных светил. В годы войны кардинал Клемент Август фон Гален по прозвищу «Лев Мюнстера», не страшась фашистов, в этом соборе читал смелые проповеди, укрывал прихожан от преследований. А сегодня у дверей собора висит объявление, приглашающее на богослужение в защиту мира.

Кстати, как сообщал журнал «Штерн», в Неделе мира, проведенной церковью ФРГ в ноябре 1983 года под девизом «Мир без оружия», приняли участие более половины всех приходов евангелических церквей — приблизительно два миллиона человек!

Максимилиана родилась и выросла в этом городе, похожем на музей под открытым небом. Здесь, в местном университете, она окончила отделение славистики, начала преподавать в школе русский язык. Однажды со своими школьниками из Мюнстера она съездила в Ленинград. Но... радости хватило ненадолго: с каждым годом число ребят, которые хотели изучать русский, становилось все меньше. («Еще бы, кинофильмы, телевидение и газеты твердят о русских ракетах, о русских шпионах!») И фройляйн Мюнтьес осталась без работы. Иногда она вот так, как сейчас, подрабатывает, путешествуя с гостями фонда Фридриха Эберта, а чаще всего ее выручают югославские фирмы, где она занимается переводами с сербского. Поездки в Югославию и в нашу страну она называет «каникулами для души», а свой красивый город она не любит.

— Тут никогда ничего не происходит! Каждый живет только для себя, и уже до конца дней рассчитаны все деньги до последнего пфеннига. Тоска! Вот кто про тоску позабыл — так это наш Удо! Он местный парень, мы с ним почти ровесники, и я отлично помню, как он начинал...

Максимилиана в восторге от того, что Удо Линденберг пригласил нас на домашнюю вечеринку, куда соберутся его старые друзья — музыканты. Теперь он человек состоятельный и, пожалуй, самая яркая в ФРГ музыкальная звезда. У него 20 пластинок. Удо сам пишет песни, сценарии своих мюзиклов, сам рисует костюмы и декорации. На вечеринку собрались в старом клубе, где он начинал когда-то выступления со своей первой группой «Орбита».

На столе — немного выпивки, головка сыра, яблоки, белый хлеб, нарезанный по-крестьянски, большими ломтями. Но главное — тут были разговоры — увлеченные, задушевные, разбавленные перченными шутками и смехом. Среди всей этой пестрой публики я не сразу опознала «короля рок-н-ролла». Одет он был непритязательно — потертые джинсы, черная майка, на голове — большая широкополая черная шляпа. У него усталое лицо, а в светлых глазах любопытство — что хочет узнать советский журналист? Мой вопрос — почему он поставил свою подпись под воззванием в защиту мира и активно участвовал в антивоенных маршах — его ничуть не удивляет.

— Сейчас не время для пустых бодрых песенок — настоящий артист должен посмотреть правде в глаза и занять свое место среди тех, кто хочет сохранить на земле мир! Я стремлюсь принять участие во всех музыкальных международных фестивалях, где поют песни протеста. Мое самое сильное впечатление, когда в 1983 году в Гамбурге на музыкальном фестивале, завершившем Марш мира я пел вместе с Гарри Белафонте и Жанной Бичевской. Нас слушала многотысячная толпа, и мы были единым целым с этими людьми!

Он родился в нескольких километрах отсюда, в маленькой деревушке, в семье кузнеца и вырос под стук молотов отца и деда.

— Вы поете для молодых, постоянно окружены молодежью. Что вы думаете о молодом поколении вашей страны и его будущем?

— На мои концерты собираются до 10 тысяч школьников, студентов, молодых рабочих. Я пою о молодых ребятах, которых убивают наркотики, о том, что снова возрождается фашизм, и о том, как моя страна с легкой руки политиков американизируется. В 20 лет я написал первую свою песню, а теперь у меня их больше трехсот! И вот что я с печалью скажу вам: большая часть молодежи утратила идеалы, ребята не знают, во что верить и как жить. Пассивность и разочарование стали чертой харак-

Продолжение. См. «Огонек» № 7.

тера и мировоззрением части молодежи, которая ни о чем не хочет думать, а погрузиться в спячку...

— И вы своими песнями стараетесь растормошить, пробудить ото сна?

— Верно! Именно поэтому я избрал рок-музыку. Помните события в Беркли, когда студенты американского университета выступили против войны во Вьетнаме? Они пели песни протеста в стиле рока. Но главным образом я адресую свои песни тем, кто ищет выход и находит его, участвует в борьбе за мир. Ведь мы здесь будем первыми, кто сгорит в ядерном пламени. Я считаю — в наше время тот, кто стоит в стороне от этой борьбы, предает мир, предает жизнь!

Слушая взволнованную речь, я думала о том, что этот избалованный славой 35-летний человек, о котором говорят, что он порой бывает удивительно противоречивым и непостоянным в своих политических взглядах, от схемы борьбы со злом осознанно пришел к идее добра — к идее необходимости защиты молодых, защиты жизни на земле.

— Вы часто поете песню, в которой такие слова: «На улицах и стадионах они снова начинают орать, эти горластые германские гангстеры бросают гранаты в магазины с «кебабами». Нет, им не нужен никакой фюрер, они в нем больше не нуждаются, они теперь смогут действовать поодиночке, эти новые нацистские свиньи!»

— Да, нацизм, неофашизм — опасное явление в нашей жизни, особенно потому, что под его влияние прежде всего попадают молодые люди. Парня, озабоченного тем, что он не может найти работу, натравливают на «этих паршивых турок», которые имеют работу. Не раз наши трусливые обыватели становились свидетелями расправы фашистских молодчиков с «гастарбайтерами». Я думаю, что фашизм возрождается не только у нас, в Западной Германии, но и повсюду, где утрачены идеалы... В Чили, например, в той же Америке, где расовые стычки стали повседневной жизнью. Я никогда с этим не примирюсь! Моими песнями, концертами я протестую против расизма, фашизма, против ядерных маньяков. Нужно идти к людям и разъяснять им, как страшно может обернуться заблуждение и пассивность. Вот почему я в колоннах марша мира!

МАНФРЕД, МАРГИТ И МАКСИМИЛИАН

В Мюнхене меня ждал сюрприз. Его припасла милая фройляйн Мюнтьес, с которой мы подружились.

— С вами хочет познакомиться мой друг Манфред Майер, он начинающий кинематографист, замечательный парень, сам своими руками построил двухместный спортивный самолет да еще снял кинофильм об этом!

Городишко, а точнее, поселок, в который меня привезла Макси, находится в пяти километрах от Дахау и называется Карлсфельд. Мы подъехали к одноэтажному кирпичному дому. У дверей стояла допотопная колымага, а на ее капоте — обыкновенная бельевая корзина, в которой спал младенец в красной шапочке.

— Батюшки, да ведь это Максимилиан! — ахнула, заглянув в корзину, Макси.— Глядите, ему только пять недель!

На наши голоса из дома вышел худощавый синеглазый молодой человек в старых, залатанных джинсах и застиранной майке. По виду Манфред Майер никак «не тянул» на владельца собственного самолета. Я сказала об этом, и он рассмеялся.

— Самолет у меня такой же бедный, как я сам, впрочем, я вам его обязательно покажу!

Мы вошли в дом, который давно нуждается в хорошем ремонте. Здесь не было ни традиционных накрахмаленных занавесочек, ни приличной мебели. Вдоль стен на полках — рулоны кинопленок, монтажный стол.

— Дом, конечно, не собственный. Сняли мы эти «апартаменты» у одного владельца почти без мебели, а дерет он с нас приличные деньги и еще постоянно проверяет, как мы содержим двор и деревья. Как раз сейчас жена Маргит убирает скошенную траву.

Мы уселись на потрепанные кресла, которые Манфред раздобыл в парикмахерской, и я прошу его рассказать, как он пришел в кино и что удалось сделать.

— Мне уже 35 лет, но особо похвалиться нечем. Я учился в Мюнхене. В высшей школе по подготовке специалистов для телевидения и кино. Чтобы попасть в институт, нужно было сделать два собственных фильма на 8-миллиметровой пленке, и в 1969 году я начал делать фильм для телевидения. Он рассказывал о молодежи, отравленной наркотиками, и назывался «Обессиленные». Всего за семь минут я поведал страшную историю парня, умершего от морфия.

— Чтобы сделать такой фильм, надо было все это увидеть своими глазами!

— Я видел все, потому что, отказавшись служить в армии бундесвера, работал санитаром в больнице, где лечились морфинисты. Я решил снять еще фильм о наркотиках и их жертвах. Но кто даст деньги? Пришлось вечерами работать на стройках, а по утрам развозить на почту посылки. Работал изо всех сил, а все равно зарабатывал не больше 500 марок, этого не хватало на жизнь. В 1978 году я написал сценарий моего дипломного фильма, и тут мне впервые повезло — баварская телестудия заплатила мне скромный гонорар.

— О чем рассказывал ваш фильм?

— «Сборы в дорогу» — это история 16-летнего парня, который живет в детском доме, увлекается музыкой, играет на саксофоне и однажды уходит из дома, чтобы самому найти путь в жизни.

— И что же из этого получилось?

— Жизнь побила его, но он научился крепко стоять на своих ногах. Я знал этого парня, потому что... это был я сам, и в этом фильме старался передать главное — настроение моих ровесников.

— А теперь вы ушли от этой темы?

— Да, и очень далеко! Хотя «Зюддойче цайтунг» хорошо отозвалась о фильме, который был показан по телевидению, заказов на новые картины я не получил. Пришлось подрабатывать на съемках рекламных роликов, пока не получил заказ от баварского телевидения снять фильм, который я им предложил,— «Между небом и землей». О том, как я впервые сел в самолет и полетел... Еще в 14 лет я начал заниматься планеризмом, и мне хотелось, чтобы люди увидели, как прекрасны земля и небо. Я впервые получил хороший гонорар и увлекся идеей построить спортивный самолет.

— Но откуда же знания для такой работы?

— Я успел еще окончить заочно Мюнхенский технический университет...

...С улицы пришла с малышом Маргит — юная мама с белокурыми непокорными локонами на лбу. Ей — 26, а Манфреду — 35. По всему видно — он в семье непререкаемый лидер. И едва тоненько запищал Максимилиан, как мама тут же поспешно унесла сына в соседнюю комнату. Я иду за ней и получаю разрешение убаюкать малыша. Маргит шепотом рассказывает: она скульптор, только окончила учебу, и нет работы. На полу у окна вырезанная из дерева фигура лошади.

— Это ты резала? Уже есть покупатели?

— Какое! У нас никто не интересуется искусством. А если бы и нашлись покупатели, то заплатили бы мало, а я работаю над ним полгода. Нет, пусть этот конь будет для него, для моего Макса!

Я уже знаю, что Маргит вместе с приятелем открыла в Мюнхене магазин, где они торгуют антикварными вещицами. Магазинчик не очень-то процветает, но все же дает семье кое-какие средства.

— А с кем же остается Макс?

— Он «работает» вместе со мной, я кладу его в корзину, сажусь в машину и еду в Мюнхен, а вечером возвращаемся обратно.

Понянчив Макса (он сладко заснул у меня на руках), мы возвращаемся в кухню. Максимилиана заварила кофе, а Манфред и сосед — студент-историк Карлстен Рихердс, который пришел, узнав, что здесь советский журналист,— бурно обсуждали проблему будущего кинематографа Западной Германии. Перспективы, как я поняла, печальные, и связаны они с приходом к власти правых, которые твердой рукой стали насаждать новую политику в области культуры: отстранили в сторону отечественный кинематограф и на первое место поставили продукцию американского кинорынка.

Я спрашиваю Манфреда:

— Что думаете делать? Смириться?

— Нет! Попытаюсь взять деньги в долг в банке, и делать свои фильмы, и продавать их за рубеж...

И тут в беседу вступает студент:

— Мы, молодые, оказались лишними людьми. Я, например, уже сейчас знаю, что не найду работу. Учусь на историческом факультете Мюнхенского университета, занимаюсь новейшей историей моей страны. Нам еще три года учиться, но уже сегодня мы знаем, что учителя нигде не нужны.

В дверь кто-то настойчиво позвонил. Манфред сделал знак, и мы стихли: а вдруг это хозяин, которому еще не заплачено за прошлый месяц...

— Можно вам задать вопрос, который нас интересует? — спросил меня студент.— Скажите, зачем Советский Союз в Афганистане?

— А как вы сами это объясняете? — поинтересовалась я.

— У нас в ходу несколько версий. Во-первых, в СССР растет численность населения в азиатских республиках, где распространен ислам, и ваши власти боятся появления рядом сильной исламской страны, которая может повлиять на ваш строй,— со школьной старательностью ответил студент.— Во-вторых, это же осуществление старой мечты русских царей — получить доступ к теплому морю!

Ну что тут скажешь — ахинея! Но они смотрят на меня все четверо и ждут ответа. Он получился довольно обстоятельным, а когда я кончила говорить, Манфред сказал: «Подумать только, мы живем в век технической информации, но она нас не сближает, а разъединяет! Это же абсурд, что нам показывают важные события в кривом зеркале. Наша пресса все время вопит: «Русские идут»... А как бы мне хотелось приехать к вам, увидеть своими глазами тех молодых ребят, что построили БАМ, и сделать об этом фильм, и показать здесь — смотрите, вот они какие, русские!»

...Потом, уже к вечеру, всей компанией мы отправились на маленький аэродром, который принадлежит предприимчивому крестьянину. Однажды на его поле неожиданно сел самолет, и теперь у него в ангаре до шестидесяти частных самолетов, в том числе детище Манфреда Майера, которое он строил день за днем два года. Поднялся ветер, мы шли по полю, взяв за ручки корзину, где лежал в красной шапочке Максимилиан. Вот и ангар. Тут стоят красавцы — спортивный самолет французской фирмы, рядом шикарный «швейцарец».

— А вот и мой «малыш»! — Манфред любовно провел рукой по крылу.— Смотрите, тут у меня стальные стойки, а это прекрасное полотно мне достали друзья.

Я потрогала крыло и увидела швы, залепленные медицинским пластырем. А Манфред тем временем повозился в кабине, достал наушники, настроился на волну, передал свои позывные, и дежурный римского аэропорта сообщил ему о летных условиях.

— Ну как, полетим?

И тут я призналась, что не поверила, когда Макси сказала о том, что ее друг почти без денег своими руками построил самолет.

— Я и вправду соорудил его почти без денег,— улыбнулся он.— Достал через друзей из бундесвера списанный моторчик, и мне помог здорово мой технический университет. Самолет, как видите, существует — и даже стал кинозвездой!

Манфред достал из кармана небольшой рекламный буклет своего короткометражного цветного фильма «Гренландские летчики».

— Это рассказ о том, что человек обязательно должен мечтать! Двое летчиков сделали сами самолет и мечтали добраться в Гренландию. Но полет был трудным, они сумели с приключениями попасть лишь на остров Зильт в Северном море. Значит, конец мечте? Нет! У друзей уже есть новая идея... Фильм этот демонстрировался в Бельгии, Голландии, Швейцарии, Испании, Люксембурге, а родился он два года назад.

— А сейчас какие планы?

— Делаю фильм для детей — «Цеппелин». Я хочу научить ребят строить летательные аппараты, научить их любить небо. Но пока, увы, не нашел фирму или какого-то богатого человека, который бы финансировал такой полезный фильм.

...Теперь я пишу эти строки и с болью думаю о том, что дети не увидят этого фильма и не будет больше других лент, снятых одаренным молодым человеком, который мужественно старался побороть на своем пути к мечте все преграды. «Я должна сообщить вам печальную весть,— написала мне в письме фройляйн Мюнтьес.— Манфред Майер погиб в октябре на своем маленьком самолете в Альпах. У «красной шапочки» Максимилиана теперь нет папы...»

Окончание следует.

Мюнстер — Мюнхен — Москва.

МАРАТ САМСОНОВ

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Парад Победы. Как много вместили в себя эти два слова. В них торжество и ликование, боль утрат, надежды на будущее. В них мужество и воля, героизм, самоотверженность...

В тот праздничный июньский день 45-го года в сводном батальоне курсантов Калининского военного училища шел по Красной площади и Марат Самсонов. Рядом в колоннах чеканили шаг солдаты и офицеры, сражавшиеся на передовой. Всего полтора-два месяца назад они прорывались сквозь огонь, брали высоты, падали, сраженные пулями, и снова поднимались в атаку. И вот теперь к подножию Мавзолея бросают знамена поверженных фашистских войск.

Вокруг все предвещало прекрасную мирную жизнь, но Марат чувствовал себя военным человеком. Он и остался им до сих пор, выбрав своим оружием искусство художника-баталиста.

Как все мальчишки той поры, он рвался воевать с фашистами, но вместо передовой, когда ему исполнилось семнадцать, попал в училище, где готовили общевойсковых командиров. Все в то время жили фронтом, и он вместе с другими курсантами с волнением вслушивался в сводки Совинформбюро, читал в газетах о подвигах героев, представлял себя на их месте. Марат слыл среди ребят художником, это, видимо, передалось по наследству — с генами деда, с любовью отца к живописи. И обостренное восприятие рисовало яркие, зримые образы, в воображении возникали картины боевых сражений.

Он оформлял казармы, делал зарисовки товарищей, по приказу командования писал даже великих полководцев. Портреты Суворова, Кутузова встречались ему в книгах и раньше, но вот Александр Невский, Дмитрий Донской... Сведения приходилось добывать по крупицам. Зато вовсю работала художественная фантазия, огромное желание и энтузиазм подсказывали верные пути. Особенно волновала его фраза Александра: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет». Тогда еще он не видел триптих П. Д. Корина, не знал, что коринский «Александр Невский», перерисованный бойцами-художниками, вместе с передовыми частями нашей армии вошел в освобожденный Новгород. «Господин Великий Новгород», который семь веков назад князь отстоял своим мечом от врага. Марат услышал об этом значительно позже, но уже тогда понял могучую силу искусства, способного вдохновить людей, зажигать сердца.

Со своими рисунками и надеждами после училища молодой офицер пришел к руководителю Студии военных художников имени М. Б. Грекова, известному графику Н. Н. Жукову. «Вспоминаю,— писал Николай Николаевич,— с каким интересом рассматривал я рисунки, которые молодой лейтенант Самсонов принес в папке. Сделанные с натуры, они дышали правдой, отличались наблюдательностью в передаче характеров, точностью пропорций, движения и очень умелым владением карандашом. Примета лаконизма всегда отличает мастерство настоящего художника». Жуков показал эти работы в президиуме Академии художеств, которая шефствовала над грековцами,— А. М. Герасимову, П. П. Соколову-Скаля, В. С. Сварогу. Общее мнение выразил А. М. Герасимов, президент академии: «Надо обязательно взять в студию».

Здесь рядом с Маратом были прекрасные мастера, прошедшие войну. В жарких боях под Сталинградом, на Малой земле, в Севастополе они воевали оружием художников. Их зарисовки, небольшие, пожелтевшие от времени, хранят дымы пожарищ, едкий, черный от гари воздух сражений, разрывы снарядов, пулеметный огонь. И — души бойцов, отважных, стойких; их черты, такие простые, знакомые, будто родные...

Знания складывались из личного опыта, из того, что вынес во время долгих боевых учений, из того, что уже позже стало известно о войне и было глубоко осмыслено, пережито сердцем. В 1946 году он был в Кенигсберге, когда город еще лежал в руинах и все сохраняло следы недавних жестоких битв: застывшие танки, навсегда смолкшие орудия, разбитая, обгоревшая техника врага, гильзы и каски, валявшиеся под ногами. В следующем году все повторилось в Сталинграде, город только начинали восстанавливать, и грековцы — их было несколько человек — еще могли рисовать места недавних боев. Тогда и родилась у них мысль о панораме по примеру Бородинской, которая бы воссоздала события великой битвы.

Чем больше М. Самсонов думал о войне, тем яснее вырисовывалась ему его главная тема. Мирная, освободительная миссия советского воина — так он определил ее для себя. Она открыто, декларативно звучит в картине «В освобожденном селе», которую художник создал после поездки в Венгрию. Раненый советский солдат высоко поднимает на руках ребенка — как символ будущего, предвещая долгую счастливую жизнь ему и его стране. Повсюду светлые, ясные улыбки стариков, женщин, детей, которым Красная Армия принесла свободу.

Тема созидания, единства с народом ощущается и в холсте «Весна Возрождения», в тех пригоршнях зерна, которые бросают солдаты в только что отвоеванную землю. Пожилой боец сеет по-хозяйски основательно, с крестьянским достоинством, будто совершает священный ритуал. Молодой же словно метает гранату — не научился еще мирному труду, не успел, свою взрослую жизнь начал на войне...

Вглядитесь в усталые, сосредоточенные лица героев картины «В минуту затишья». В их чертах, совсем невоенных,— долг и необходимость: воевать, чтобы защищаться, спасти Родину, семью, близких.

«В родных полях» — сюжет мирного времени. Молоденький солдат приехал на несколько дней в отпуск, помог в страду с уборкой и, опьяненный юностью, закружился в веселом девичьем хороводе. Но безмятежности нет в этом полотне, как нет ее и в других работах М. Самсонова. Грозовое небо, бурные облака, тревожное движение атмосферы рождают ощущение беспокойства. Не все благополучно на планете, говорит нам художник.

Шло время, мастерство окрепло, стало свободным, зрелым. В 1974 году, после смерти Н. Н. Жукова, Марат Самсонов становится художественным руководителем грековской студии.

Как-то года два назад в его мастерской раздался звонок из Киева. Директор музея Великой Отечественной войны просил написать картину о подвиге Валерии Гнаровской, спасшей многих раненых ценою собственной жизни. Она была совсем юной, мечтала стать актрисой, но, когда началась война, добровольно пошла на фронт.

Все, что было прочувствовано за прошедшие годы, всколыхнулось в душе художника, и он ясно увидел тот сентябрьский день 43-го года, медсанбат на берегу реки, окровавленных бойцов, которых только что вывела, вынесла из-под огня сестрица, и ее, статную, красивую. Темнела кипящая от снарядов вода Днепра, рваные облака мчались по свинцовому небу, а осень уже вступила в свои права и осыпала все вокруг каким-то неправдоподобным, неуместным здесь золотом.

Непонятно откуда, почти с тыла появились вдруг два вражеских танка. Они двигались прямо на медсанбат, все сокрушая и давя на своем пути. Девушка метнула одну гранату, другую. Машины приближались по-прежнему зловеще быстро. Тогда Валерия схватила связку противотанковых гранат, но метнуть не хватило сил, она оказалась слишком тяжелой. Защитить раненых иначе девушка уже не могла и, не раздумывая, бросилась с гранатами под фашистский танк...

Это случилось при форсировании Днепра во время операции по освобождению украинской столицы. Художник решил показать героический поступок Валерии Гнаровской как естественный, единственно возможный для нее в ту минуту. И картина, которая была опубликована в № 47 «Огонька» за прошлый год, судя по письмам, тронула сердца зрителей.

Многие свои работы М. Самсонов посвятил былой славе русского оружия, написал «Священные камни Шипки», «Переход через Сиваш», сделал несколько диорам — «Штурм Перекопа в 1920 году» для Центрального музея Вооруженных Сил, «Рождение первых Советов» — совместно с Н. Бутом — для города Иванова...

Он признается, что когда-то по молодости недооценивал этот вид творчества. Но потом понял, сколько сил, умения требует от художника диорама, тем более панорама. И теперь часто повторяет слова П. П. Чистякова, которые замечательный художник и педагог произнес, увидев произведения Ф. Рубо: это искусство сильное, красивое, большое, ему принадлежит будущее...

Ныне каждый день Бородинская панорама открыта для посетителей. И в том, что она живет, действует, немалая заслуга М. И. Самсонова. Марат Иванович рассказывает:

— Двадцать три года назад в студию обратились с вопросом, можно ли восстановить панораму. Мы поехали туда вместе с нашим художником Петром Тарасовичем Мальцевым и увидели, что живопись и натурный план сильно пострадали. Но, думали мы, есть фотографии, цветные репродукции, сохранилась часть живописи Ф. Рубо — тридцать пять квадратных метров. И решили взяться. Прежде всего наклеили оставшееся изображение на новый холст, оно было для нас ориентиром уровня исполнения, техники, цветовых отношений.

Вскоре объявился человек, у которого хранились негативы на стекле, сделанные еще при жизни Рубо. С них мы точно перевели рисунок. Работали три месяца — такой нам дали срок. Двенадцать художников-грековцев писали днем и ночью.

Потом это отмечали как трудовой и творческий подвиг. А комиссия не могла найти, где вклеен кусок, написанный самим Ф. Рубо.

В Очакове, в Историческом музее имени Суворова, находится еще одна диорама М. Самсонова — «Штурм крепости Очаков русскими войсками в 1788 году». Мастер делал ее с большой радостью, вдохновением и провел настоящую исследовательскую работу, восстановив по документам, легендам не только события почти двухвековой давности, но и саму крепость, ее местоположение. Источники противоречили друг другу, пришлось долго искать, наконец он принял простое и верное решение. Забрался на маяк и, когда солнце село довольно низко и упали густые тени, ясно увидел, где проходил стенной ров, все очертания крепости.

Диорама вместе с двумя живописными панно, посвященными сражению на Кинбурнской косе и бою во время осады Очакова, составляют в музее своеобразный триптих, который рождает живое впечатление, непосредственный эффект присутствия.

Весь этот немалый опыт пригодился художнику в самой крупной, самой ответственной работе последних лет — над панорамой «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом». В группу баталистов, кроме него, входили прекрасные, опытные мастера: Н. Бут, В. Дмитриевский, П. Жигимонт, П. Мальцев, Ф. Усыпенко. Они взяли за основу один день, кульминационный — 26 января 1943 года, когда соединились части 62-й армии Сталинградского фронта и 21-й армии Донского фронта. Не нарушая исторической правды, органично и достоверно живописцы ввели в канву художественного повествования яркие эпизоды, происходившие на протяжении всех месяцев битвы, показали подвиги капитана Нечаева, таранившего фашистский танк своей подбитой и уже горящей «тридцатьчетверкой», связиста Путилова, летчика Рогальского, повторившего воздушный бой Гастелло, морского пехотинца Паникахи, снайпера Зайцева, многих других защитников Родины и создали мощную, потрясающую картину народного мужества и героизма.

Сейчас в Государственной картинной галерее в Москве открыта выставка «50 лет в боевом строю». Она приурочена к полувековому юбилею студии и сороколетию Победы над фашизмом. В ее экспозиции лучшие произведения грековцев, и среди них — полотна народного художника РСФСР, члена-корреспондента Академии художеств Марата Ивановича Самсонова.

М. Самсонов. Род. 1925. В МИНУТУ ЗАТИШЬЯ. 1958.

М. Самсонов. В ОСВОБОЖДЕННОМ СЕЛЕ. 1977.

БЕРУ И ПОМНЮ

Нина БУДЕННАЯ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

Красная Армия вошла в Крым. Наступил последний этап разгрома Врангеля. Первой Конной Армии была поставлена задача преследовать противника в направлении Симферополя и Севастополя. Враг бежал. В нашем авангарде шла 4-я кавдивизия. Вместе с передовыми частями 51-й дивизии 6-й армии, которой командовал Василий Константинович Блюхер, они подошли к Симферополю.

Я как-то поинтересовался у Блюхера:

— Простите, что любопытствую, но откуда у вас такая фамилия? У меня самого редкая, но тут хоть понятно — будний день. Наверно, когда-то был Праздничный, но по будням заносили. А вашу как объяснить?

— Между прочим, правильно спрашиваете. Фамилия эта не моя родовая: помещик так деда обозвал, очень тот был задиристый да воинственный. В честь прусского фельдмаршала Блюхера, героя Ватерлоо, и получил мой пращур такое прозвище.

Вот с блюхеровскими-то молодцами и подступала наша конармейская дивизия к Симферополю.

Чуть забрезжило, растолкал меня Климент Ефремович. Собран, подобран, взгляд целеустремленный — весь он уже там, впереди наших частей, Врангеля в плен берет.

— Куда собрался,— говорю,— Климент Ефремович?

— А то что негоже нам позади своей дивизии находиться. Едем сейчас в Симферополь, свяжемся оттуда с передовыми частями, выясним, как дела в Севастополе. Пора штаб переносить поближе к делу.

Сказано — сделано. Собрались моментально и отправились. Въезжаем в город — солнышко только что выскочило из-за кромки горизонта, тишина. И в полной тишине стоят, боясь отлучиться даже за естественной надобностью, солдаты — с красными бантами в положенных местах. С бантами — да не наши. Одеты с иголочки и сплошь в английском обмундировании. С нашими бедолагами не спутаешь.

— Смотри,—смеется Ворошилов,—как быстро преобразуется мышление в предлагаемых обстоятельствах.

Лошади наши шли степенно, с достоинством, как будто тоже понимали, что хозяева положения — мы.

— Тут их черт-те сколько, хотя и с бантами,— говорю.— Ожидать можно чего угодно, наши части еще только на подходе. Гарнизон невелик, а мы для охраны только броневик взяли. И что бы было нам несколько часов подождать? Все поперед батьки, все поперед батьки! Орлы.

— Что ты ворчишь? У них проснулось самосознание! — хохочет Ворошилов.— Когда поддадут как следует да одно место скипидаром смажут — самосознание ох как быстро пробуждается. Наши того гляди здесь будут, а пока этих «героев» надо переписать да зарегистрировать.

Начальник симферопольского гарнизона доложил мне, что в городе пятнадцать тысяч пленных, из них половина — офицеров. Охранять их некому, снуют куда кто хочет.

— Ты, Семен Михайлович, как старший принимай на себя должность начальника гарнизона и командуй,— сказал Климент Ефремович.— Надо этих цыган в порядок приводить.

— Разрешите, товарищ командарм, подыскать дом для Реввоенсовета Конармии? — вытянулся Зеленский.— Город хороший,— добавил неуставным голосом,— конфетку подберу.

— Дуй,— отвечаю.— Ищи к станции поближе, чтобы связь под рукой была, пока наши свою не подтянули.

Тот уехал за своей «конфеткой», а мы весь день до поздней ночи провозились, организуя регистрацию пленных и охрану по возможности: в городе красных было действительно раз, два — и обчелся.

Вернувшийся Зеленский доложил:

— Домик — пальчики оближешь: двухэтажный особнячок. И как раз около станции.

Уже полночь пробила, когда мы отправились в этот самый «пальчики оближешь». Какие-то узкие улочки, темень кромешная. Вроде мосточек какой-то прошагали и опять между заборами вьемся. Вдруг мой Казбек зацепился за что-то, заскакал, заиграл. Я остановился, усталый, сердитый. Присмотрелся — здоровый каменюга под забором лежит, лопухами зарос — днем не заметишь, не то что в ночи.

— Камни тут поразложили,— ворчу.— Вот объясни мне, Климент Ефремович, отчего люди, которые живут здесь годами, не удосужатся убрать эту булыгу, которая лежит у них под самым забором и всем мешает? Ну что, у них руки отсохнут, что ли? Все будут спотыкаться, а чтобы убрать — никогда. И откуда его черти принесли?

— Опять ворчишь,— говорит Ворошилов.— Значит, устал. А ты понимаешь, что уже все? Почти? Скоро отдохнем.

Тут и доехали. Действительно, удобный пустой двухэтажный особняк. Поднялись на второй этаж, облюбовали с Ворошиловым для себя уютную угловую комнату, а Зеленский лег рядом в проходной, не раздеваясь, и сразу захрапел.

— Утомился,— посочувствовал Климент Ефремович.

— Да, уморился, замертво свалился человек,— поддержал его я.

Климент Ефремович снял френч, прилег кровать опробовать.

— Ничего себе перинка,— сказал и захрапел.

— На спине спать вредно,— позаботился я о нем, да забота эта уже никому не нужна была.

«Пора на боковую»,— напутствовал я себя, однако медлил: того гляди должен был подойти 62-й полк 11-й кавдивизии, которому надлежало ночевать в Симферополе. Хотелось его дождаться. Для порядка.

Выбрался на ощупь из комнаты, протиснулся мимо спавшего прямо на голом сундуке Зеленского в зальце, выходившее окнами на улицу. Около открытого окна и притулился, вдыхая морозный воздух и вглядываясь в застывшую черноту. Тишину разрывали время от времени редкие неожиданные выстрелы.

Было около двух, то самое время, когда 62-му полку назначено вступить в город. И вот различил я далекий конский топ. Он приближался, слышался все отчетливее.

Можно было и на боковую. По примеру Климента Ефремовича я скинул бекешу на кровать, пошел будить Зеленского, чтобы послать его проверить, наша подходит часть или какая другая. Уже наклонился над ним, да он так сладко спал,— я его и пожалел. Адъютантская работа суетная, все на ногах да на ногах. Пусть спит, сам спущусь.

Перепоясался я ремнем, на котором висела кобура с парабеллумом, но оружие вынул и переложил в карман брюк. Так, на всякий случай.

Во дворе красноармеец возился с броневиком, что-то там ощупывал, железяками постукивал. Я вышел за калитку. Горели редкие фонари, и подходивший отряд был уже различим. За колонной громыхала тачанка с пулеметом.

Я направился навстречу. Вдруг передовые поддали и окружили меня. Я только рот открыл узнать, что за часть, а один, видимо, старший, как гаркнет:

— Сдавай оружие!

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Белые. Мои с броневиком в двух шагах, а крикнуть нельзя — тут и конец мой придет.

Поэтому я спокойненько так, не торопясь, стал расстегивать ремень, а мозг прямо распухал от мечущихся там мыслей, я физически это чувствовал. Выход искал — и не находил пока.

— Чего копаешься, давай живее, улитка проклятая! — кипятился главный.

— Да что вам от меня надо? — спросил, протягивая пояс.

Кто-то схватил его, потряс.

— Кобура-то пустая,— говорит.

— На что мне пистолет? — начал придуряться я.— Небось, писарем служу.

— Врешь, собака этакая,—закричал какой-то рыжий, в смушковой кубанке,— гля, у него шпоры на сапогах! Господин капитан, он кавалерист.

— Чего зря языком мелешь? — начал я валять ваньку.— Форма такая. Велено, вот и ношу.

А сам думаю: хоть бы не узнали, хоть бы не узнали! Узнают — моментом в расход пустят, цацкаться не будут, их время подпирает.

На мне был черный простой френч, одежда по тем временам международная. Ордена я носил только по торжественным случаям, так что костюм выдать меня не мог. Выдать меня могли только усы. К тому времени они получили уже широкую известность.

Как-то в один из приездов в Конармию Михаила Ивановича Калинина застал он меня поутру бреющим голову «под Котовского». Я только что тифом переболел, меня обрили, и какое-то время я в таком виде продолжал ходить.

Наблюдает Михаил Иванович эту процедуру, а я ему и говорю:

— Усы мне сбрить, что ли?

— И не смейте даже думать, Семен Михайлович. Усы ваши — это народное достояние.

Очень хозяйственный человек был Михаил Иванозич.

— А убьют тебя,— поддержал его Ворошилов,— и будешь ты в гробу лежать баба бабой.

— Тю на тебя, чего придумал! — ответил я, но усы брить не стал.

Мы их чуть позже того происшествия, о котором я рассказываю, наказали. Нам с Фрунзе какой-то занятный патрон бойцы притащили, мы такого и не видели.

— Распотрошим? — говорит Фрунзе.

— А то как же.

Распотрошили. Пулю вынули, порох высыпали на стол.

— Простой или бездымный? — гадает Михаил Васильевич.

— Проверим.— И, идиот старый, наклонился с папироской в зубах и сунул ее в порох.

Право, если господь хочет наказать, он ума лишает. Порох пыхнул, полуса как не бывало.

— Бездымный,— констатировал Фрунзе.— Тот дым, что был,— он от уса. Глаза целы? — И ржет, как жеребец, потому что уже видит, что глаза целы, но половины «народного достояния» и в помине нет.

Нашли мы какие-то ржавые овечьи ножницы, и ими Фрунзе в муках откромсал мне остатки былой красоты.

Но в ту симферопольскую ночь усы были еще на месте, и эта мужская гордость грозила выйти боком.

— Что вам от меня надо? — канючил я.— Хватаете людей ни зá что ни прó что.

— При штабе какого полка служишь? — спросил капитан.

— Девятнадцатый кавполк,— продолжал я затягивать время и посчитал свой ответ очень хитроумным — полк под номером девятнадцать был и у нас, и у белых. Я начинал уже понимать, что белый отряд, видимо, совершенно не представлял себе боевой обстановки, если решился идти через Симферополь. Значит, можно с ними поговорить и построже и погромче — может быть, на звук голосов кто из наших выйдет. Да только никто не выходил.

— Что за манера хватать людей на улице,— выламывался я.— Пошли в комендатуру, разберемся.

— Хватит языком молоть,— озлился капитан и пнул меня ногой в плечо.— А ну иди!

И повели по улице, стеснив конями с двух сторон. Это мне совсем не понравилось. Однако иду, делать нечего. Никогда не предполагал, что так бесславно, по-дурацки сочтутся мои дни.

Начал потихоньку оглядываться, прикидывать обстановку.

— Вы регулярная часть или как? — спрашиваю негромко правого конвоира, рыжего, в смушковой кубанке.

— Теперь сам леший не разберет. Да тебе-то к чему? Сейчас за город выведем и хлопнем.

— А кто командир?

— Капитан Орлов... Больно ты любопытный. Сам-то кто будешь?

— Так сказал уже — писарь. И что вы в меня вцепились, дался я вам?

— Топай, топай,— рыгочет.— Приказано расстрелять, раз ты красный, значит, расстреляем.

Тут я понимаю, что все они выпивши, дух вокруг них стойкий держался. Терять мне было нечего. Как-никак — девятизарядный парабеллум в кармане. Надо было только выбрать удобное место и с толком пустить его в дело. Это место я и присматривал.

Начинало светать, и кое-что уже можно было разглядеть. Впереди овраг, через него мосток переброшен. Ага, тот самый, мимо которого ехали утром. Овраг глубиною метра два — два с половиной. Подходяще. Тут я и дам стрекача — через перила в овраг, и тягу. По оврагу конем не проедешь, придется слезать — уже выигрыш во времени. Да и долго искать меня — себе дороже: теперь у белых на такое роскошество времени нет. Так что, глядишь, и получится.

Орлов что-то покрикивал время от времени, отдавал распоряжения. Вот в переулок завернула тачанка, затарахтела на колдобинах, потом отделилась группа кавалеристов, свернула на соседнюю улицу, на которой слышалось какое-то движение. Раздались крики, поднялась стрельба и смолкла.

Меня неласково толкнули в спину, пришлось ускорить шаг. И, скажу я вам, очень мне не нравилось, как мой левый страж себя вел: что-то очень пристально он меня разглядывал. И так посмотрит, и этак.

Правильно, что не нравилось. Вижу, дал он лошади шпоры, и к Орлову. А мосточек с овражком все ближе и ближе.

Конвоир с капитаном шепчутся, я напрягся, вслушиваться стал — точно! Мою фамилию произносят. Правую руку просто силой воли сдерживаю, чтобы в карман за парабеллумом не полезла: рано себя обнаруживать. «Прямо сразу так тебе Орлов и поверит, что командармы по ночам в одиночестве шастают и в руки легко даются»,— думаю. И правда: Орлов головой мотает, недоверие выражает. А этот гад долдонит свое.

Смотрю, капитан коня придерживает, дает мне себя нагнать. Приставляет мне к виску дуло нагана — такое прохладное, твердое, и говорит:

— А ты, случаем, не Буденный?

— Еще чего не хватало,— отвечаю.— Писарь я,— стою на своем.— Свое дело знаю, за чужое не берусь.

А дуло так и холодит висок. А овражек — вот он, вот он, дорогой мой.

— Был бы ты Буденный, я бы тебя отпустил. Храбрых не бью. Так все-таки?

«Сейчас,— думаю,— жди, признаюсь. И это будут мои последние слова на этом свете. И так уже хорошего дурака свалял».

— Не заставляйте меня на себя наговаривать,— прикидываюсь казанским сиротою.— Что я, Лжедмитрий какой-нибудь? Сами подумайте: зачем Буденному бродить ночью по городу? Чего ему прежде своих частей в город лезть?

«И действительно, чего? — сам себя спрашиваю.— Вот и получил, торопыга». Складно так рассуждается. Видно, дуло нагана, приставленное к виску, очень способствует прочищению мозгов.

Орлов легонько толкнул мою голову револьвером системы наган и приказал своим:

— Обыщите его!

Трое спрыгнули с лошадей и ринулись ко мне.

«Теперь или никогда!» — скомандовал я себе и, чтобы сместить внимание Орлова с моей так подведшей меня башки, быстро выхватил из кармана и протянул ему золотые часы — подарок ВЦИК, врученный мне Михаилом Ивановичем Калининым, который разделял мнение Ворошилова, что в гробу лучше лежать не баба бабой, а мужик мужиком. И дело к тому шло.

— Вот все, что у меня есть, возьмите!

Орлов машинально протянул за часами руку, что и требовалось, и так же механически стал выискивать вокруг себя наиболее освещенное место, чтобы разглядеть их. На это я и рассчитывал. В ту же секунду я отпрянул от его нагана, одновременно выхватывая парабеллум, и выстрелил почти в упор.

Капитан на мое движение среагировал моментально — война есть война, она дает людям совершенно непригодный для мирной жизни опыт, но учит их выживать в сражении,— он мигом пригнулся к седлу и выстрелил сам. Да я ведь тоже опытный вояка — одновременно с выстрелом шарахнулся в сторону (пуля угодила в спешившегося беляка) и, нырнув под голову лошади Орлова, прыгнул в черную пустоту оврага. Вскочил, как на пружинах, и бросился в темноту. Захлопали выстрелы, засвистели пули. Я слышал, как ломились за мной бандиты. Невидимый в темноте, я получил возможность осмотреться. За мной с обнаженными клинками бежали четверо. Тогда я неторопливо, прицельно открыл по ним огонь. Попадали. Бежать дальше по ночному, заваленному всяким хламом оврагу было небезопасно. Во-первых, я не знал, куда он меня выведет. Во-вторых, по свободным проулкам с двух его сторон меня можно было нагнать и сверху пристрелить. Поэтому я выбрался из оврага и побежал вдоль забора, шедшего по краю. И самым моим большим желанием было махнуть за эту ограду, потому что на ее фоне я стал различим и поэтому уязвим.

А погоня продолжалась. О доски забора рикошетили пули, и был он высок и сверху повит колючей проволокой. Я ловок и силен, но сто семьдесят два сантиметра роста — они и есть сто семьдесят два: никак не удавалось мне, подпрыгнув, уцепиться за что-то, чтобы подтянуться. А колючая проволока — так тьфу на нее, подумаешь, руки разорву. Не до жиру.

Бегу я вдоль этого распроклятого забора, только пятки сверкают. Но понимаю, что плохо мое дело. За мной упорно гнались, стреляли, и то, что промахивались, как говорится, не моя вина, но ихняя беда.

Слышу, кричат:

— Смотри, он у забора!

— Скачи наперерез, в калитку уйдет!

«Ага, имеется калитка!» И я поднаддал. Только бы не отрезали от нее, только бы успеть. У меня еще четыре патрона. Ничего, повоюем. Если успею.

До калитки я домчался почти одновременно с орловцами. Пришлось, вдавившись за косяк, стрелять. Двоих снял с лошадей, в третьего промазал, но задел коня. Тот вздыбился, крутанулся и стряс всадника. Я навалился на калитку. А она заперта.

Это была та улочка, по которой мы вечером ехали с Ворошиловым. Я ее узнал. «Камень! Должен быть камень!» — вспомнил я.

И пока мой противник разворачивал храпящую лошадь, я дунул к камню что было мочи. Он, родимый мой, по-прежнему лежал в лопухах. Я сидел уже на гребне забора, когда мне подлетел, размахивая шашкой, разъяренный преследователь. Я развернулся всем корпусом, чтобы выстрелить, но на меня уже со свистом опускался клинок. К моему счастью, удар пришелся по парабеллуму, который полетел в неизвестном направлении. А я в известном—за забор, куда и собирался.

Уселся на корточки, привалился спиной к доскам и дышу, как загнанный. Сил же никаких нет!

Тут опять пальба началась, на соседней улице. Да это уже не по мне. (Потом оказалось, это вошла в город разведка 51-й дивизии.) И снова затихло.

Я отдышался, поднялся и пошел вдоль забора к калитке. Отодвинул засов, выглянул. Пустота, никого. Будто и не тут несколько минут назад я метался, как затравленный. Пошарил вокруг себя и подобрал подходящий булыжник. Какое-никакое, а все оружие. Пусть будет. И пошел к своему камню, к моему спасителю. Даже погладил его рукою, подержался за холодный, промерзший бок, погрел его ладонью. С нежностью подумал о человеке большой души, о том великолепном лентяе, который так и не удосужился убрать этот всем мешающий камень с кромки узкой дороги. И мысленно благословил их — и камень, и лентяя.

Потом осмотрел землю вокруг — не лежит ли где мой парабеллум. Нет, не лежит.

Искать тут долго было несподручно, следовало возвращаться. И я пошел в сторону особняка, в котором спал Ворошилов и видел боевые сны храпевший одетым на деревянном сундуке Зеленский.

И был я устал, опустошен и раздосадован. Как легко меня зацапали! А не переложи я вовремя оружие в карман? Погиб бы ни за понюх табаку. Срам!

Тут и мой мостик завиднелся, смотрю — около него какие-то люди копошатся, ко мне направились. Наши, свои. Вдруг за спиной топот. Повернулся — скачут галопом трое кавалеристов, мои недавние преследователи. Тут уж, имея за спиной подкрепление, я совсем обнаглел. Вылетел на середину дороги, камнем замахнулся и как крикну:

— Стой! Стрелять буду!

Лошади даже на задние ноги присели.

— Товарищи бойцы, ко мне! — зову своих.

Пока орловцы не пришли в себя, выхватил у одного красноармейца карабин, направил на них:

— А ну живо слезай с лошадей, кому сказал! Забирайте их, ребята, и ведите куда следует.

Такой живописной группой мы и направились дальше. Я все к своему особняку пробивался.

И снова конский топот. Подошел наш конармейский эскадрон. Узнали, улыбаются. Командир доложился по уставу, я распорядился устраиваться на ночлег.

— И выставите усиленное сторожевое охранение,—уточнил.— Да повнимательнее — здесь пока неспокойно. Черт-те кто по улицам шастает, зевак разных хватает.

И снова цокот копыт. Что за оказия? Подъезжает к нам Орлов и компания. Видимо, потемну, да с пьяну, да в незнакомом месте совсем закаруселились.

— Окружить! — приказал я.

И когда конармейцы, которым повторять дважды ничего не надо было, взяли их в кольцо, мой бывший конвоир, всклокоченный и печальный, сказал мрачно, но злорадно:

— Ну? Я же говорил, что это Буденный!

— Теперь и сами видим,— сказал Орлов.

Кислый у него вид был. Сидел на коне скрючившись, ладонью плечо зажимал — все-таки попал я в него, значит.

— А ну, герои, у кого мой парабеллум? — спрашиваю.

Зашевелился один, пистолет мой по рукам пошел. Я его взял, оглядел. На дуле засечка

от удара, но не глубокая — сталь качественная. Так что работать им можно.

Орлов молчком вынул из кармана мои золотые часы, приблизился и протянул их мне.

— Я вас грабить не собирался,— говорит.— Вы мне эти часы сами сунули... У меня к вам просьба: решайте поскорее мою судьбу. Все надоело. Лишь бы к одному концу.

— Разберемся. Отведите их,— приказал.— Да этого,— указал на Орлова,— пусть перевяжут.

Вот и добрался я наконец до дома. Захожу к своим — спят. Посапывают тихо, мирно. Стал раздеваться, стулом двинул. Тут Климент Ефремович глаза открыл.

— Ты что, Семен Михайлович, только ложишься? Откуда ты?

— С того света, брат.

— Что за шутки? — Ворошилов даже сел на кровати.

— Какие уж тут шутки!

Рассказал ему о ночном происшествии. Со всеми увлекательными подробностями. А он так за меня задним числом испугался, что даже озлился.

— Ну и дурак же ты,— говорит,— Семен Михайлович. Других учишь, а для самого закона нет. Какое право ты имел выходить ночью один? Ты же должен отдавать себе отчет, какая на тебе ответственность, сколькие люди вверили тебе свои жизни и судьбы? А о стране ты подумал?

Что тут скажешь? Прав был Климент Ефремович, конечно, прав.

— Нечего мне возразить тебе, друг ты мой дорогой. Не думал я о стране — гигантомании не страдаю. А думал я очень узко — о своей собственной шкуре и о том, что она в общем-то ладно на меня натянута и любая дырка в ней — лишняя. И еще думаю я, Климент Ефремович, что, если мы с тобой, два молодых, сильных, ловких и умных мужика, глядя по утрам в зеркало, будем каждый раз повторять себе: «Этого человека надо беречь и сохранять, потому что он ой еще как нужен стране и народу»,— ни черта мы с тобой не сделаем. И не сделали бы.

— Зачем так-то уж. Я же говорю о разумной осторожности.

— И опять ты прав. Да я ведь уже и наказан.

— Если бы в первый раз...— Тут Ворошилов вдруг захохотал.— Какой артист в тебе погиб, гражданин писарь! Ну и везучий ты человек, вот везучий! А если бы Зеленский не спал и ты его к Орлову отправил?

— Он бы тоже выкрутился.

А что? Я, наверное, вправду везучий. Есть у меня какое-то такое счастье. Вроде предопределения судьбы. Недаром, когда я выступал как-то на съезде женщин-горянок — а они в судьбе толк знают,— пока я говорил, они мне шинель всю обстригли. Начал речь произносить — шинель до щиколоток была. Кончил — а она до коленей.

— Товарищи женщины,— говорю,— милые мои горянки, как это прикажете понимать?

А самые передовые женщины Кавказа и Закавказья мне и отвечают:

— Разобрали мы вашу шинель, Семен Михайлович, на амулеты. От врага, от пули врага, от дурного глаза врага, от болезни, от беды и от несчастья. И чтобы родители были здоровы, и дети наши, и мужья наши, и друзья наши. А лучше всего отдай-ка ты нам эту шинель совсем, потому что родственников много, друзей много. Надо, чтобы всем хватило.

Я и отдал. А парабеллум свой с вмятиной на стволе сам всю жизнь храню.

Знаешь, как в той детской игре: «Даю и помню, беру и помню».

Фото М. САВИНА

1941 год, июнь, самая короткая в году ночь, и всю эту ночь последней тишины стояла у порога нашего советского дома война. Железный зверь припал к туману поймы пограничной реки. А на рассвете он метнулся через рубеж СССР. Из-за Буга полетели снаряды. В Бресте и казармах крепости посыпались оконные стекла.

Старая крепость на правом берегу приграничного Западного Буга вряд ли собиралась воевать. Ей уже было далеко за сто лет; некогда внушительный земляной вал стал ниже, порос травой и кустами, над совсем негрозными стенами и фортами поднялись тополя, вдоль Муховца, впадающего в Буг, заросли жасмина, живописные плакучие ивы... Но поселение на Буге, тем более Брестская крепость никогда не были распахнутой калиткой для ворогов и поджигателей мирных рассветов.

...«Я — крепость! Я — крепость! Ведем бой. Боеприпасов достаточно, потери незначительны. Ждем указаний, перехожу на прием». Бодрые позывные летели на восток и днем, и ночью, пока не иссякло питание. Замолчала рация, но выстрелы гремели еще долго.

История обороны Брестской крепости началась с того, что то один, то другой красноармеец отступавших на восток частей вдруг говорил: «А крепость в Бресте воюет! Держатся ребята... Наверное, пограничники...»

Да, крепость воевала. И 22 июня, и в июле... О них не писали в газетах, не сообщали в сводках Информбюро. О них написал после войны Сергей Сергеевич Смирнов, когда легенда стала былью, фактом истории.

В 1965 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Брестской крепости присвоено звание «Крепость-герой». К полотнищу спасенного знамени были прикреплены орден Ленина и Золотая Звезда. Крепости, как солдату.

Когда вернулись наши, камни заговорили: «Я остался один... Осталась последняя граната, но живым не дамся...» И снова надпись на камне: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай Родина! 20 июля 1941 года».

В Музее обороны Брестской крепости хранится боевая реликвия: обрывки рукописного приказа. «Приказ № 1, 24 июня 1941 года». Смысл его — ни шагу назад, держаться до последней капли крови. Старая крепость была вновь мобилизована!

На них обрушили тысячи тонн железа, их штурмом пытались взять — живыми или мертвыми — танки, артиллерия, авиация. У них скоро уже не было воды, еды, лекарств, бинтов...

«Я – КРЕПОСТЬ»

Нет, все равно не сдавались. Большинство приняли смерть в бою — неравном, изнуряющем, но все, как бы ни сложилась их судьба,— герои.

Это им всем Золотая Звезда, прикрепленная к знамени.

...Идут, идут люди — сорок лет идут на поклон к тем, кто встретил врага в далеком роковом 1941 году. Идут, минуя ворота мемориала, прорезанные в виде пятиконечной звезды в бетонном массиве. А впереди, над развалинами бывшей Инженерной казармы поднимается глыба символической крепостной стены-памятника. И — могучая голова воина-защитника, он по-прежнему полон решимости драться с превосходящим противником. Рядом с головой витязя — нержавеющая сталь обелиска. Словно гигантский штык взметнулся над неугасимым огнем нашей памяти.

Так выглядит мемориал, венчающий полуторавековую историю русской военной крепости на правом берегу Западного Буга. Его коллективный автор — скульпторы и архитекторы, работу которых возглавлял народный художник СССР Александр Павлович Кибальников.

...Идут, идут люди, мои современники, словно откликаясь на давние позывные: «Я — крепость! Я — крепость!..» Это радирует нам, живым, само бессмертие.

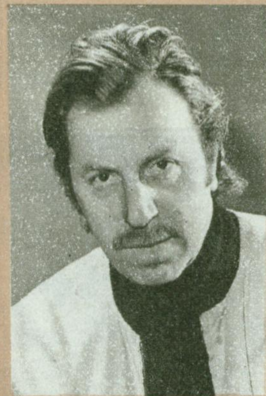
Николай БЫКОВ

40 лет
победы

Я мира жажду...

Борис РАХМАНИН

ПОЭМА

Прости меня, прошу тебя, прости
за дни Земли, исполненные гнева,
за то, что реактивные персты
с угрозою показывают в небо.
Поверь, перевернула душу мне
твоя, без слов, немая укоризна
за то, что раздается в тишине
биенье часового механизма.
Неужто истекает наша жизнь,
уйдем внезапно, даже не состарясь?
Отсчитывает время механизм:
тик-так, тик-так...
Так сколько же осталось?
Прости! Не отвести мне жадных глаз
от твоего весеннего загара,
я счастлив,
будто в небо, а не в нас
нацелена зловещая сигара.
Прости!..
А ты смеешься,
невзначай
плечами золотыми пожимая,
вины за мною видеть не желая,
простить меня готова...
Не прощай!
Знай — все взаимосвязано со мной,
и миг, который был беспечно прожит,
слезами,
чьей-то ранней сединой,
землетрясеньем
обернуться может,
затменьем солнца!..
Ты смеешься? Что ж,
наверно, это и смешно отчасти,
но пробегает вдруг по коже дрожь,
но сердце биться начинает чаще.
Что, если вправду налетит беда,
и вместо солнца — темный круг затменья?
Что, если вправду? Что тогда?
Тогда
просить уж поздно у тебя прощенья.
Прости сейчас!
Нет, не прощай,
пока
на боли мира не настрою душу,
на боли века...
Вот тебе рука —
отныне, верь мне, не солгу, не струшу.
И если все же битва впереди —
в отца я, в победившего солдата...
А ты — ты жди, любимая, ты жди,
как матушка моя ждала когда-то.
Ждала, хоть извещение пришло,
а вместе с ним простреленное фото,
хоть в складчину, один на все село,
воздвигли люди памятник почета.
Ждала, от пули заслонив собой...
И вот
пришел он,
костыли роняя,
и выбили на мраморе: «Живой!»
А твой отец... А твой... Прости, родная!
Все знаю — он пропал сперва... Исчез...
И вы писали с мамой командиру:
коль нет в живых — живой оставьте честь,
найдите на земле его могилу!
Нашли...
Попробуй радость ту измерь,
тот жданный миг — страданья искупавший,
ведь муж ее
и твой отец
теперь
не без вести пропавший был —
а павший!
Бессмертьем можно павшего спасти,
чтоб в благодарной памяти он ожил,
чтоб жил!..
Поплачь, родная, и прости,
прости, что сердце сердцем растревожил.
О, как же дорог нам с тобою мир,
святой отцовской кровью обагренный...
Но вновь, опять над миром посвист мин,
дрожит земля от пушечного грома,
но вновь «тик-так!» железные уста,
как приговор, бесстрастно прорицают,
и незаметно блекнет красота,
и лоб крутой морщины прорезают.
«Тик-так!» — неотвратимостью страша,
стучит в заряде хитрое устройство,
и вот уж кто-то, взять свое спеша,
пьет «из горла́», без закуси, без тоста.
И вот уж бор кедровый
накренил
корыстью чьей-то сломанные ветки,
и вот уж рыба вверх всплывает
кверху
брюшком смертельно-белым, икряным...
Давненько я кукушки не слыхал,
считавшей наши годы монотонно,
а ворон — впрочем, может быть, ворона? —
на форточке сидит, вещая: «Кар-р-р!»
Сгинь, оборотень!
Сбивчиво, не в такт
то ухнет в пропасть сердце, то взовьется.
Бьет веко века нервный тик... «Тик-так!»
Вот-вот будильник дьявольский взорвется.
Скорей, быстрей, как будто по пятам —
гиппопотам
в чудовищном экстазе...
У нас-то нервы крепкие, а там,
у антиподов, явный сдвиг по фазе...
Там дефицит смирительных рубах,
там бум бомбоубежищ-общежитий...
«В бетонных комфортабельных гробах,—
твердит реклама,— смерти избежите!»
Ну, а для тех, кто ропщет, становясь
в заполнившие улицы колонны,
есть — все там есть! — слезоточивый газ,
тюрьмой под небом стали стадионы.
По головам ногами — их футбол,
как некогда в Дахау, в Равенсбрюке,
мятежник сквозь колючий частокол
костлявые протягивает руки.
Звенит железо ржавое оков,
кричать «Зиг хайль!» подростков заставляют
и в спины с пыльных черных чердаков
по-снайперски, с глушителем стреляют.
Раздолье наркоману, палачу,
напалмом выжгут за собой улики,
Джоконду в Лувре — бритвой по лицу,
крест-накрест по загадочной улыбке.
Магнатам жадность раздувает зоб,
дельцов от подлой скаредности корчит.
Хотят на страхе, вызвавшем озноб,
нагреть подагрой скрюченные когти.
Еще! Еще!.. Не устают грести,
так увлеклись, что хоть самим в пучину,
в небытие, в тартарары...
Прости
за эту слишком страшную картину.
Я прям с тобой, но ты должна простить.
Когда б светлей, благополучней вышло,
ты не смогла бы, может быть, постичь
моей любви возвышенного смысла.
Он в том, что ты души моей оплот,
моих поступков и деяний мера.
Нет, не погибнет мир,
нет, не умрет,
раз в нем живут любовь, надежда, вера.
Не думай, что сказал я невпопад,
все до словечка вызрело заране.
Возьми в подарок этот звездопад,
любое — слышишь? — загадай желанье.
И я их разгадаю все, поверь,
у нас с тобою общие секреты.
Мы так хотим, чтоб злой секундомер
успели люди вынуть из ракеты,
чтоб тикал он, обученный добру,
забыв про предыдущее заданье;
кукушка чтоб в очнувшемся бору
года бы нам считала за годами;
чтоб повод был у нас опорожнить
хрустальный кубок с виноградным солнцем;
чтоб гейгеровский счетчик упразднить
сочли возможным даже и японцы;
чтоб в нежном свете выжившей зари
земля вдвойне нам показалась краше...
Все сбудется! Сбывается!
Смотри,
Джоконда улыбается, как раньше!
Пустым мечтам — цена, известно, грош,
желания сбываются непросто,
не просьбами сбываются,
и все ж,
есть у меня к тебе большая просьба:
надень цветной, чуть тесный сарафан,
тот самый, помнишь?
Ну, потрафь ты мужу!..
Смотрите, люди, представляю вам
моей мечты стеснительную музу.
Всмотритесь повнимательнее — вот
моей непобедимости причина.
Родная, ты души моей оплот,
пока ты есть — я рыцарь, я мужчина.
Плечом вперед, со сжатым кулаком
стою,
тебя
спасая от кошмара.
Голубки пикассовской
с хохолком,
прости,
в минуту этакую
мало.
Да разве дам я совершиться злу?
Я томагавк, беду несущий миру,
по адресу обратному пошлю,
на полпути перехватив секиру.
Да разве дам ее я занести
над рыжею твоею головою?!
Я мира жажду,
но готов и к бою.
А если...
Если не вернусь —
прости!

ОРЛИНОЕ ПЛЕМЯ

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото И. ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ИСТОКИ

Тихий купеческий городок Борисоглебск был взбудоражен: весной 1912 года на заборах и лабазах появились афиши, на которых аршинными буквами было написано нечто несусветное. Одни, читая афиши, крестились, другие поминали черта, третьи восклицали: «Наконец-то!» Билеты шли нарасхват. Прочитал по слогам объявление и четырнадцатилетний подросток Саша Петров. «28 апреля на ипподроме Борисоглебского бегового общества состоятся полеты авиатора Б. И. Россинского на аэроплане системы «Блерио». Играет оркестр военной музыки. В случае отмены полета билеты действительны на следующий день».

Когда самолет взлетел и сделал над ипподромом два круга, все замерли и молчали до тех пор, пока Россинский не приземлился. А потом потрясенные увиденным чудом борисоглебцы кричали «ура», качали пилота, механика, друг друга и даже подвернувшегося под руку Сашу.

Тогда-то и загорелся подросток мечтой о небе: он хотел научиться так же уверенно управлять самолетом. И научился! Через пять лет Саша окончил школу пилотов, участвовал в гражданской войне, командовал авиационным отрядом. Так случилось, что именно он, Александр Петров, оказался одним из тех, кто, если так можно выразиться, подарил родному городу школу пилотов.

Когда в 1922 году по личному указанию В. И. Ленина рассматривался вопрос о создании военной авиашколы, А. Петров предложил открыть ее в Борисоглебске. Предложение было принято, и 5 января 1923 года приказом Главного начальника Воздушного Флота СССР началось формирование «Второй военной школы летчиков Красного Воздушного Флота». Вскоре в Борисоглебск прибыло два эшелона с оборудованием и самолетами. В основном это были трофейные «Ньюпоры», «Анрио», «Моска», «Авро» и «Моран-Парасоли». Мощность их двигателей была всего восемьдесят лошадиных сил, а скорость порядка ста тридцати километров в час.

Первым поднялся в воздух на самолете «Авро» курсант Ф. Уваров. Через много лет он вспоминал: «Сколько было волнений и радости! Я и сейчас помню об этих счастливых днях моей жизни. А с какой завистью смотрели товарищи на нас, получивших возможность первыми начать полеты!»

Парни в первом наборе были упорные, если хотите, настырные. Но особенно заметным среди них был Валерий Чкалов. Окающий, коренастый волжанин ухитрялся почти одновременно быть в нескольких местах: на аэродроме, в мастерских, в библиотеке, на футбольном поле, на сцене самодеятельного театра. Театром он, кстати, увлекался всерьез и однажды так сыграл купца Бессуднова, что ему устроили бурную овацию и долго говорили, что он рожден для сцены.

— Нет,— отвечал Чкалов.— Я рожден летать.

И слово у него не расходилось с делом. Приступив к летному обучению во втором потоке, он вскоре догнал тех, кто начал раньше, и окончил школу в числе первых десяти выпускников.

Шли годы... Борисоглебская школа давала путевку в небо все новым и новым летчикам. О многих из них вскоре узнала вся страна. Первым стал Н. П. Каманин — он принимал активное участие в спасении челюскинцев. Ему одному из первых в стране было присвоено звание Героя Советского Союза.

А вскоре взошла звезда В. П. Чкалова. Через некоторое время весь мир узнал о героических перелетах и других борисоглебцев — А. Б. Юмашева, В. К. Коккинаки, И. П. Мазурука. Все они стали в подлинном смысле этого слова народными героями. Кто в те годы не знал и таких асов, как П. В. Рычагов, В. С. Хользунов, Е. С. Птухин, Э. Г. Шахт! Хоть и под другими фамилиями, но они хорошо были известны и в Испании: только эскадрилья Рычагова сбила тогда сорок фашистских самолетов.

За бои в Испании тридцать два советских летчика были удостоены звания Героя Советского Союза, девять из них — борисоглебцы. Сражения у Хасана и Халхин-Гола еще больше упрочили славу Борисоглебской школы.

В декабре 1938 года шла подготовка к очередному выпуску. И вдруг как удар грома: погиб Валерий Чкалов. Во время полета по кругу у него отказал мотор. Самолет потерял скорость и начал падать. Чкалов, безусловно, его бы посадил. И посадил. В сугроб. Но под снегом оказался штабель досок...

После траурного митинга курсанты решили обратиться с просьбой о присвоении школе имени Чкалова. 28 декабря 1938 года нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов подписал приказ, в котором говорилось: «В соответствии с постановлением СНК Союза ССР об увековечении памяти великого летчика нашего времени Героя Советского Союза комбрига Валерия Павловича Чкалова присвоить имя товарища Чкалова Борисоглебской авиационной школе...»

С этого дня девизом всех борисоглебцев стало: «Учиться, работать и летать по-чкаловски».

ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ

22 июня чуть ли не все курсанты и инструкторы написали рапорты с просьбой немедленно отправить на фронт. В бой рвались все: и первокурсники, и опытнейшие инструкторы, техники, связисты. Но приказ был строг: продолжать работу и готовить для фронта грамотных, умелых бойцов.

И ребята летали по кругу, выполняли сложный пилотаж, учились стрелять по конусу и наземным мишеням. А с фронта приходили вести о победах борисоглебцев и о тяжелых потерях. Погиб любимец курса М. Тетерев. В обагренном кровью партбилете лежало письмо, в котором он сообщал, что сражается как коммунист и от его ударов уже нашли могилу три фашистских стервятника.

А вскоре все узнали о подвиге недавнего выпускника школы Виктора Талалихина. В ночь на 8 августа фашисты совершили массированный налет на Москву. Когда у В. Талалихина кончились патроны, он таранил двухмоторный бомбардировщик. Самолет Виктора развалился, но летчик благополучно приземлился на парашюте. Виктор Талалихин стал первым Героем Советского Союза среди борисоглебцев, удостоенных этого звания в годы войны. Никто тогда не знал, каким внушительным будет этот список к сорок пятому: 262 воспитанника школы станут Героями Советского Союза, в том числе 12 — дважды.

Летом сорок второго, когда враг подошел к Дону, школу перебазировали на Урал в город Троицк. Жили в палатках, сараях и бараках, спали на трехъярусных койках, теоретические занятия проводились в этих же бараках. Но летали много. Летали в любую погоду и мишени обрабатывали на диво точно.

А на фронте наши летчики, получив более совершенные самолеты, постепенно сводили на нет преимущество гитлеровцев в воздухе. Вклад борисоглебцев в это был так велик, что 15 апреля 1943 года школу наградили орденом Ленина.

К этому времени имена многих питомцев школы стали известны всей стране. В самом начале войны беспримерный подвиг совершил Н. Ф. Гастелло, направив горящий самолет на вражескую колонну. Девятнадцать выпускников Борисоглебской летной школы повторили огненный таран Гастелло.

...И тут я не могу не нарушить хронологию рассказа об училище. Побывав на одном из уроков мужества, я видел взбугрившиеся до белизны желваки курсантов, видел покрасневшие от слез глаза, да и сам, честно говоря, не раз доставал платок... Целый час сидели мы в аудитории, не проронив ни слова. Мы слушали старую-престарую пленку, на которой были записаны переговоры командного пункта с находившимися в воздухе экипажами. Сквозь шорох и треск доносятся голоса живых людей, звучать которым оставалось даже не минуты, а секунды. Вот кто-то, неразборчиво назвав позывной, говорит, что он горит, патронов нет и он идет на таран. «Прощайте, товарищи! Сейчас я им, гадам, врежу!» И вдруг — песня. Молодая, веселая, но и зловеще-яростная, по слогам: «Рас-цветай-те, ябло-ни и гру-уши». А потом вскрик: «Э-эх, Катюша!»

Ожидаешь грохота, взрыва. Но вместо этого пронзительная, без единого шороха тишина...

Другая запись. Земля: «Ноль семнадцатый, бери выше. Внизу «мессеры». Спокойный ответ: «Выше не получается, срезано крыло. Горим». И громкий, кажется, на всю Вселенную молодой голос: «Прощай, Родина! Иду к Гастелло!»

Есть на Руси старая, но очень верная поговорка: «На миру и смерть красна». Летчики очень редко погибали на миру. Их могил мало. Если подбитый самолет падал на своей территории, хоть какие-то останки собирали и хоронили. Но часто самолеты врезались в землю за линией фронта, бывало и так, что в воздухе наших больше не было и сообщить о гибели никто не мог. Тогда родным отправляли извещение: «Пропал без вести».

Точно так же пропал без вести полковник Ш. Б. Бидзинашвили. В сентябре сорок третьего группа торпедоносцев наносила удар по военно-морской базе в Констанце. Несмотря на сильный заградительный огонь и атаки истребителей, торпедоносцы прорвались к базе и задание выполнили. Но домой вернулись не все. Одним из летчиков, пропавших без вести, был и выпускник Борисоглебской школы Шио Бидзинашвили... Только через тридцать пять лет стали известны подробности его гибели: полковник Бидзинашвили направил свой горящий самолет на нефтебазу.

Огненный таран всегда заканчивается гибелью пилота. А вот воздушный — не всегда. Среди сорока пяти борисоглебцев, совершивших воздушные тараны, есть летчики, сделавшие по два тарана и оставшиеся в живых.

Младший лейтенант П. М. Камозин прибыл на фронт в октябре сорок второго, в мае стал Героем Советского Союза, а в дни боев за освобождение Крыма стал личным врагом Геринга. Однажды во время «свободной охоты» Камозин обнаружил большой транспортный самолет в окружении шести «мессеров». Камозин сразу понял, что этот транспортник — важная птица: обычному самолету такое сопровождение не дадут. Атака была настолько дерзкой и стремительной, что фашистские истребители не успели среагировать. Советский истребитель ушел в облака, а транспортник рухнул на землю. Позже стало известно, что в этом самолете было восемнадцать гитлеровских генералов и полковников, которые везли ордена и медали для «поддержания духа доблестных солдат и офицеров фюрера».

За Камозиным начали охотиться. Фашистское командование даже объявило награду тому, кто собьет советского летчика. Чтобы избавиться от Камозина наверняка, из Германии вызвали группу асов так называемой «бриллиантовой эскадрильи», которая подчинялась непосредственно Герингу. Перехватить Камозина при возвращении с задания, когда горючее и боезапас на исходе, решил опытнейший фашистский летчик по кличке «Граф». Камозин принял бой. Умелым маневром он на какое-то мгновение ушел из поля зрения Графа. Этого было достаточно, чтобы всадить в размалеванный «мессер» остатки боезапаса. Вскоре П. М. Камозин стал первым борисоглебцем, удостоенным звания Героя Советского Союза дважды.

Борисоглебцы дали немало прекрасных летчиков, но имя одного из них вписано в историю училища особой строкой. Выпускник 1934 года Л. Г. Белоусов одержал куда более трудную победу — победу над тяжелейшим недугом, над самим собой. Еще в тридцать восьмом, возвращаясь на аэродром после перехвата самолета—нарушителя воздушной границы, он вынужден был приземляться в сильную пургу. Самолет Белоусов посадил, но от удара вспыхнули бензобаки. Очнулся в госпитале. Вместо лица сплошной ожог. И не видят глаза... Зрение удалось вернуть, а вот лицо так и осталось сплошной раной. Но Белоусов поднялся в воздух! Он сделал специальную маску и летал на самые сложные задания...

Орден Красного Знамени вручал А. А. Жданов. Увидев его лицо, покрытое незажившими ранами, А. А. Жданов невольно спросил:

— Как же вы летаете?

— Это ничего, товарищ Жданов. Уже подживает и летать не мешает.

Но Жданов запретил ему летать и распорядился, чтобы отправили на лечение.

Война застала Белоусова на полуострове Ханко. Он много летал, вел воздушные бои, охранял Дорогу жизни и ...еле ходил: гангрена. Ампутировали одну ногу, а потом и вторую. Чего это стоило Белоусову, можно представить хотя бы по всем известной истории с Маресьевым, описанной в «Повести о настоящем человеке», но так же, на протезах, через год он вернулся в часть, научился летать и даже сбивал гитлеровских асов. Несколько позже «Правда» писала о Герое Советского Союза Л. Г. Белоусове: «Советские люди преклоняются перед героическими подвигами этого человека. Пусть же слава о нем облетит всю страну, пусть вся жизнь его послужит вдохновляющим примером для нашей молодежи».

НЕБО ЗОВЕТ

Вдохновляющим примером для молодежи, мечтающей летать, стала жизнь не только Л. Г. Белоусова, но и многих других борисоглебцев, совершивших беспримерные подвиги в довоенные, военные и послевоенные годы. Когда наступила эра реактивной авиации, борисоглебцы одними из первых стали осваивать лучший самолет той поры, Миг-15. В том, что он лучший, с неохотой, но все же признались даже американские летчики, которые в первые месяцы войны в Корее господствовали в воздухе. Но вот летчики КНДР сели в Миг-15, и обстановка в корне изменилась. Журнал «Интеравиа» писал в те дни: «Советский истребитель Миг-15 превосходит всякий американский самолет в Корее по скорости, маневренности и огневой мощи».

Самолет был непростой, но кто его освоил, уже мог летать на любой машине. В сентябре пятьдесят шестого это блестяще доказал генерал А. С. Благовещенский, которого англичане назвали «лучшим асом мира». А дело было так.

На английском аэродроме Фарнборо проходил авиационный праздник. Гвоздь программы — показ новейшего сверхзвукового истребителя «Хантер», который должен был «утереть нос русским». Среди гостей находился и А. С. Благовещенский. Когда, выполнив фигуры высшего пилотажа, самолет приземлился, маршал авиации Честер представил нашему генералу летчика-испытателя Бинфора и поинтересовался мнением Благовещенского о самолете.

— Я летчик,— улыбаясь, ответил он.— О самолете могу судить, когда слетаю на нем.

— Вы смогли бы взлететь на «Хантере»?

— Почему же нет? Если вы разрешите...

— Должен вам сказать,— вмешался в разговор Бинфор,— что на «Хантере» система управления отличается от других.

— Разберусь! — твердо сказал Благовещенский.

— Много времени вам надо, чтобы разобраться?

— Десять минут. Значит, вы разрешаете лететь на «Хантере»?

— Видите ли,— замялся Честер, отыскивая повод для отказа,— я могу согласиться на ваш полет. Но если за десять минут вы не сможете разобраться в приборах, то не полетите.

Получив шлем и костюм, Благовещенский направился к самолету. Маршал Честер понимал, что допустил ошибку: ведь самолет считался совершенно секретным. Но разговор происходил на людях и просто так отменить полет было нельзя. Оставалось надеяться на то, что за десять минут русский летчик не разберется в приборах, тем более он не знает английского языка. Но когда истекали последние секунды, взревел двигатель, «Хантер» вырулил на старт и взлетел. Благовещенский повторил программу пилотажа Бинфора, потом добавил кое-что от себя и изящно посадил машину.

Хозяева и гости праздника были потрясены. Маршал Честер подарил советскому летчику высотный гермошлем с надписью: «Красному асу Благовещенскому, который поразил нас». А Бинфор вручил фотографию «Хантера» с еще более красноречивыми словами: «Лучшему асу мира». На следующий день эти слова подхватила вся мировая пресса.

Я потому так подробно пересказал этот эпизод, зафиксированный в истории училища, что именно у таких асов, как А. С. Благовещенский, и таких прекрасных летчиков-испытателей, как Ф. И. Бурцев, О. В. Гудков, А. К. Долгов, Э. В. Елян, Ю. Т. Алашеев, Г. А. Седов, И. М. Сухомлин, учились и учатся чкаловцы нынешнего поколения.

Поступить в училище — дело очень и очень непростое. Одна из причин в том, что здесь жесточайшая медицинская комиссия, пройти которую могут далеко не все в обычном понимании здоровые люди.

— И это не случайно,— говорит начальник медицинской службы училища М. С. Головид.— Перегрузки на современных истребителях так велики, что даже такой пустяк, как неаккуратно вставленная пломба, может принести много неприятностей. Я уж не говорю о насморках, гайморитах, несовершенном вестибулярном аппарате, не очень быстрой реакции и тому подобном.

Увы, именно на таком пустяке — чуточку повышенном давлении — «погорел» в свое время Юрий Хижняк. Лишь через несколько лет оно вошло в норму.

— Родом я с хутора Алексеевского станицы Обливской Ростовской области,— рассказывает Юра.— В старших классах работал на комбайне, так что родители видели меня механизатором и прочили в сельскохозяйственный институт. Я помалкивал, а думал о своем. Никто не знал, что на комбайне я все время сидел с задранной головой и следил за инверсиями самолетов. Не буду рассказывать, что в конце концов сказал отцу с матерью и как уехал из дома. Уехать-то уехал, а комиссию не прошел. Возвращаться домой? Со стыда сгореть можно. И вообще у нас о таких «бегунах» говорят: вернулся волам хвосты крутить. И подался я в Запорожье: там есть аэроклуб ДОСААФ. Днем работал на заводе, а по вечерам ходил на занятия. Когда призвали в армию, стало легче: целый день на аэродроме. В конце концов я поднялся в воздух! Это был хоть и учебный, но реактивный самолет Л-29. Прекрасная машина! Через некоторое время освоил и Миг-17. Время пролетело быстро. Добился направления в Борисоглебск, но поступать пришлось на общих основаниях. Это было довольно забавно: большинство ребят прямо после школы, я на три года старше, у меня уже опыт полетов, а дрожу, как и они,— вдруг «зарубят» на комиссии или «завалю» сочинение. Обошлось...

— У тебя обошлось, а у меня нет.— вступает в разговор Акылтай Бегманов.— Я вырос в Киргизии. По-русски объяснялся неважно, а тут все экзамены, и главное, психологический профотбор на русском языке. Пока соображу, о чем спрашивают, пока переведу, глядь, время вышло — значит, реакция плохая. «Вам,— говорят,— не то что самолетом, арбой управлять нельзя». Арбой-то смогу. Я вырос в горах. Дед у меня чабан, так что с детства на коне.

— Но ведь это можно было объяснить врачам. Наверняка дали бы возможность пройти профотбор еще раз.

— Я объяснил. Но уезжать пришлось не из-за этого,— смутился Акылтай.— Сантиметры меня подвели.

— Как это?

— Рост у меня оказался всего 160. Как ни тянулся, как ни вставал на цыпочки, не помогло. Пришлось уезжать. Тут уж я взялся за себя всерьез. Чтобы никто не видел моего позора, уехал с дедом в горы. На джайлоо сделал турник и все свободное время на нем болтался, стараясь вытянуться. Дед помогал мне своими средствами: давал какие-то травки, заставлял спать голышом на кошме, обливал ледяной водой. К весне я вытянулся, как жердь. Мосластый стал, костлявый, руки-ноги из штанов и рубашек торчат. Обрядили меня заново, попрощался с братишками и сестренками, а их у меня пятеро, и отправился в Борисоглебск. Добирался долго, с пересадками, какой-то участок летел на самолете. Впервые в жизни! Восторг был такой, что я твердо решил домой не возвращаться. Решить-то решил, а экзамены сдал на одни тройки. Пришлось забирать документы. Сел в поезд. Лето, жара, окна открыты. И вдруг — самолет! Низко так прошел и вроде бы даже крыльями покачал: прощай, мол, Акылтай. Ну, нет, думаю, не прощай! Вышел на ближайшей станции и по шпалам назад. Ночевал на вокзале, а каждое утро приходил к контрольно-пропускному пункту и ждал начальника училища.

— Зачем?

— Поговорить хотел. Объяснить хотел, что без неба мне не жить, что тройки исправлю, что... Три раза генерал проезжал мимо, не замечал меня. А потом вылез из машины и позвал в кабинет. Рассказал я Владимиру Сергеевичу Михайлову все как есть, и он приказал меня зачислить. Душа человек наш начальник. Совсем молодой, а уже генерал. А как он летает! Недаром у него высшее для военных пилотов звание — летчик-снайпер.

Сейчас я уже на третьем курсе, все экзамены сдаю с первого захода — и все это благодаря друзьям. Без Юры Клабукова и Вадима Акимова мне бы никогда не сдать высшую математику и тем более спецпредметы.

— А дома бывал?

— Конечно! Односельчане мной гордятся: ведь я единственный летчик из всей округи. Правда, скоро буду не единственный: кое-кого из мальчишек я уже «совратил» с чабанского пути, и они готовятся к профессии военного летчика.

С Колей Леденевым произошла еще более удивительная история. Он вырос в Петропавловске-Камчатском. Мать вулканолог, отец геолог, недавно погибший в одной из экспедиций. Казалось, и ему на роду написано быть геологом. Но Коля рвался в небо! Приехал, прошел комиссию, начал сдавать экзамены. А в это время снимался документальный фильм об училище.

— Трудно сказать, чем я «показался» режиссеру,— с улыбкой вспоминает Коля,— но мне он почему-то доверил роль абитуриента, не сдавшего экзамены. И вот по ходу фильма иду я с поникшей головой, подергивая подтяжечки и волоча «дипломатик». У проходной дежурный похлопывает меня по плечу: не унывай, мол, парень, в твои годы все еще впереди. Дублей было немало, так что в роль неудачника я вжился. Но в жизни я оказался удачливее и в училище поступил. Сейчас я уже на четвертом курсе, все годы учусь отлично и считаюсь одним из претендентов на красный диплом.

Как видите, случайно стать летчиком невозможно — барьеры на пути к этой профессии настолько серьезные, что преодолеть их могут только по-настоящему влюбленные в небо люди.

Я спросил у ребят, что им больше всего запомнилось за годы учебы. И все в один голос ответили: «Первый самостоятельный полет».

— На учебном самолете я поднялся в небо 11 июня 1982 года, а на боевом—3 мая прошлого года,— говорит Коля Леденев.— Эти даты буду помнить всю жизнь! Ощущение непередаваемое! Я пел, что-то кричал, читал стихи.

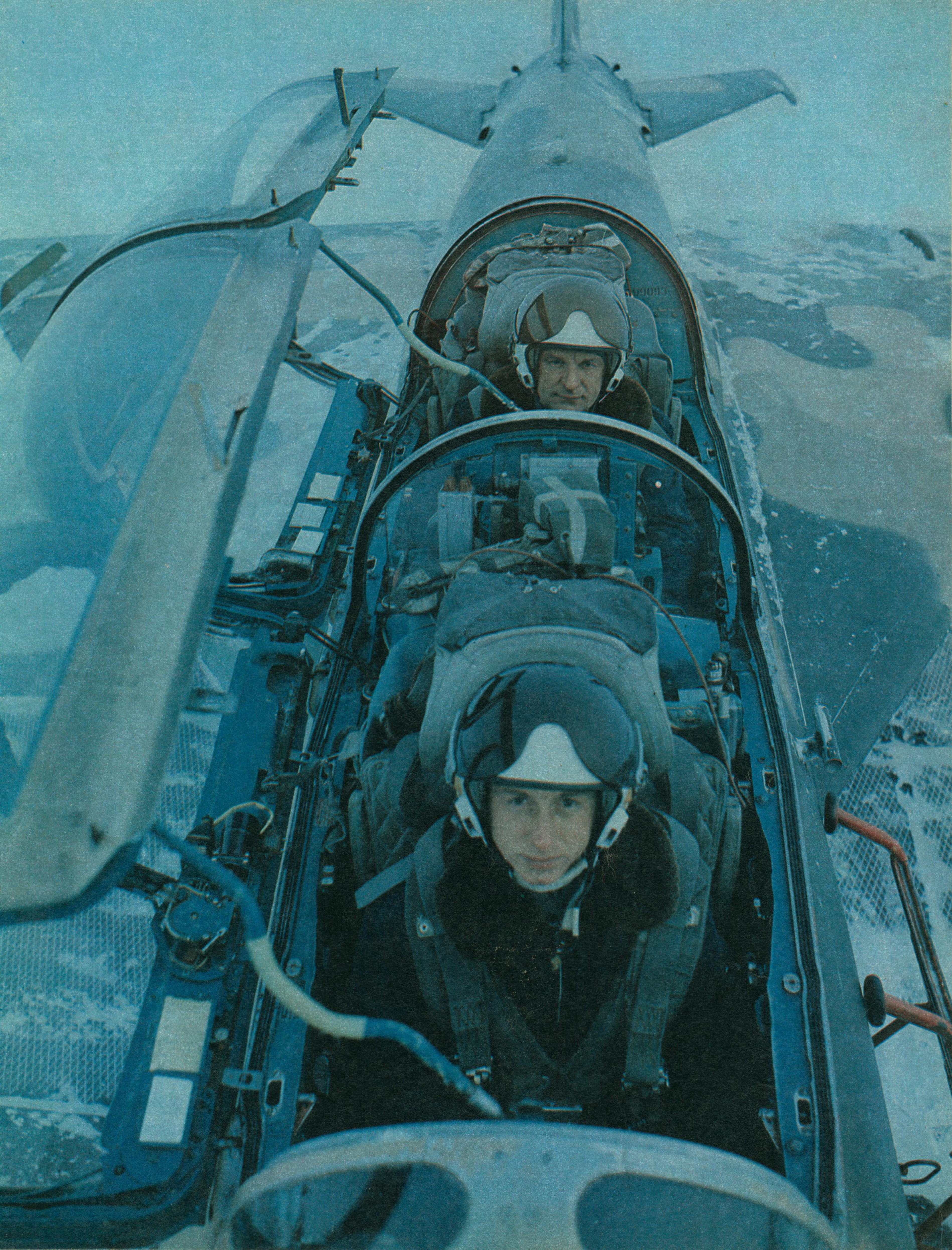
— А у меня первый полет был какой-то суматошный,— подхватывает Андрей Соломка.— В тренажной ведомости меня почему-то не было, поэтому я провожал волнующихся товарищей, а сам ни о чем таком не думал. И вдруг вызывают меня. Быстро оделся, побежал к самолету, сел, пристегнулся, взлетел — и только тогда понял, что лечу без инструктора, что страховки нет и теперь не только самолет, но и жизнь в моих руках. Не буду врать, малость стушевался. Но круг закончился, и надо заходить на посадку. Не знаю, как почувствовал мое состояние командир эскадрильи, но в наушниках я услышал его спокойный-спокойный голос: «Двадцать третий, все нормально. Идете на глиссаде». Тут уж я собрался и посадил самолет уверенно.

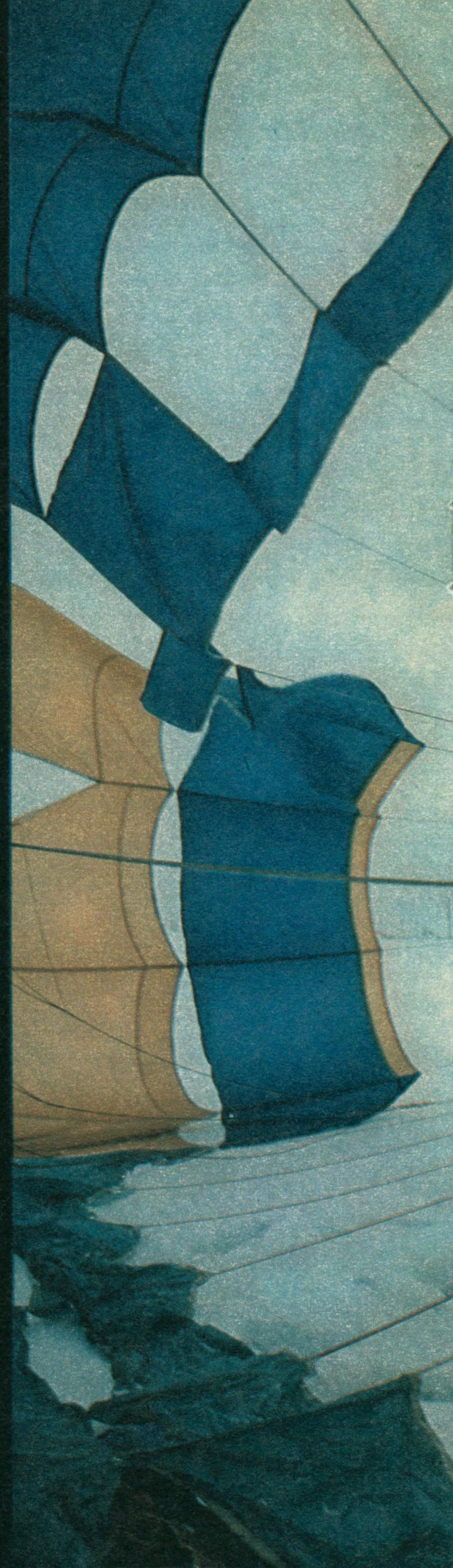
— Четверокурсники уже летали на боевом Миге, а я пока что на учебной «элке». Это, конечно, несравнимые ощущения,— смущаясь, говорит Акылтай Бегманов.— Первое, что я сделал, совершив посадку, от всего сердца поблагодарил своего инструктора капитана Зверева. Это он дал мне крылья. Отец дал жизнь, а он — крылья. Теперь капитан Зверев для меня самый дорогой человек. И я решил так: по окончании училища напишу рапорт с просьбой оставить инструктором.

...А потом мы поехали на аэродром. И тут увидели, как веселые, улыбчивые, бесхитростные и в чем-то наивные ребята на глазах превращались в собранных, готовых к любым неожиданностям летчиков-истребителей. Стоило снять курсантскую форму и надеть летную, как наших знакомых уже нельзя было узнать. Это были уже не Коли, Юры и Андрюши, это были воздушные бойцы, настоящие чкаловцы. Им еще расти и мужать, им умножать славу многих поколений прекрасных летчиков, получивших путевку в небо именно над этим, круглые сутки гудящим аэродромом.

Сегодня начальник Борисоглебского летного училища генерал-майор В. С. Михайлов «вывозит» курсанта Ю. Хижняка.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Один из лучших инструкторов училища, К. Нестеренко * Летчик должен уметь хорошо прыгать с парашютом * Зарядка для бодрости * На сегодня полеты окончены * Скоро в небо * Все выше и выше...

У таланта возраста нет

Ирина ПИРОГОВА

Однажды на гастролях местный корреспондент попросил народного артиста СССР Анатолия Дмитриевича Папанова поделиться секретом своей счастливой творческой судьбы. Папанов сказал, что его актерское счастье досталось ему нелегко, а признанию предшествовали годы безвестности. Сказал спокойно, без обиды, потому что и в мыслях не держал и не держит обижаться на свою судьбу, считая одинаково дорогими и необходимыми человеку и радости, и горести, выпавшие на его долю.

«Звездным часом», по общему признанию, стала для Папанова роль комбрига Серпилина в фильме «Живые и мертвые», поставленном Александром Столпером по сценарию Константина Симонова. Этот внешне суровый генерал, с пронзительной жалостью глядящий на своих бойцов, которых он обязан послать на гибель, человек, чья простота и мужество, доброта и величие духа, слитые воедино, потрясали,— человек этот взволновал, тронул за сердце людей самых разных поколений той высшей мерой правдивости, которая кажется столь естественной, что хвалить человека за нее так же неловко, как за то, что он дышит.

Тому, что война в «Живых и мертвых» показала свое истинное жестокое, суровое, трагическое лицо, фильм прежде всего обязан актерам, особенно тем, которые, как Папанов, знали, что они играли, и не просто играли, а как бы вновь жили своей фронтовой молодостью, ее святой горечью утрат и неповторимыми мгновениями побед.

Прошли годы, и вновь кинематографическая роль Анатолия Папанова стала откровением для миллионов людей. В фильме Андрея Смирнова «Белорусский вокзал» — этой поразительной по честности и драматизму, благородству и человечности исповеди фронтового поколения — он сыграл роль бухгалтера Дубинского. Образ был создан совсем в ином ключе, чем роль Серпилина. Там глубина и цельность личности были заявлены актером и виделись нами с самого начала. Бухгалтер же предстал перед зрителями как человек сухой и педантичный, где-то занудный, где-то даже смешной в своей чиновничьей предусмотрительности и опасливости. Но вот случается непредвиденное, фронтовые друзья со своими воспоминаниями, неустроенностями, потерями вторгаются в жизнь нашего бухгалтера, и какие же глубины души, какая нежность, какой юношеский трепетный романтизм открываются нам в этом человеке...

Эти роли в кино Анатолий Папанов считает для себя очень важными. И не только из-за особого их успеха. А потому, что именно они наиболее полно отражают его собственное мировоззрение, судьбу фронтовика, одного из тех, кто нес на своих плечах тяжесть войны с фашизмом, кто ни в жизни, ни в искусстве не приемлет компромиссов, самолюбования, равнодушия, лицедейства. Старший сержант, пехотинец Анатолий Папанов пришел к «Живым и мертвым», к «Белорусскому вокзалу» с берега Днепра, где при отчаянной защите Харькова был тяжело ранен. После полугода, проведенного в госпиталях, нескладный, худющий, тяжело опирающийся на палку паренек в застиранной гимнастерке принес свои документы в ГИТИС имени Луначарского. Актером он стремился стать чуть ли не с младенческих лет, когда босоногим мальчишкой с Малых Кочек (ныне улица Доватора в столице) переплыл Москву-реку и принял участие (!) в съемках фильма «Подкидыш».

А перед войной юный токарь 2-го московского подшипникового завода занимался в студии завода «Каучук». У него был прекрасный учитель Василий Куза, тот самый, что погиб от бомбежки на боевом посту в стенах родного Театра имени Евг. Вахтангова.

...На вступительных экзаменах в институт он читал симоновского «Сына артиллериста».

Тема войны для него свята.

— Лично я не стал бы называть войну школой. Пусть лучше человек учится в других учебных заведениях. И все-таки каждый день нас чему-то учил. Там мы постигали законы взаимовыручки, фронтового товарищества. Там мы научились ценить жизнь—не только свою, но и ту, что с большой буквы.

С этим багажом, с этими нравственными ориентирами пришел Анатолий Папанов в искусство и верен им всегда.

Начиналось все очень радужно. Окончен институт, получены интересные, многообещающие приглашения в Малый театр, МХАТ, в театры Вахтангова и Моссовета. Молодой актер не колебался. Весь курс чья-то мудрая голова направила в Клайпеду, и он не считал себя вправе оставить товарищей, стать, ну, что ли, благополучнее их. А в Клайпеде, как и следовало ожидать, театр не прижился, не смог соперничать с любимым горожанами литовским театром.

Правда, кроме грустных, запомнились и веселые минуты на этих первых творческих шагах.

В афиногеновской «Машеньке» Анатолий Папанов играл Леонида Борисовича в очередь с другим молодым актером. Однажды кто-то из них ошибся, и на спектакль явились оба. Каждый переоделся и загримировался в своей уборной, и одновременно из разных кулис на сцене появились два Леонида Борисовича. Один из них спокойно спросил у другого, где Машенька, и с достоинством удалился со сцены. Удалившимся был наш герой.

Вернувшись в Москву в 1947 году, Анатолий Папанов, конечно же, нашел все былые вакансии занятыми, и вдруг — о удача!— Андрей Гончаров, работавший тогда в Театре сатиры, пригласил его попробовать себя там. И с тех пор вот уже тридцать восемь лет Анатолий Папанов работает в театре, ставшем для него родным. С какими неповторимыми, неиссякаемыми на вдохновение, фантазию и душевную глубину мастерами довелось ему быть рядом: Надежда Нурм, Владимир Хенкин, Павел Поль, Владимир Лепко, Федор Курихин...

А жизнь его в театре складывалась непросто. В первой маленькой роли в «Свадьбе с приданым» да и в следующих работах совершенно невозможно было увидеть истинного Папанова — человека уникального по своеобразному видению мира и умению этот мир выразить. Быть может, один только великий и неповторимый комик, мудрый и озорной Владимир Яковлевич Хенкин смог почувствовать в своем молодом коллеге это «нечто», ободрял его, вселял веру в себя. И Папанов упрямо трудился. Его считали острохарактерным актером, крепким, но звезд с неба не хватавшим. А он ждал своей звезды, и помог ему обрести себя Валентин Николаевич Плучек, поручивший ему роль Боксера в «Дамокловом мече» Н. Хикмета, который сам ставил. Боксер — Папанов изумил и своих создателей — драматурга и режиссера. Эта гора мускулов, замешанных на сверхчеловеческой силе, циничной жестокости, оказывается, была способной любить и страдать, хранить под броней цинизма нежное, впечатлительное сердце. Он светло, бескорыстно, очищающе и безответно любил женщину, ставшую женой другого. Ее смерть стала для него не просто душевной драмой, а трагедией.

Сколько сыграно с тех пор... «Секрет популярности Папанова — в его могучем таланте. Папанов — личность со своей судьбой, характером, со своей болью и неповторимостью, которая отличает его как человека... Вот почему, что бы он ни играл, мы всегда находимся под властью его обаяния»,— говорит Валентин Плучек. И действительно — в «Мистерии-Буфф» перед нами непривычный Вельзевул, в полном смысле слова старый брюзгливый Черт в валенках и с портфелем, своего рода коллекционер и регистратор человечьих грехов. Добрый и комичный дед Цыбулька с его стариковской мудростью и хитрецой в «Таблетке под язык» А. Макаенка»...

И вот Гаев в «Вишневом саде» — одна из самых новых работ. «Как вспомню, что это Чехов, а Гаева играл Станиславский, так руки опускаются. Чехов для меня идеал драматургии, неисчерпаемый кладезь. В кино я впервые сыграл Ионыча в фильме «В городе С.». Мечтаю показать в Гаеве хотя бы частицу того, что хотел сказать людям Чехов. Ведь он никого не осуждает, а стремится вскрыть противоречия, которые мешают людям жить»,— признается актер.

Да разве перечислишь все те роли в театре и кино (а их более ста семидесяти!), которые сыграл и играет Анатолий Папанов!

Его любят друзья и коллеги не только за талант, но и за щедро открытое людям сердце, за ту цельную, возвышающую доброту и нежность к окружающим, которые заставляют их подчас посмотреть на себя иным, более взыскательным взором.

Его любят дети. Наверное, нет в нашей стране ни одного телезрителя, начиная с самых юных, которые не веселились бы над вечными неурядицами глуповатого Волка в преследовании верткого, хитрого Зайца. А как озвучить Чудище гороховое о семи головах? Кто его слышал? А как поет Водяной? Какие голоса у Фонарного столба и Бульдозера? Ответить на эти невероятные вопросы с отвагой и увлечением берется знаменитый актер. Ну и что, что он перешагнул шестой десяток лет, у таланта, у фантазии, у влюбленности в свое дело возраста нет. Конечно, и его работа не застрахована от неудач. Папанов честно признает, что шаблонно сыграл Следователя в «Страхе высоты», жалеет, что не удалась роль строителя «Волховстроя» Графтио в одноименном фильме...

Но не кулаком в грудь себя бьет, а стремится глубоко проанализировать и вскрыть основные причины неудачных фильмов и спектаклей, за которые как актер и коммунист чувствует и личную ответственность.

— Мы часто повторяем правильные, красивые слова о том, что искусство есть человековедение, забывая порой, что глагол «ведать» синонимичен глаголу «знать». Вот в чем вопрос: всегда ли мастера искусства, в том числе и кинематографисты, знают своего героя в лицо, знают жизнь народа, из глубины которой вырастают личности яркие, характеры мужественные, люди, преданные нашему делу? И не только знают, но и, что самое главное, способны взволновать нас делами, мыслями, чувствами героя... Именно взволновать, а не повторять ряд общеизвестных истин об этом,— сказал однажды Анатолий Дмитриевич.

Что к этому добавить? Разве то, что совсем недавно Театр сатиры получил почетное звание «академический». Вместе с товарищами по искусству эту заслуженную победу разделил и Анатолий Папанов — артист, гражданин и гордость родного театра.

Народный артист СССР Анатолий Папанов.

Фото А. Награльяна

Галина КУЛИКОВСКАЯ

БРАТЬЯ

Фамилия Мармур увековечена в Ленинграде дважды: золотом выбита на стене кораблестроительного института, среди тех, кто ушел на фронт и не вернулся, и на стене артиллерийского училища среди воспитанников, окончивших его с отличием. (Теперь в этом здании артиллерийская академия.)

...Жили-были два брата в Шаргороде, что на речке Мурашке, на Подолии. Их крохотный поселок далеко отстоял от морских и стальных магистралей, а мальчишки мечтали о море. Им снились гудящие маяки на молах и доки с громадными кораблями. Первым оторвался от сухопутной жизни старший, Евгений: решил стать корабелом. А через четыре года поехал в Ленинград и Ростислав.

В июне сорок первого братья сдавали экзамены: Евгений за четвертый курс, Ростислав — за первый. На третий день войны они вместе с друзьями осаждали комитет комсомола, пока не добились своего: попали в ополчение. Евгений — в отдельный пулеметно-артиллерийский батальон, ОПАБ-264, Ростислав — во вторую ополченческую дивизию. Последний раз они виделись пятого июля, уже будучи в военной форме, на казарменном положении.

264-й занял линию обороны на подступах к Кронштадту, по Бабигонским высотам, от платформы «Фонтаны» Петергофа. Рабочие Нарвской заставы — кировцы, судостроители,— оглохшие от бомбежек, стояли насмерть. И все же 16 сентября фашисты, превосходившие ополченцев и численностью, и вооружением, прорвались через Урицк на побережье Финского залива и отрезали батальон от Ленинграда. На господствующих Бабигонских высотах, которыми всеми силами стремился овладеть враг, уже четвертые сутки вела неравный бой четвертая рота. Комбат Бондаренко направил туда еще одну роту, первую. Ополченцы ворвались в деревню, но тут со стороны аэродрома пошли танки.

«В этот момент произошло нечто невероятное,— писал в своих воспоминаниях Л. Видуцкий, один из участников этого сражения,— из кювета с возгласом «Корабелы не отступают!» поднялся ополченец. Он вышел на дорогу и, не пригибаясь, в полный рост, пошел навстречу танкам, сжимая в правой руке противотанковую гранату. Кто-то крикнул: «Женя, назад!» Но он продолжал идти, высоко вскинув перевязанную бинтом голову. Человек в одиночку шел на танки! Головной танк развернулся в его сторону. Снаряд просвистел мимо, но Женя продолжал идти... И вдруг упал...»

Так героически погиб заместитель секретаря комсомольского бюро батальона Евгений Мармур. Его смерть так всех потрясла, что, не дожидаясь команды, бойцы ринулись на врага.

О подвиге брата Ростислав узнал много позже, хотя тоже был под Петергофом, только на другом фланге, в районе Гастилицкого шоссе. Осенью сорок первого года дивизию, в которой служил Ростислав, расформировали по основным войсковым частям, оборонявшим Ленинград. Мармур-младший оказался на Карельском перешейке. Потом была та страшная февральская ночь. Контуженный, оглохший, впавший в забытье, он более суток пролежал в воронке от бомбы, пока его не подобрали. Очнулся в медсанбате. Потом снова фронт, прорыв блокадного кольца на Синявинских высотах... В конце сорок третьего Ростислава направили в артиллерийское училище. Войну закончил в Германии, под Котбусом...

После Победы Ростислав не вернулся в кораблестроительный. Решил посвятить себя, как и родители, избавлению человека от страданий — медицине.

Он не искал проторенных дорог, пошел по неизведанному. Когда в Одесском институте глазных болезней ему предложили заведовать научной лабораторией — она называлась радиологической,— Мармур внезапно устремился в другую сторону — его увлек ультразвук. Отчасти по ассоциации. Из истории кораблестроения, которой зачитывался еще в юности, засел в голове факт о том, что Поль Ланжевен, известный физик, применил ультразвук для отыскания немецких подводных лодок, досаждавших французскому флоту в первую империалистическую. Это было основано на свойстве ультразвука необыкновенно легко, молниеносно распространяться в жидкой среде.

К шестидесятым годам, когда им занялся Мармур, ультразвук уже успешно применялся в таких отраслях медицины, как хирургия и физиотерапия. А в офтальмологии? Литература, к которой обратился Мармур, носила разноречивый характер, и ее было до обидного мало. Немецкий ученый Е. Цейсс еще в 1937 году в своем сообщении утверждал, что у животных при воздействии ультразвуком на глаза развивается... катаракта. В послевоенное время публикации появились снова, но с мизерными, всего на двух-трех пациентах, наблюдениями, их нельзя было принять всерьез. Самый большой положительный опыт оказался у магистра Жана Бонэ из Марселя — обследованы 27 пациентов. Значит, для ученого тут непочатый край, своего рода целина!

Мармур с головой уходит в опыты. Если уж он за что-нибудь берется, то берется основательно, продуманно. Так у него во всем, в большом и малом, даже самом обыденном. В ремонте ли квартиры — все сам, собственными руками; в уходе ли за машиной, в приготовлении ли нектара из лепестков роз, выращенных в саду... Это все в нем от отца, Константина Евгеньевича, в прошлом земского врача, дослужившегося до полковника, начальника прифронтового советского госпиталя.

И в тот момент, когда уже близки были первые желанные результаты, выходит в свет монография по лечебному применению ультразвука. Ее авторы Н. П. Крылов и В. И. Ронитянский утверждают — на сей счет особым параграфом,— что ультразвуковую терапию «...нельзя применять: 1) на область черепа, особенно на область глаз...». Полный, так сказать, запрет. Табу. Дорога туда, мол, закрыта.

Мармур спросил себя: а как бы в таком случае поступил брат Евгений? Конечно, не сдался бы. Ни за что! Значит, надо продолжать работу. Что ж, он готов, и с превеликим удовольствием. В занятой им позиции не было ни самоуверенности, ни ухарства. Интуиция и логика ученого подсказывали, что здесь что-то не так. Надо проверить, доказать необоснованность утверждения.

Оружие исследователя — эксперимент, и еще раз эксперимент! Тактика — накопление фактов и выводы, стратегия — перенесение опыта в клинику, лечение человека.

Директор института Надежда Александровна Пучковская оказывает лаборатории Мармура всяческую помощь и поддержку. Нужна аппаратура? Приобретайте! Но она физиотерапевтическая и не годится для лечения глаз. И Мармур обращается к физикам кафедры Одесского политехнического института. Профессор Андрей Васильевич Кортнев его выручает, понимая, как это важно. И все же генератору политехнического института тоже очень далеко было до совершенства. Теперь-то Мармур называет его снисходительно дедушкой и держит в качестве музейного экспоната. Но все же это было кое-что.

Следующим этапом было создание нового типа излучателя ультразвука. Контактной средой, решает он, будет не вазелин, а физиологический раствор, передающий колебания не через веки, а непосредственно в глаз. А как его там удержать? С помощью особого приспособления — ванночки. Но только ванночка без донышка, его заменит сама роговица, и будет называться эта ванночка-колечко векорасширителем. Остроумно и оригинально. Это было счастливое прозрение, редкая удача, своего рода маленькое открытие, подтвержденное, кстати, позже авторским свидетельством Госкомитета по изобретениям.

Конечно, Мармур не сразу пришел к этой удивительно простой схеме прямого открытого подведения ультразвука к глазу. Идее предшествовал поиск. И, конечно, опыты на животных.

Он повторил опыты Цейсса и показал, в чем была ошибка немецкого ученого — в слишком больших дозах, как говорят медики, озвучивания. Они превышали допустимые в... десятки раз, вызывая тем самым повреждения, необратимый процесс. Ведь любое средство, если его употреблять чрезмерно, даже витамины, может принести не пользу, а вред. Ультразвуковые колебания по природе своей не что иное, как механические колебания небольшой силы, они производят своеобразный микромассаж тканей. Акустическая энергия частично превращается в тепловую, способствуя усилению обмена веществ и лучшему снабжению тканей кровью. Если же значительно усилить воздействие, может начаться разрушение тканей и клеток. Дозировка — вот в чем суть! Для каждого искусственно вызванного на модели заболевания своя методика.

Профессор Р. К. Мармур.

Снова день за днем, месяц за месяцем, год за годом кропотливая работа, невзирая на все еще существующее недоверие и скептицизм некоторых специалистов и врачей. Вывод, к которому приходит Р. К. Мармур, неопровержим: ультразвуком можно и нужно лечить целый ряд недугов органа зрения.

Спустя шесть лет Ростислав Константинович завершит свой фундаментальный труд, и он явится авторитетным словом по применению ультразвука в офтальмологии.

Тогда вокруг имени Мармура и его лаборатории поднялся невероятный бум. Сам противник всякой шумихи, трудолюбивый и скромный, Мармур стойко выдержал и это испытание — испытание признанием. Он же ведь Мар-мур, что по-украински означает мрамор, очень твердый камень...

В Одессе, на Пролетарском бульваре, где находится институт, поток больных, и без того большой во все времена года, увеличился. Едут из разных городов, даже из других стран. Как же! Здесь эффективно лечат ультразвуком многие заболевания глаз. Но,

пожалуй, самая большая заслуга профессора Р. К. Мармура в том, что он впервые в мировой практике разработал способы борьбы с такими особо тяжелыми, не поддававшимися никаким иным видам лечения недугами, как пигментная дегенерация сетчатки и частичная атрофия зрительных нервов.

Результаты? Есть результаты, и иногда, без преувеличения можно сказать, прекрасные. В кабинете профессора лежит на небольшом столике тяжелый альбом, собственноручно сделанный Мармуром вплоть до надписей стандартным инженерным блок-шрифтом,—это осталось с того студенческого года в кораблестроительном. Он демонстрировался на ВДНХ и удостоен медали. Вот, например, полная картина лечения ультразвуком второклассника Б. Грипп, которым болел мальчик, дал осложнение — воспаление зрительных нервов. Через некоторое время — частичная атрофия. Он мог еще ориентироваться в пространстве, но ни читать, ни рассматривать предметы был не в состоянии. У ребенка на обоих глазах оставались сотые доли зрения. До лечения ультразвуком использовали все, какие только были известны средства,— улучшения не наступило. И тогда прибегли к ультразвуку. Не сразу, в два этапа. В конце концов ультразвук сотворил невидаль: зрение обоих глаз стало нормальным.

Сенсация? Да! Случай, конечно, редкий, как говорится, из ряда вон — не всем больным ультразвук помогает в такой высокой степени.

А вот другая тяжелая болезнь — пигментная дегенерация сетчатки. Весь ужас ее в том, что она передается по наследству, поражает оба глаза, может проявиться в зрелом возрасте и неизменно ведет к инвалидности и даже слепоте. Тут картина, как видно из профессорского альбома, такая: слепота надвигается с периферии глаза, поле зрения сужается до крохотной дырочки в центре, человек теряет способность передвигаться самостоятельно, и может наступить для него вечная ночь. Именно такая перспектива ожидала Йоргена, молодого жителя шведского городка Дюведа. Врачи, к которым он обращался у себя на родине и в других странах Западной Европы, помочь ему ничем не смогли. Тогда он поехал в СССР, в Одесский институт, где, слыхал, впервые в мире применили ультразвук для лечения его болезни. Шведский окулист Берт Эхингер дал по этому поводу интервью газете «Экспрессен», в котором утверждал, что способов лечения пигментной дегенерации сетчатки не существует и что напрасно, мол, обнадеживать больных...

Тем не менее Йорген находился в стационаре института имени В. П. Филатова. Тогда «Экспрессен» направила в Одессу консультанта Анн Йордис Ларссон и фотокорреспондента Олле Лестера. Через некоторое время «Экспрессен» опубликовала репортаж под аншлагом «Русский метод — последняя надежда Йоргена». А. Й. Ларссон писала: «В институте лечат всерьез, делают все, чтобы помочь больному... Наш земляк чувствует себя хорошо»... На фотографиях Йорген беседует с директором института... Йорген во время сеанса озвучивания. Все эти материалы были напечатаны в «Вечерней Одессе»...

Сегодня «русскому методу» уже двадцать лет. Свыше 12 тысяч больных прошли курс лечения ультразвуком. Принципы ультразвуковой терапии стали достоянием областных офтальмологических учреждений не только Украины, но и других республик. Жизнь профессора стала беспокойной: то он проводит семинар в Алма-Ате, то собирается в Читу. Его ждут в Ашхабаде, Севастополе и Черкассах... И каждый год курсы усовершенствования, на которые по путевкам Министерства здравоохранения СССР приезжают врачи со всей страны. 360 курсантов в год! Наконец, профессора Мармура почитают за честь пригласить организаторы международных симпозиумов. Да, «русский метод» далеко шагнул за пределы Родины. Его позаимствовали клиницисты Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Польши, ЧССР, Италии, Финляндии...

Ростислав Константинович приглашает меня в процедурный кабинет, что напротив его, профессорского. У двери и на диванах в конце коридора очередь. До ста человек в день проходят иногда через этот кабинет.

В комнате две кушетки, два аппарата возле них и две лаборантки. Лечение самое простое. Больной ложится. Несколько зеленоватых капелек дикаина в глаза. «Посмотрите вниз, на ноги»,— просит лаборантка. Нежное, легкое прикосновение ее рук, и колечко-векорасширитель — уже в глазу. Наполняется раствором, в который погружается излучатель,— вот и все. Никаких неприятных или болезненных ощущений. Процедура весьма щадящая — испытала это на себе. Проходит пять — семь минут — и можете идти гулять.

Пока устраивается следующий пациент, Константинос Сотируполос, профессор из Греции, можно рассмотреть аппарат. Тот, который у Татьяны Владимировны, марки УЗТ-104, был разработан Всесоюзным научно-исследовательским институтом медицинской промышленности пять лет назад. Теперь его выпускает московский завод «ЭМА». У Галины Дмитриевны — Гамма-0, детище одного из киевских институтов. Он двухчастотный, унифицированный, с более широким лечебным диапазоном. Экспериментальный образец был сделан в 1981 году. Р. К. Мармур активно причастен к его рождению, как и к УЗТ-104. Гамма-0 одобрена, утверждена всеми комиссиями, но дальше опытных образцов дело не сдвинулось.

— А прошло, обратите внимание, с тех пор два года. Не многовато ли? — В голосе моего собеседника сожаление.— До сих пор еще не выпускают. Необходимость же в них самая острая. Ультразвуковой офтальмологический аппарат должны иметь по крайней мере каждая районная больница и амбулатория. Обслуживание его простое, доступное. Тогда не будет в научно-исследовательских институтах такого столпотворения, как сейчас. А положение такое, что даже я, к своему стыду, не могу перевооружить свою лабораторию. У нас всего два аппарата, а нужно минимум шесть.

Еще хуже, как выясняется, обстоит дело с диагностической аппаратурой. Ультразвук стал не только лекарем, но и превосходным диагностом. То, что не удается рентгеновскому лучу, обнаруживает ультразвуковое эхо.

— К сожалению, промышленность нашей страны выпускает для офтальмологии только одномерные эхографы,— говорит Ростислав Константинович,—а нужны двухмерные, с движущимся излучателем. Они позволяют проводить сканирование,— разглядеть и понять то, что находится в глазу и за глазом. Что там — кровоизлияние, воспаление или опухоль? Такая установка в лаборатории есть, но она — увы! — одна. Пожалуй, нам хватило бы на весь Союз пятьсот — тысячу таких аппаратов. Какую бы колоссальную помощь можно было бы оказать больным!

...Вечером мы пьем настоянный на степных травах чай в уютной квартире большого дома, что на улице Перекопской дивизии. Мерно отбивают старинные часы с массивными гирями. Тускло поблескивают в рассеянном электрическом свете книжные полки. Я уже знаю, где лежит книга воспоминаний ополченцев с дарственной надписью «...брату героически павшего»... и где стоит капсула с землей из ленинградской деревни Сашино. Очень хорошо представляю себе по фотографиям обелиск на братской могиле под Старым Петергофом, этакую мощную глыбу гранита со скрещенными на ней якорями.

Мармур-младший бывал во многих городах мира, в нашей стране и за ее пределами, но всех дороже ему тот, который на Неве, где промчалась в огне и дыму опаленная войной его юность:

— Ленинград — моя любовь и моя боль, моя болезнь и моя слабость...

Он не любит рассказывать про войну. Но осенью, в пору бархатного одесского сезона, его никакими силами здесь не удержать. Покупает билет на прямой рейс до Ленинграда.

Ветераны студенческих батальонов собираются возле кораблестроительного института или адмиралтейского завода, на Обводном канале или Калинкином мосту. Обязательно 19 или 20 сентября... Но никак не позже 21-го. Им подают автобусы, приходят школьники с транспарантами. Выруливает в голову колонны автомашина ГАИ с мигалками. Они едут в Старый Петергоф. В колхозе деревни Сашино будет митинг. Потом еще один митинг, в военном училище. Потом ужин. В клубе сдвинуты столы. Простой солдатский ужин: борщ, каша с мясом, черный хлеб...

На другой день он пойдет в школу, встретится с пионерами отряда имени Евгения Мармура. Постоит у стендов в музее Евгения Мармура, своего любимого старшего брата, который мог быть инженером, конструктором и строить атомные ледоколы. Он ведь был очень способным человеком, одаренным... Но его нет, нет уже 44 года. И их, ветеранов студенческих батальонов, становится все меньше. С каждым годом больше уходящих безвременно... Потому что была война.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

УДАЛЬ В ТУПИКЕ

Как известно, после четырехлетнего перерыва сборная команда страны по хоккею с мячом вернула себе титул чемпионов мира — и все же статья «Удаль в тупике», опубликованная в № 51 журнала «Огонек», в которой критиковалось положение дел в этом исконно русском виде спорта, не потеряла своей злободневности. Об этом и говорит письмо, полученное редакцией.

Управлением хоккея Спорткомитета СССР рассмотрена и обсуждена статья «Удаль в тупике», опубликованная в журнале «Огонек» № 51.

В целом проблемы поднимаются правильно. Сложившееся положение вызвано недооценкой отдельных руководителей физкультурных организаций на местах хоккея с мячом как средства массовой оздоровительной работы с населением. Управлением хоккея в настоящее время принимаются меры по устранению этих недостатков.

В целях усиления пропаганды, а также выявления и просмотра молодых способных игроков хоккей с мячом впервые включен в программу Всесоюзных зимних юношеских спортивных игр 1985 года, посвященных 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, и программу VI зимней Спартакиады народов СССР 1986 года.

С этого года планируется проведение семинаров тренеров команд мастеров и ДЮСШа. Планируется также направление ведущих специалистов управления на места для проверки и оказания практической помощи.

Начальник Управления хоккея
А. М. КОСТРЮКОВ

ПИСЬМО НЕ НАПЕЧАТАНО. МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Кизлярский райком КПСС рассмотрел коллективное письмо животноводов колхоза имени Чкалова, в котором они сообщают об отсутствии света на фермах колхоза.

Действительно, из тринадцати овцетоварных ферм и шести гуртов крупного рогатого скота на сегодняшний день в колхозе электрифицирована лишь одна овцетоварная ферма и три гурта.

В настоящее время хозяйство включено в план проектирования электроснабжения на 1985 год. Проведены изыскательные работы. Строительство линий электропередачи начнется в 1986 году.

Письмо животноводов обсуждено на совместном заседании правления и партбюро колхоза. Принято решение улучшить снабжение чабанов керосином и стеклами для ламп, обеспечить каждый животноводческий пункт транзисторными приемниками.

В. СТЕПАНОВ,
секретарь Кизлярского райкома КПСС

* * *

Исполком Житомирского горсовета рассмотрел письмо В. А. Логиновой, в котором она просила помочь трудоустроить свою сестру О. А. Логинову, мать двух маленьких детей. Сообщаем, что просьба автора письма удовлетворена, и в настоящее время О. А. Логинова трудоустроена в столовую станции Житомир в должности рабочей.

В. НИКУЛИН,
заместитель председателя
Житомирского горисполкома

СКРИПИЧНЫЙ ДОКТО

В. ПОТРЕСОВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Иногда найти человеку его путь помогает случай. Жил в Москве мальчик Анатолий Кочергин. Во время войны пришлось рано начать работать — столярничал, делал табуретки, столы. Однажды в 1944 году соседка Анатолия по большой коммунальной квартире отвела мальчика в Экспериментальную музыкальную мастерскую при Концертном зале имени П. И. Чайковского, где изготовлялись и ремонтировались инструменты. Попал Анатолий в обучение к замечательному мастеру Степану Михайловичу Доброву, да и мастерская произвела на мальчика большое впечатление. Все это и решило его дальнейшую судьбу.

В одном из бесчисленных помещений Московской консерватории, рядом с Большим залом, расположилась Государственная коллекция уникальных музыкальных инструментов. На витринах, в специальных фонарях расставлены скрипки, под ними угловатые, обшитые кожей чехлы виолончелей, вдоль стен огромные ящики с инструментами. Эта коллекция, существующая уже более 65 лет, хранит строгие скрипки итальянских мастеров: Страдивари, Гварнери, Амати, оригинальные инструменты француза Вильома, наших соотечественников: Витачека, Подгорного, Морозова.

Здесь музыкальные инструменты не только хранятся — они постоянно используются советскими виртуозами. Со временем инструменты «срабатываются», «устают», даже «болеют». Это сказывается и на их внешнем виде и на голосе. Восстановить им звучание и внешний лоск помогает «врач» Госколлекции — мастер Анатолий Семенович Кочергин.

И вот мы в мастерской скрипичного доктора. В просторной комнате верстак, на котором в специальном приспособлении выравнивается скрипичная дека. Темное дерево старинного инструмента, на котором пока свежими белыми заплатами выглядят футоры и новая пружина. По стенам развешаны необычные столярные инструменты. Например, набор рубанков: самый большой — с мизинец, а самый маленький — не больше ногтя. На протянутом под потолком тросике висят готовые скрипки и те, что ждут своей очереди на прием к мастеру.

Скрипка — это одно из чудес, созданных человеком. Историки считают, что в том виде, к которому мы привыкли, этот инструмент появился в середине XVI века в Брешии на севере Италии, а создателями его были Гаспар да Сало (Берталотти), Паоло Маджини и Андреа Амати. Затем Амати уехал в Кремону, где его семейная школа достигла наивысшего расцвета. Самым ярким ее представителем был Никола Амати, который в отличие от своих предшественников не держал секретов в пределах своего семейства. Его учениками стали Антонио Страдивари и Андреа Гварнери.

К сожалению, время неизбежно уносит великолепные инструменты старых мастеров, а те скрипки, которые удается восстановить, требуют особой бережности и тактичности. Анатолий Семенович рассказывает, как скрипичный мастер из Свердловска «открыл» один из «секретов Страдивари» и применил свое открытие при реставрации инструмента великого итальянского мастера. И что же! Скрипка потеряла голос. Пришлось приложить немало усилий, чтобы вернуть инструменту звучание.

Смело можно сказать, что важнейшую роль здесь играет опыт. А. С. Кочергин более сорока лет работает со струнными инструментами. Довелось ему изготавливать и народные инструменты для фольклорных ансамблей, долгое время работал в консерватории, готовил скрипки для наших ведущих музыкантов. Еще в 1964 году Кочергин произвел ювелирную операцию по замене части деки скрипки Франческо Гобетти, на которой играет Владимир Спиваков. Ему довелось выравнивать искореженные временем деки инструмента работы Андреа Гварнери альтиста Дружинина, страдивариевской скрипки Григория Жислина...

Целый год А. С. Кочергин учился во Франции у одного из крупнейших скрипичных мастеров, Этьена Ватло. Пожалуй, нигде не сохранилась та старинная цеховая система передачи опыта, как в изготовлении смычковых инструментов. Если есть взаимопонимание мастера и ученика, дело пойдет. И вот в 1966 году Кочергин участвует в I Всесоюзном конкурсе скрипичных мастеров. А в 1981 году на Международном конкурсе имени Венявского его скрипка была удостоена золотой медали за качество звучания.

Сейчас Анатолий Семенович член жюри международных конкурсов мастеров, скрипки его работы хранятся в Государственной коллекции рядом с инструментами великих итальянцев. К нему обращаются за помощью крупнейшие музыканты: Ю. Климов, П. Коган, В. Третьяков, И. Ойстрах.

Есть у Анатолия Семеновича мечта: создать, как он выразился, «Союз мастеров». Опыт такого объединения имеется в Болгарии, Польше и ряде других стран. Пусть это будет секция при одном из наших творческих союзов, например, Союзе художников, ведь скрипка — это «поющая скульптура». В это объединение должны входить не только мастера-профессионалы, но и любители, в свободное время постигающие тайны изготовления музыкальных инструментов,— ведь иной раз человек, оторвавшись от традиционного подхода, делает совершенно необычные открытия. Откровенный обмен опытом, музыкальные вечера с привлечением лучших исполнителей, искусствоведов, широкой общественности, прослушивание инструментов, изготовленных мастерами и любителями,— все это должно способствовать дальнейшему развитию отечественной музыкальной культуры.

И так каждый день...

А. С. Кочергин и народный артист РСФСР В. А. Климов проверяют звук инструмента.

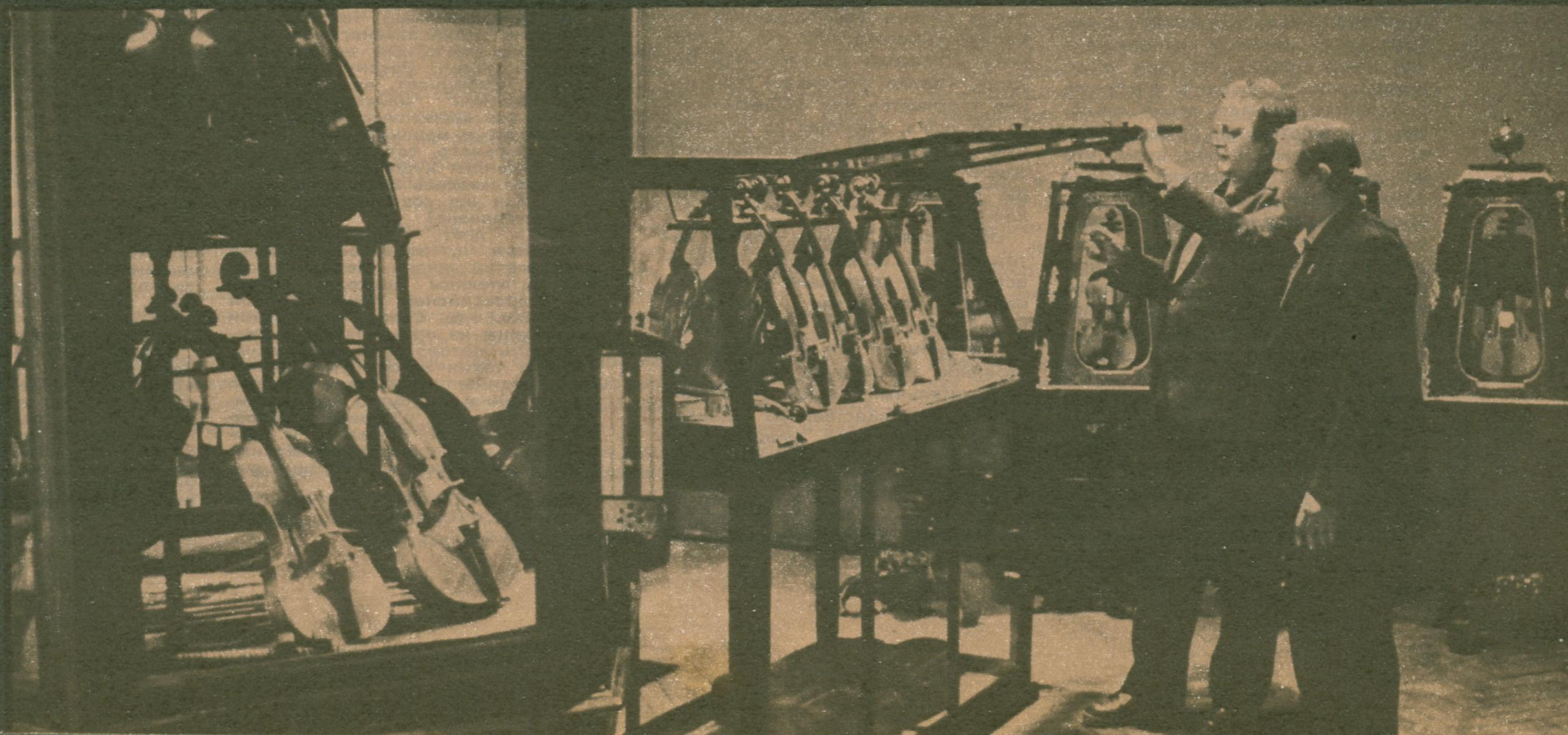
Елена Кочергина с отцом на концерте.

На этой скрипке Страдивари играют уже триста лет.

Государственная коллекция уникальных музыкальных инструментов СССР.

Р

В НАДЕЖДЕ СЛАВЫ И ДОБРА...

Что и говорить, современная литература не стоит на месте и чуть ли не каждый день, принося что-то новое, заставляет нас с надеждой ждать прихода будущего. И едва ли не главное, что питает эту «надежду славы и добра», о которой когда-то писал Пушкин, заключается в уже пройденном нашей литературой пути, в ставших классическими именах, словно служащих верным залогом такого будущего.

Со временем критика еще не раз обратится к эпохе семидесятых — восьмидесятых годов с тем, чтобы попытаться обобщить ее литературный опыт, уяснить, что здесь было по-настоящему плодотворным, а что бесперспективным. Тогда, наверное, и придет пора окончательных оценок.

С. Лыкошин подчеркнуто не пытается встать в «беспристрастную» позу всеведущего критика и литературоведа, судящего с высоты своей науки о достоинствах или недостатках того или иного литературного явления. Автор не собирается скрывать своих симпатий и антипатий, он прямо, горячо высказывается обо всем, что его волнует как читателя (отсюда подзаголовок книги), но читателя, кровно заинтересованного в полноценном развитии родной литературы, ясно понимающего, что, на его взгляд, мешает движению этой литературы вперед, а что помогает. Книга «Сердце у нас одно» принадлежит скорее к жанру литературной публицистики (конечно, если исходить из современного, более чем спорного деления на жанры), и это дает возможность автору, не связывая себя строгим терминологическим аппаратом и развернутой аргументацией, откровенно судить о том, что происходит в литературе сегодня.

Те критерии, которыми руководствуется С. Лыкошин, ясны и очевидны. По его мнению, литература в современном мире является «едва ли не главной духовной силой», помогающей человеку понять смысл своего существования в связи с судьбой народа, а через него с судьбой всего человечества. Поэтому современная литература должна строго следовать тем же путем «совести народной», которому всегда была верна русская классическая литература. «Хотим мы того или нет,— совершенно справедливо пишет автор,— а органическое соответствие нашей литературы тому, что происходит в жизни народа, продолжает оставаться главным, определяющим началом оценки ее развития, как говорят критики, «критерием народности».

Основное оружие литературы на этом пути — социалистический реализм, ведь только он «вполне определенно утверждает нравственное постижение происходящих событий» в неразрывной связи с народной жизнью и историей и только ему принадлежит будущее, так как реалистическое направление всегда отстаивало и продолжает отстаивать высокий нравственный и социальный идеал развития человеческого общества.

Отсюда проистекает, как доказательно утверждает С. Лыкошин, и одна из основных задач литературной критики, дающей оценку не столько художественному произведению как таковому, сколько самой жизни, которая это произведение порождает, критики, стремящейся постигнуть общественное значение явления искусства, оценить его нравственную суть.

Рассматривая с этой точки зрения ряд весьма характерных явлений в литературной жизни 70 — 80-х годов, автор показывает на конкретном материале, что только та критика существенна и действенна, которая противостоит размытости нравственных критериев в литературе, художественному поиску в стороне от реальных проблем, стоящих перед народом на современном этапе. С. Лыкошин аргументированно полемизирует с рядом положений работы А. Бочарова «Бесконечность поиска» и некоторыми тенденциями подхода к отечественной истории в книге В. Оскоцкого «Роман и история». Разбирая работу М. Лобанова «Надежда исканий», книги серии «Жизнь замечательных людей» — «Достоевский» Ю. Селезнева, «Дмитрий Донской» Ю. Лощица,— автор отстаивает понимание творчества как общественного поступка, выступая за постоянную духовную преемственность современной советской литературы по отношению к литературе классической.

«Идея связи времен,—пишет автор книги «Сердце у нас одно»,— естественно заключена в природе человеческой жизни и разумного к ней отношения. Наше знание жизни есть не что иное, как постоянное укрепление веры в ее положительный смысл, упрочение личных и общественных идеалов на основании того лучшего, что уже дал вполне реальный наш опыт».

В. ГУМИНСКИЙ,
кандидат филологических наук

Сергей Лыкошин. Сердце у нас одно. Заметки читателя. М., «Молодая гвардия», 1984, 144 с.

ВЫСОТЫ МИХАИЛА БОРИСОВА

Поэт Михаил Борисов — человек удивительной судьбы, суровой, а подчас и жестокой, судьбы, рожденной войной и накрепко «окольцованной» ею. И поэзия Борисова того же склада.

Он добровольцем в семнадцать лет ушел на фронт, где, как и многим ровесникам, ему «нарезан щедро и сполна окопный был надел».

Он высаживался с десантом под Камыш-Буруном. Позже, в августе сорок второго, форсировал Дон, чтобы вынести на плечах всю великую сталинградскую эпопею с первого и до последнего ее дня. Здесь, на волжской твердыне, Михаил Борисов стал коммунистом.

Но его главный бой:

Сорок третий
Горечью полынной
На меня пахнул издалека —
Черною,
Обугленной равниной
Видится мне Курская дуга.

11 июля 1943 года под Прохоровкой комсорг Отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона 58-й механизированной бригады сержант Михаил Борисов, встав за панораму последнего уцелевшего в бою орудия, уничтожил семь фашистских «тигров». За этот подвиг ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Потом были новые бои и походы. Трижды раненный, дважды контуженный, младший лейтенант Борисов дошел до Берлина.

Война закончена, но память ее, особенно для солдата, неизбывна. Стихи Борисова посвящены не только тем, кто остался на полях сражений, кто вышел из огня, но и нам, нынешним, сознающим, как и сам их автор, что главное не в том, на каком — правом или левом — фланге встать в полный рост, а в том, чтобы не опоздать сделать это по первому призыву Родины.

Было в нашем подвиге солдатском
Внутреннее,
личное
веленье
И — на Курском,
И — на Сталинградском,
И — на каждом новом направленье!

Многие стихотворения поэта посвящены преемственности поколений, истокам любви к родной земле, солдатскому долгу, мужеству и благородству. Они составили содержание и новой книги М. Борисова, «Огни на высотах», пополнившей библиотечку журнала «Советский воин».

Она как бы очередной рубеж на творческом пути, новая, взятая не без боя высота.

Евгений **АРТЮХОВ**

Михаил Борисов. «Земные высоты». М., «Советский писатель», 1983, 128 с.
Михаил Борисов. «Огни на высотах». М., «Советский воин», 1984, 96 с.

СУДЬБА

«Смерть милого Саввы Тимофеевича и гибель эскадры довели мои нервы до последнего напряжения»,— писал Станиславский в мае 1905 года. Это сказано о самоубийстве знаменитого промышленника и миллионщика Саввы Морозова и о цусимской катастрофе — хоть и несравнимых по значимости, но очень типичных знаках эпохи первой российской революции.

Документальная повесть «Дед умер молодым» вышла из-под пера внука Саввы Морозова и полного его тезки, писателя С. Морозова; это попытка обобщить как уже опубликованные, так и малоизвестные архивные материалы, исторические факты и факты личные, семейные, доставшиеся автору, что называется, из первых рук (от его бабушки), для создания правдивого портрета интереснейшего человека своего времени, найти ему в этом времени точное место.

Добрый знакомый Чехова, Ключевского, Станиславского — и в то же время денежный мешок, первейший богач России, промышленник, фабрикант, владелец Орехово-Зуевской мануфактуры — и в то же время первейший бессребреник и меценат, друг Баумана и Горького, тот, на чьи средства строился Художественный театр и издавалась ленинская «Искра»... Как же совмещалось это в одном человеке?

Книга дает представление о последнем и, наверное, главном десятилетии жизни Морозова: перед читателями проходят эпизоды Всероссийской промышленной выставки, где Савва Тимофеевич был одним из организаторов, смелая речь которого об экономическом и техническом будущем нашей родины произвела большое впечатление; мы будто вживе присутствуем при разговорах Морозова с Горьким, Бауманом и Красиным, ходим по зимней Москве 1905 года — Москве в баррикадах, переживаем волнения, связанные с трагическим днем девятого января...

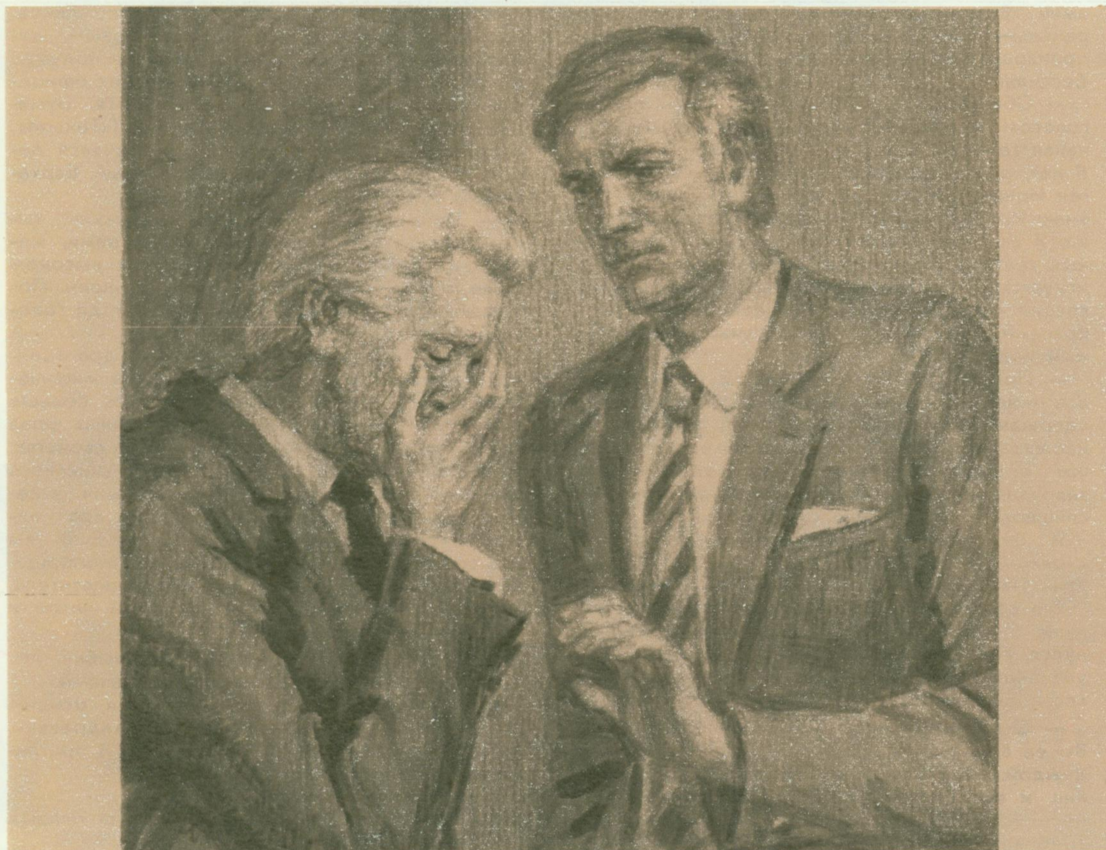
Следуя за событиями истории, представленными автором как тревожный, заревой фон жизни, в данном случае одного человека, мы являемся свидетелями и того, как формировалась талантливая и неординарная личность высочайших общественных и нравственных запросов и сильнейшей духовной чуткости, как рвал Савва Тимофеевич в себе психологию собственника, как ясно становился он на сторону народа, масс, стихийного, а потом и организованного движения рабочих.

Эта повесть аналитична: автор пытается в ней проследить, выявить истоки и сам процесс личной драмы Саввы Морозова, загнанного в угол вопиющим противоречием своего социального положения в обществе и прямо противоположных этому положению идей, которые он исповедовал. И из того угла «был только один выход — в смерть».

Жанр биографии и жанр публицистики равно свойствен повести «Дед умер молодым». Она заслуживает безусловного внимания, как попытка первого и серьезного исследования судьбы человека, по словам Горького, исключительного «по широте образования, по уму, социальной прозорливости и резко революционному настроению».

Т. ТРОИЦКАЯ

Савва Морозов. Дед умер молодым. М., «Советский писатель», 1984, 192 с.

Игра

Юрий БОНДАРЕВ

Рисунки Е. БОНДАРЕВОЙ, А. УСТИНОВИЧА

РОМАН

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

На 4 июля Крымова приглашали к следователю, и он не поехал на дачу, остался ночевать в городе.

Под утро отчетливо услышал во сне, как кто-то пытался взломать дверь с лестничной площадки — остро и жестко скрежетало железо выворачиваемых замков, трещали доски. Под ударами дверь поддалась, прогнулась, и что-то бесформенное, опасное краем вдвинулось в кабинет, безглазо следило за ним, оцепенело лежащим на диване, с угрозой ощупывало его, а он в бессилии даже не мог повернуть головы, крикнуть ссохшимся горлом: «Кто здесь?»

Он видел это так явно, так реально, что, проснувшись в обильном поту, долго смотрел с недоверием на спокойно отблескивающую в свете зари дверь своего ничем не нарушенного кабинета. Он лежал и думал о предстоящем разговоре со следователем, назначенном в повестке на 12 часов дня, ныряющие удары сердца оглушали его, и было тяжко от недавнего отвратительного бессилия во сне.

Это был вторичный вызов к следователю, первая их встреча состоялась накануне отъезда в Париж, и ещё тогда, по убеждению Крымова, все должно было предельно проясниться. Но то, что его снова приглашали на Петровку, и то, что расследование, надо полагать, не было закончено, являло тень смутной тревоги и подозрительной неясности. Сердцебиение не проходило, не забывалось белое и безглазое, вдвинувшееся в кабинет, и, чтобы взбодриться, стряхнуть сонный дурман, он принял холодный душ, растерся мохнатым полотенцем до звенящего тока в мускулах. Уже бреясь, заметил, как в зеркале засеребрился тоненький луч, пробиваясь через листву за окном, и, намыливая подбородок душистой пеной, нежно согревающей кожу, Крымов вдруг ощутил прилив душевной легкости, какая бывала иногда по утрам, а когда надел чистую сорочку, облегающую прохладой, и увидел свои заискрившиеся улыбкой глаза, то подмигнул дружески, якобы продолжая неоконченный разговор с Гричмаром: «Ну, поживем еще... до апокалипсиса!»

Он выпил стакан крепкого чая и прошел в кабинет к телефону с намерением позвонить на дачу. Аппарат чернел на столе затаившимся отчужденным зверьком, и Крымов в раздумье постоял у телефона, но звонить не стал, не желая лгать и объяснять Ольге то, о чем говорить сейчас не стоило. По тому, как она встретила его на даче, он догадывался, что слухи ее не обошли, однако всякое объяснение походило бы на оправдание, на жалобную его исповедь.

«Только бы не была вмешана Ольга,— думал Крымов, шагая по квартире, по ее сиротливым комнатам, обдающим пыльной и солнечной пустотой.— Я должен быть с этим один».

Когда он доехал на такси до Цветного бульвара и отсюда пошел пешком в сторону Петровки, был будничный час перед полднем с хаотичным и бессмысленным многолюдством на улицах, с непрерывным шелестом, ревом, мельканием легковых машин, зачем-то и куда-то едущих, с треском, гудением, грохотом, казалось, тоже бессмысленного потока грузовиков на Садовом кольце, с переполненными до отказа троллейбусами, вспыхивающими толстыми стеклами, со спертой теснотой в трамваях, с загородившими тротуары очередями за газированной водой и мороженым, с разморенными лицами в толпах,— весь этот вращающийся в неистовом пекле городской калейдоскоп проносился мимо под давящим адским огнем солнца и был уже насквозь пропитан чадным духом асфальта. Только на бульваре, в затененности лип, под ветвями, еще сохранялась тепловатая сырость утра, влага от поливальных машин, окативших деревья еще в раннюю пору прохлады.

«Ну, поживем пока... до апокалипсиса,— опять подумал Крымов, стараясь удержать иронией душевное равновесие.— Но зачем и во имя чего все это? Недоверчивость и подозрение — уже виновность... Что ж, я не хотел, а теперь хочу поторопить разговор со следователем. Для чего поторопить? Снять немыслимые подозрения? Установить истину? В этом такая же бессмысленность, как и в замедленности».

После проверки документов в вестибюле (мальчик-лейтенант, узнавая, бегло глянул в удостоверение, затем ему в лицо и украдкой улыбнулся) он поднялся на второй этаж и направился по длинному коридору в конец его, где была комната № 200, как он помнил, налево от окна близ лестничной площадки. Он дошел до конца коридора, высокого, совершенно безлюдного, с массивными дверями (где-то в глубине отдаленно постукивала пишущая машинка), без труда нашел номер комнаты и здесь увидел еще одного посетителя, стоявшего у окна со сцепленными за спиной руками.

— Вы тоже сюда?

Человек у окна не пошевелился, и Крымов постучал в дверь. Из комнаты никто не отозвался. Он нажал дверь с решительностью, которая не полагалась в этом учреждении, дверь была заперта, он пробормотал в озадаченности: «М-да, никого...»— и, доставая сигареты, подошел к выходу на лестничную площадку.

— Вы Крымов? — услышал он робкий, ищущий голос.— Вы режиссер Крымов?

Он обернулся, человек у окна смотрел на него светлыми, в красных веках глазами, какими-то неуловимо знакомыми, что-то мучительно напоминавшими, и у Крымова горячо рванулось сердце. Он мигом вспомнил эту нежную и благородную седину длинных волос, какая бывает у старых актеров, и красивые, сплошь седые брови, и матовость кожи, и опрятность одежды, траурную черноту галстука, вспомнил, как он, этот человек, стоял на кладбище, одеревенело уставясь под ноги себе, как задушенно зарыдал, когда заканчивалось прощание, склоняясь к гробу с искривленным лицом.

— Вы отец Ирины,— сказал, преодолевая неудобство, Крымов.— Простите, я знаю ваше имя по отчеству Ирины, но запамятовал ваше отчество. Нас с вами познакомили на кладбище, в тот день...

— К несчастью,— неживым голосом выговорил отец Ирины и печально прикрыл глаза.— Мое имя Вениамин Владимирович... Я работаю в Плановом управлении Латвии, живу в Риге. А вас я хорошо помню. И знаю по вашим работам, Вячеслав Андреевич... Вас я правильно величаю?

— Значит, вы тоже сюда,— полувопросительно сказал Крымов, проклиная никчемность своих слов и неловкую ненужность встречи в том месте, где она не должна быть.— Вас пригласили из Риги? Странно, в одно и то же время... Как непонятно и нелепо все...— Он не договорил и швырнул недокуренную сигарету в урну.

— Да, я сюда, сюда приехал,— проговорил Вениамин Владимирович, кивнув на дверь, и, театрально закрыв исказившееся лицо бледными, с синими жилками руками, заговорил сдавленно: — Поверьте, я теряю разум... За что же меня так наказала судьба? Кто мне сможет теперь ответить? Кто, Вячеслав Андреевич? Кто вернет мне Ирину, мою дочь? Единственная моя... Женственная, умная... Я знаю, как она была талантлива,— продолжал он, отняв руки от лица, и, повернувшись к Крымову боком, приложил зачем-то ладони к стеклу, слезы скатывались по его дрожащей щеке.— Я знаю, как она страдала, когда случилась эта травма в Большом театре. А были такие надежды, ожидания... Она стала бы великой балериной... Я чувствовал это с ее детства, с от-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—8.

рочества... Пластика, танцы, какие-то милые движения, потом балетная школа, восторги преподавателей... За что, за что так наказала меня судьба? За что отняла у меня мою единственную дочь?

Он вобрал воздух ртом, влажно всхлипнул, плечи его затряслись, как тогда на кладбище в минуту прощания, и Крымов, хмурясь, сказал:

— Ради бога, успокойтесь.

— Разумеется, разумеется,— выговорил Вениамин Владимирович, смахивая слезы морганием век.— Когда заживет эта рана? Никогда, никогда! Моя Ирина, моя дочь была необыкновенное существо... Какое-то трагическое дитя, беспомощный прелестный цветок, обреченный быть растоптанным! Грубо растоптанным жизнью!..

«Я понимаю его, но не могу помочь,— подумал Крымов, с тоскливой подавленностью отводя взгляд от мокрого красиво-породистого лица Скворцова.— Он искренен, он страдает... Но зачем эти ужасные жесты и слова об Ирине?»

— Она знала, она предчувствовала, что над ней витает роковая тень,— говорил Вениамин Владимирович, глядя куда-то в парную дымку московского неба за окном.— Помню, она приехала в Ригу после блестящего окончания балетной школы. Ей уже предложили роль... И она приехала на два дня увидеться со мной. Она не хотела дома, остановилась в гостинице. Был уже вечер, закат, она как-то мерзла, куталась в шаль, стояла у окна и была очень задумчива, грустна, хотя радоваться надо было. Я спросил: «Что-нибудь случилось у тебя, Ирина?» Она повернулась от окна и так грустно-грустно мне улыбнулась: «Папа, милый, со мной плохо кончится...» Бедная моя девочка, о чем она думала в тот вечер?..

— Она часто приезжала к вам?— спросил Крымов вполголоса, вспомнив повторявшиеся минуты задумчивости у Ирины.

— Не часто, не часто, и я простить не могу,— возразил Вениамин Владимирович, вздыхая через ноздри.— После смерти моей первой жены мы переехали в Ригу. Но Ирина не стала жить с нами... То есть я встретил женщину, я женился, а она не смогла вместе. Она до болезненности любила свою покойную мать. И жила в Москве, сначала в общежитии балетного училища, потом снимала комнатку, потом у родной тети. А я скучал невыносимо. Я готов был сделать для нее все, что она хотела. Но Ирина не всегда принимала помощь. Вы представить себе не можете, как в детстве она любила меня. А в последние годы жалела, как мне казалось...

— Жалела вас?

— Видите ли, в чем дело, Вячеслав Андреевич...

«Ну что он говорит «видите ли, в чем дело»? Откуда манерность у пожилого интеллигентного человека? Он почему-то раздражает меня, а это унижает нас обоих».

— Вы сказали, Ирина жалела вас? Простите, я не хотел бы задавать вопросы, которые приносят боль.

— Боль? Боль... Это хуже, чем боль, Вячеслав Андреевич. Я не знаю, когда стала окончательно разлаживаться жизнь. Она видела, что я несчастлив с новой женой. У нас действительно не сложилась жизнь... Но Ирина ни словом меня не упрекнула. А я видел по глазам — она страдала, жалела... Милый мой ангел! Какая гордость, чистота, какая святая хрупкость и несовременная ранимость, понимаете? Как будто она с другой планеты сошла на землю... чтобы украсить жизнь. И ее убили здесь, за непорочность убили! И какая необычная смерть — умерла от перелома шейных позвонков! А вы, вы понимаете как режиссер, который хотел работать с моей дочерью, как знаток человеческих душ, понимаете, что случилось? Ответьте мне, умоляю вас! Я прошу, я требую! Да, я требую, чтобы вы объяснили мне причины гибели моей дочери! Я не верю, что она разбилась и утонула! Не могу поверить!..

«Наверное, это сумасшествие? Встретились в коридоре, у двери следователя, и он, отец Ирины, этот человек с такой благородной внешностью, произносит немыслимые слова и требует от меня невероятного! Вынести невозможно...»

— Я не могу ответить на ваш вопрос, Вениамин Владимирович,— сказал Крымов с горечью.— Если бы я знал... Ясно мне одно: произошло непоправимое, и мы оба с вами бессильны.

— Оба? Бессильны?— повторил булькающим голосом Вениамин Владимирович и слабо покачал головой, будто в обморочном тумане.— Я нет, я не бессилен! Милый, милый мой ангел Ирина, ребенок непорочный! Я лучше вас знаю Ирину! Она была экстравагантная девушка. Я сам когда-то мечтал о сцене, я увлекаюсь театром всю жизнь и кое-что понимаю в искусстве! В ней был ренессанс, божественная грация чудесной балерины, в ней был прекрасный русский поп-арт и самый современный модерн!.. Это было чудо!

— При чем поп-арт? Модерн? Чепуха это все!— не выдержал Крымов, ужасаясь несдержанности, которую не смог перебороть, неожиданной опаляющей вспышке, и, помолчав со стиснутыми зубами, договорил не без запоздалого раскаяния: — Наверное, вы не слишком хорошо знали свою дочь.

И Вениамин Владимирович с оголенным страхом переспросил:

— Не знал? А вы? Вы знали ее хорошо?

Его ссутуленные плечи поднялись и вздрогнули, будто от внутреннего рыдания, он шатнулся у окна, весь подался к Крымову, неумеренно расширяя светлые неприступные глаза, едва выдавил шепотом:

— С каким расчетом вы дали Ирине роль? Вы ее соблазнили надеждой! И не только надеждой... Вы, Вячеслав Андреевич, вы виновник, и вас должны наказать. Вы должны понести наказание! Я приехал, чтобы требовать... Требовать суда над вами! Вы были дьяволом-соблазнителем, вы известный... и поэтому безнравственный по отношению к моей дочери человек!— Он жадно заглотнул воздух, как в сердечном приступе.— Ей нужно было уходить из искусства навсегда, навсегда! При ее травме нельзя было вновь в балет... после таких блестящих надежд она не могла быть на выходах, на побегушках! А вы ей в кино роль... О, вас избаловала, извратила известность, избаловали женщины! Я спрашивал, узнавал, Вячеслав Андреевич, о вашем моральном облике у вас на студии, я был там, был сегодня утром, не обессудьте, был!.. И даже ваш директор студии, член парткома, уважаемый человек, не исключает... Да уж, да уж, он так мне и сказал: не исключаю... Да, да, он не исключает вашу преступную связь с Ириной!..

И Скворцов обеими руками вцепился в рукав Крымова, заплакал навзрыд, уронив голову, обдав запахом волос и туалетной воды.

Крымов, бледнея, с острым ознобом на лице прервал его:

— Вы с ума сошли? О чем вы говорите? Что за чепуху о моей известности и избалованности наговорил наш болван Балабанов? И что за странный разговор происходит между нами! Я не хотел бы таким образом, это унижает нас обоих! Это стыдно, черт возьми!— Он уже не в силах был остановить себя, охладить трезвой благоразумностью, такой верной, такой успокаивающей позднее при воспоминании о вовремя сдержанной резкости.— Я одно должен вам сказать, Вениамин Владимирович: не дай вам бог быть на моем месте в тот страшный день!.. Я желаю вам всего хорошего! Поступайте как хотите, я готов ко всему!..

И, поражаясь нелепости этой встречи («Ради чего, почему нас вызвали на один и тот же час, или это стечение обстоятельств?»), он еще сумел с вежливым хладнокровием проститься, поймав жалко-оторопелое, раздавленное и одновременно ничему не верящее выражение в глазах Вениамина Владимировича, и быстро пошел по коридору, упиваясь отчаянной мыслью: не бывать здесь до тех пор, пока его со всей строгостью не пригласят снова.

Он сбежал по широкой лестнице в вестибюль, поспешно нащупывая в кармане удостоверение, вложенную в него повестку.

«Какая несуразица, что за нелепица, ложь, ложь!»

А в вестибюль со сдержанным говором входили группами милицейские офицеры, поочередно предъявляли пропуска мальчику-лейтенанту, на ходу кивали друг другу, одни направляясь к лифту, другие к лестнице, и кое-кто бегло взглядывал на Крымова, ждавшего в стороне. И здесь, перед выходом на улицу, его кольнуло нехорошее предчувствие, что вот сейчас случится еще что-то совсем ненужное, бессмысленное, идущее по нереальным, необязательным путям; и как только он подумал об этом, тут же из толпы милицейских офицеров отделился молодо улыбающийся, румяный, средних лет капитан с усиками («Токарев, следователь Токарев, с ним я встречался перед отъездом в Париж»), и приятный бархатистый голос обволок его теплотой:

— Здравствуйте, Вячеслав Андреевич, тысячу раз извините, виноват перед вами, непредвиденное совещание в самом высоком доме, я опоздал на сорок минут. Грешен. Понимаю вашу занятость, поэтому с ног до головы виноват...

— Что значит для юстиции моя драгоценная занятость и при чем здесь ваша мифическая вина?— сказал Крымов, опасаясь больше всего, что сорвется после искусственных фраз Токарева, этих извинений дежурного свойства, которые, впрочем, не имели теперь никакого значения.— Простите, Олег Григорьевич, я сегодня не смогу иметь удовольствия вразумительно отвечать на ваши вопросы. Если вы это сочтете, конечно, возможным, я попрощаюсь с вами. Тем более вас ждет посетитель, который знает очень многое, в том числе и обо мне...

Токарев стер с румяного лица улыбку, посмотрел твердыми испытующими глазами.

— Давайте мне вашу повестку, я отмечу. Иначе вас не выпустят, Вячеслав Андреевич, хоть вы и известный кинорежиссер. Я приглашу вас на днях.

— Благодарю. Буду очень рад.

На Театральной площади он поймал такси и поехал на студию.

Когда он расплатился с такси и через проходную вошел во двор студии, дышащий асфальтовыми испарениями, неопрятно усыпанный тополиным пухом, летящим и на лету прилипающим к лицу (отчего зной казался еще более нестерпимым), когда прошел холодноватый и погребно-темный гулкий вестибюль, поднялся на шестой этаж в приемную директора, здесь в каком-то ватном, стерильном покое, среди дубовых панелей возникло несколько знакомых режиссерских или актерских фигур, и курносое личико секретарши, суженное висящими вдоль щек волосами, испуганно взметнулось навстречу. Он полностью отдавал себе отчет, что не способен изменить человеческую природу, вкусившую сладость любой власти, что не сможет безнаказанно поколебать что-либо, однако с решимостью распахнул толстую обитую кожей дверь и вошел, останавливаемый всполошенным криком секретарши:

— Нельзя, Вячеслав Андреевич! Он занят!

— Можно,— сказал Крымов.— От этого не умирают, насколько я осведомлен.

Против обыкновения Балабанов сидел не за письменным столом, сверх всяких размеров массивным, заваленным по краям бумагами, переплетенными сценариями и папками, а за журнальным столиком у открытого окна и, багровый, без пиджака, помешивал в стакане, давя в нем лимон, сосредоточенно слушал худого в безупречном костюме человека с расширяющимся к высокому лбу костистым лицом. Человек этот держал бледной, истонченной рукой стакан, зажав ложку между указательным и средним пальцами, будто между хрупкими веточками, и отпивал мелкими глотками. Это был заместитель председателя Комитета по делам кинематографии Пескарев, еще довольно молодой, из-за неизлечимой болезни ног с детства ходивший на двух костылях, но независимо от этого на редкость подвижный, деятельный, ездивший по студиям страны и за границу, гроза сценаристов, нелицеприятно ядовитый в суждениях, к которым прислушивались многие на худсоветах и коллегии.

— Что такое? Что? Почему вы, собственно, врываетесь, Вячеслав Андреевич?

Оба прервали разговор, повернув головы к Крымову, и на грузном лице Балабанова стало молниеносно расти выражение гневного возмущения. Он встал, астматически задыхаясь, по привычке воинственно засучивая на локтях сползавшие рукава, словно изготовленный защищать и собственное достоинство, и авторитет Пескарева, и неприкосновенность территории кабинета.

М. Самсонов. ВЕСНА ВОЗРОЖДЕНИЯ. 1984.

М. Самсонов. В РОДНЫХ ПОЛЯХ. 1982.

— Позвольте, почему, собственно? Я занят, занят!..

И при виде его свекольной багровости, низенькой короткошеей фигуры с Ф-образно растопыренными локтями и поползшим со лба ежиком волос Крымов сказал почти весело:

— Садитесь и не пугайте меня, ради всего святого, Иван Ксенофонтович! И очень хорошо, что нас трое. Мне повезло. Ибо у вас находится товарищ Пескарев, так сказать, представитель высшего кинематографического начальства. Как мне повезло! Мне, знаете ли, нужен солидный свидетель. В ту или другую сторону.

— Во-первых, здравствуйте, Вячеслав Андреевич,— сухо сказал Пескарев.— Во-вторых, вы сами садитесь.— И показал на кресло подле столика.— В-третьих, у вас, вероятно, конфиденциальный разговор с директором, и, следовательно, я могу уйти, чтобы не мешать,— добавил он и холодно посмотрел на прислоненные к дивану костыли.

— О, вы ошиблись, никакой конфиденциальности, никакого протокола!— воскликнул Крымов, садясь к столику.— Я повторяю: мне нужен свидетель, и не откажитесь им быть, ради бога.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду три вопроса, которые хочу задать Ивану Ксенофонтовичу при вас. Во-первых, во-вторых и в-третьих... Во-первых...— Крымов взял печенье из вазы, надкусил краешек, пожевал и сморщился.— Срам, какую патоку вы едите, Иван Ксенофонтович,— сказал он, наслаждаясь игрой в развязность и налитыми кровью глазами Балабанова, с подозрительным страхом глядевшего на него исподлобья.— Скажите, Иван Ксенофонтович,—спросил он смиренно,— мой фильм официально приостановлен вами или высшей инстанцией?

— Это сложный вопрос,— загудел Балабанов, нерешительно скашиваясь на Пескарева, плоско поджавшего пепельные губы.— Сложный вопрос, потому что вы сами знаете, как сложились обстоятельства. Есть законы юриспруденции, расследования, как вы понимаете...

— Понимаю,— сказал Крымов и опять брезгливо надкусил краешек печенья, оборачиваясь к молчавшему Пескареву.— Не могу понять, как вы едите такую приторную гадость. Кратчайший путь к диабету. И вы так считаете, товарищ Пескарев? Расследование, законы юстиции, возможность преступления?

Пескарев надменно вскинул прозрачный взор, и почудилось: губы его, подобно пиявкам, жестко сжались и разжались, скроив то ли тень улыбки, то ли желчную гримасу.

— Вам известно, что я не кривлю душой?

— Ну конечно.

— Мне лично ваш сценарий никогда не был по душе,— сказал Пескарев выпуклым голосом.— В вашем сценарии о современной молодежи столько рефлексии, столько заданных самому себе вопросов, столько исканий, что, во-первых, это не соответствует реальной действительности, а во-вторых, никто после этого никуда не поедет...

— Куда? Кто?

— Молодежь. На строительство в Сибирь, например. В вашем сценарии нет ни энтузиазма молодежи, ни трудового подъема, ни претворения в жизнь исторических планов нашего непростого сегодня. У вас все мучаются вечными вопросами: как жить? Что такое совесть? Что такое правда? В то время как...

— Ах да, да, да, вечные вопросы мешают, несомненно, я совершенно не учел. Слабый умишко не дошел до истины.

— В то время как бесклассовый подход с позиций абстрактного гуманизма к таким понятиям, как человечность, совесть, стыд, добро, чреват всякого рода ошибками и искажениями.

— Да, да, да, чреват всякого рода ошибками и искажениями. Бедный кинематограф...

Пескарев с кислой гримасой потрогал костлявыми пальцами ложечку в стакане (ногти у него были синеватые, круглые, аккуратно подстриженные), спросил, педантично уточняя:

— Ернически вы сказали. Бедный кинематограф? Почему?

И Крымов продолжал, в отчаянной игре мчась над пропастью и безоглядно наслаждаясь риском:

— Я помолился за вас и добавил: бедный кинематограф, пройдет ли он через свои звездные мгновения? Мы отстали от самих себя на пятьдесят лет. Благодаря некоторым эстетам собственной безопасности, которые озабочены мировой славой нашего киноискусства.

— Как то есть? Вы известный остроумец, Вячеслав Андреевич, но все же поясните!

— Поясню. Вот вы, наш отец, учитель и кормилец, Леонид Викторович, с отличием кончивший исторический факультет почтенного Московского государственного университета, вот вы за эти несколько минут не сказали ни правды, ни полуправды, ни четверти правды. Впрочем, вы страж,— прибавил он голосом галантной признательности.— Страж некой фантастической жизни в искусстве, полной иллюзорных чувств, которые вы сами и многие другие удобно придумали во имя своего душевного спокойствия. Простите темноту мою тулупную, никак не намеревался обидеть, сорвалось случайно,— продолжал Крымов и привстал, словно бы подобострастно прося милосердного извинения у Пескарева, а глаза Пескарева (глаза всезнающего, взрослого с детства, начитанного ребенка) мертво застыли, вонзаясь в переносицу Крымова, наполняясь синеватым отблеском льда.— Все это пришлось к слову. Но я не вам хотел задавать вопросы, еще раз прошу прощения, а уважаемому Ивану Ксенофонтовичу, нашему факелу и светочу на небосклоне отечественного кинематографа.— Крымов почтительно и льстиво поклонился в сторону Балабанова и, подтянув брюки на коленях, закинул ногу на ногу, похоже было, беспечно располагаясь к уютной домашней беседе о близком и милом предмете.— Если я остроумец, как не очень точно определил Леонид Викторович, то вы, Иван Ксенофонтович, известны всему честному миру как гордое знамя мысли, неподкупный рыцарь и труженик разума, наконец. Поэтому, надо надеяться, вы должны поднимать не заржавленный меч всех обывателей мира, но меч духа. Против этой формулы у вас нет никаких возражений?

— Да что такое? Что вы здесь говорите?— солидно вскричал приглушенным басом Балабанов, подтягивая рукава на коротких, поросших волосом руках, и задвигал ежиком волос над потным лбом.— Демократия демократией, но я не позволю вам, хоть вы и заслуженный режиссер! Ваш талант, так сказать, не дает вам еще права... Вы не сдерживаете себя даже в присутствии Леонида Викторовича, вы ведете себя недостойно!..

Крымов перегнулся через столик и нежно погладил сжатый на подлокотнике кресла кулак Балабанова.

— Вы не дали мне договорить, Иван Ксенофонтович,— сказал он с тем пугающим его самого спокойствием бешенства, как перед прыжком в бездну, в полузабытые, загороженные целой жизнью времена военной молодости.— Вы сегодня сотворили ложь, что является синонимом клеветы. Во имя чего ввели в заблуждение отца Ирины Скворцовой? Ради чего вы сказали ему о возможности связи между нею и мною? Я отношу это к тому, что вы не успели подумать, как это с вами бывает... Интеллектуал, подвижник высочайшего духа, вы целили в меня, а попали в уже израненную душу отца. Я ценю ваше свободное сознание, но разве можно творить в темноте даже дьяволиаду? Как низок человек, лишенный доброты, не правда ли, Иван Ксенофонтович?

— Как вы... Да как вы смеете?!— выкрикнул с задышкой Балабанов и ударил кулаком по подлокотнику кресла, багровея до лиловости щек.— Вы пришли насмешничать и учить меня уму-разуму? Что касается ваших связей, то за доказательствами далеко ходить не надо — в первую очередь обратитесь к вашему директору картины Молочкову! Тот вам расскажет, с какой целью вы ездили со студии на Ордынку, если забыли сами! Надо полагать, не картинки в букваре вы ездили смотреть! Как вы со мной разговариваете? Ни ваши звания, ни ваши заслуги не дают вам права вести себя, как вам хочется... как какой-нибудь избалованный американский режиссер, вроде вашего друга Гричмара!

— Вот вы видите, Леонид Викторович, дело, как это ни печально, опять идет о совести, которая смущает вас — совершенно разделяю ваши опасения — своей абстрактностью...— с тем же спокойствием сжатого бешенства проговорил Крымов.— Речь идет не о потрясении земных основ. Речь идет... просто о жизни. Кстати замечу, Леонид Викторович, что американский режиссер Джон Гричмар гораздо ближе мне по искренности, чем мой дорогой директор студии. Парадокс, черт побери, но ничего не поделаешь.

Это обращение к Пескареву возникло, вероятно, потому, что Крымов ощущал на своем лице почти физическое прикосновение колющего ледка младенческих глаз недобро настороженного человека, молчаливо всасывающего его слова, чтобы затем отвергнуть их, как на худсоветах не раз непримиримо отвергал суждения режиссеров, упорствующих в занятой позиции. Но по тому полузабытому, загороженному всей жизнью чувству Крымов знал, что сейчас уже ничто не удержит его начатый полет над бездной, такой самоубийственный и такой упоительно-сладостный, точно в гибели на дне бездны была сама справедливая радость. И, наслаждаясь головокружительной силой вызова и зло и счастливо сознавая, что прошлое отчаянное чувство молодости еще не растаяло в благоразумии, в нажитом опыте, он, улыбаясь обаятельной улыбкой любимца удачи, заговорил невозмутимо и ровно:

— Ужасно то, что мы живем в век расчетливой цивилизации. Ложь взаимоотношений успокаивает глупость и уравнивает конфликты. Не правда ли, Иван Ксенофонтович и Леонид Викторович? Но, боже мой, готов отдать все свои звания и так называемые заслуги, о которых так чувствительно напомнил Иван Ксенофонтович, готов стать нищим и сирым, прослыть кем угодно, хоть идиотом и чудаком, Иван Ксенофонтович, лишь бы только... да, да, простите, лишь бы только отметить вас, Иван Ксенофонтович, отпечатками пальцев, как в добром девятнадцатом веке отмечали подлецов и ничтожеств. В данном случае я имею в виду вторую категорию... Вы достойны быть отмеченным, чтобы другим неповадно было подражать вам...

Он поднялся, и в тот же миг Балабанов с сиплым вскриком отшатнулся коротким телом в кресле, вроде бы ударенный снизу в лицо, и, задирая подбородок, начал поспешно, суматошно елозить ногами по полу, силясь отодвинуть кресло вместе с собой подальше от незащищающего столика. А Крымов молча стоял, гадливо глядя на по-жабьи взбухающее горло, и его охватывала злая брезгливость к жалкой, ничем не прикрытой трусости Балабанова, к этому пухлому, раздувающемуся горлу, и нарастала неприязнь к надменно застывшему костлявому лицу Пескарева, к младенчески неморгающему взгляду льдистых глаз.

Все было ничтожно, стыдно, недобро: его, Крымова, стискивали в недружелюбном кольце, но пока боялись коснуться, а он, не сдерживаясь, с ненавистью к своей несдержанности ничего сейчас не мог простить себе и другим, поправить и изменить в шутовском тоне, взятом им, в противной до тошноты игре (у него не хватило бы сил начать и закончить этот разговор серьезно), и с изысканным почтением он проговорил, обращаясь к Пескареву:

— Я душевно попросил бы вас, Леонид Викторович, запомнить некоторые подробности этой лирической сцены, очевидцем которой вы были. Я опасался, что без свидетелей Иван Ксенофонтович мог собственной обувью, снятой с ножки, раскрасить себе мо... простите великодушно, личико и заявить в партком, что был избит до полусмерти наглым развратником Крымовым. Так, значит, мне повезло. И прошу вас, Леонид Викторович, передать председателю, что, несмотря на плохие погоды, фильм все-таки буду снимать я. Честь имею! Разрешите откланяться?

Он щелкнул каблуками, еще ниже и почтительнее склонил голову и с видом чиновника, исполненного служебного рвения, пошел к двери. Но здесь мимолетно он увидел пиджак Балабанова, повешенный на спинке стула возле длинного стола для заседаний, и, сдернув пиджак, подобно многоопытному портному, бросил его плавным жестом на вешалку сбоку двери, сказал несколько раздосадованно:

— Дьявол знает что за неаккуратность.— И на самом пороге вновь повернулся к ним, сидевшим в молчании, повторил речитативом:— Честь имею, честь имею!..

Продолжение следует.

«Маршрут моей жизни...»

М. В. МИНОКИН,
доктор филологических наук

В 1921 году в первом номере первого «толстого» советского журнала «Красная новь» была опубликована повесть Всеволода Иванова «Партизаны». Этой публикации содействовал А. М. Горький. В следующем году здесь же увидела свет повесть «Бронепоезд 14-69», а вскоре и роман «Голубые пески». Почти одновременно отдельными изданиями вышли книги Вс. Иванова «Партизанские повести», названный роман и сборник рассказов «Седьмой берег».

Редактор «Красной нови» Александр Воронский в 1922 году с гордостью сообщал В. И. Ленину, что «Всеволод Иванов — это уже целое литературное событие, ибо он крупный талант и наш». Горький не только помог молодому писателю переехать из Сибири в Петроград и выйти на страницы лучшего столичного журнала, но и содействовал переводу его произведений на Западе. К середине 20-х годов книги Вс. Иванова уже знали читатели Германии, Франции, Италии, Чехословакии, Болгарии. Во Франции повесть «Бронепоезд 14-69» издавалась пять раз, а в 1932 году в Париже была поставлена пьеса того же названия. О молодом писателе-сибиряке доброе слово сказали Ромен Роллан, Анри Барбюс, Анна Зегерс, Юлиус Фучик, Мартин Андерсен-Нексе, Людмил Стоянов. В конце 20-х годов Госиздат выпустил собрание сочинений Вс. Иванова.

Многих исследователей интересуют «секрет» неожиданного рождения писателя и причина стремительного распространения его произведений как у нас в стране, так и по всей Европе. В свое время меня тоже заинтересовал этот вопрос. Из скромных строк автобиографии и скупых сведений справочников я и до этого знал, что Вс. Иванов — сын сельского учителя, с юных лет рабочий-печатник, что еще до революции напечатал рассказы в «Сборнике пролетарских писателей» под редакцией Горького. Однако мне хотелось узнать жизненные источники «Партизанских повестей» и «Голубых песков», что предшествовало их возникновению и почему среди эмигрантов, считавших, что в Советской России не может быть художественной литературы, эти книги вызывали впечатление, по словам Воронского, «разорвавшейся бомбы».

И я погрузился в архивы Омска, разыскивал в библиотеках Москвы, Ленинграда, сибирских городов старые газеты и журналы. Там находил забытые рассказы и стихи Вс. Иванова. Наконец я решил обратиться с письмом к Всеволоду Вячеславовичу. «Ваше письмо повергло меня в немалое удивление,— ответил он мне в 1957 году.— Вы пишете, что мой первый рассказ, «В святую ночь», был опубликован в «Народной газете» в 1915 году,— я этого совершенно не помню, равно как и не помню содержания двух других рассказов — «Вертельщик Семен» и «В зареве пожара», словно и не я их писал».

Всеволод Иванов. Портрет с дарственной надписью М. Д. Ройзману. Публикуется впервые. 1935 год.

С этого началась моя переписка с Вс. Ивановым, тогда же я изредка навещал писателя в Москве или Переделкине. Именно с этих пор и стал раскрываться передо мною «секрет» его творческого взлета. Всеволод Иванов показал мне сборник своих первых рассказов, «Рогульки», изданный в Омске тиражом в несколько десятков экземпляров. В свое время эту книжечку автор подарил Горькому, Федину, Блоку, Брюсову. К сожалению, удалось обнаружить только один экземпляр в архиве Брюсова, хранящемся в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина. Этот экземпляр интересен тем, что на нем имеется автограф: **«Валерию Брюсову — от автора»**, а на самодельной суперобложке тоже рукою автора написано: **«Всеволод Тараканов. Рогульки. Первая книжка рассказов. Изд. «Вепрь». 1919 года. Раскрывая книжку, вспомните, что набирал ее, печатал и бумагу покупал на 1200 рублей жалованья сам автор. Вс. Иванов».**

Писатель рассказал мне об однодневной газете «Согры», которую он выпустил в Омске в апреле 1918 года, и просил разыскать ее. Мне удалось найти этот редкий номер в коллекции одного омского краеведа. Газета была отпечатана от имени «Цеха пролетарских писателей» в той самой типографии, где Вс. Иванов служил метранпажем. Газета вышла накануне контрреволюционного переворота, рабочий-красногвардеец Иванов был автором передовой статьи, которая заканчивалась призывом: «Да здравствует молодость! Да здравствует искусство! Да здравствует революция!» В «Awграх» были напечатаны произведения друзей Иванова — рассказ А. Сорокина и стихи К. Худякова, но основная площадь была занята рассказами и стихами самого редактора, которые были подписаны разными псевдонимами, только рассказ «Шантрапа» шел за подписью Вс. Иванова.

Его первые литературные опыты относятся к дореволюционным годам: рассказы появились в 1915 году в Кургане. В следующем году писатель посылает свои рукописи Горькому в Петроград. На курганские публикации обратил внимание известный омский писатель Антон Сорокин, который всегда поддерживал начинающих литераторов Сибири. Он написал Вс. Иванову, предложил организовать его литературный вечер в Кургане. Вс. Иванов сообщал Сорокину о себе: «Я родом из Павлодара, тут недалеко есть поселок Лебяжий, ну, так я оттуда. По профессии — рабочий, служу в типографии наборщиком. Пишу только полтора года...» В этом же письме Вс. Иванов выражал согласие принять участие в литературном вечере.

Во время странствий по Сибири, Уралу, Средней Азии вместе со своими товарищами по типографии Вс. Иванов часто устраивал представления в уездных городах и поселках. О своей работе в балаганах и трактирах уральских городов он позднее расскажет в автобиографическом романе «Похождения факира».

В личном архиве писателя хранятся уникальные гастрольные афиши Вс. Иванова и его друзей (пользуясь случаем, я выражаю глубокую благодарность Тамаре Владимировне Ивановой, разрешившей снять копии ряда афиш). Так, одна из них гласит: «14 июля 1914 г. в помещении театра вольно-пожарного общества состоится последняя гастроль бесконкурентного экспериментатора К. С. Филиппи... Выступление декламатора Левы Лошевского и рассказчика-импровизатора на злобу дня — Всеволода Савицкого».

В «Похождениях факира» позднее появится персонаж Филиппинский, его прообразом был Николай Пестов, Лева Лощевский (он же Лев Лащевский)— это Алексей Жулистов. Всеволод Савицкий — псевдоним самого Вс. Иванова, этим именем он подписывал многие ранние рассказы. На других афишах встречаются и другие псевдонимы Вс. Иванова: Вс. Таежный, Вс. Тихий, Макс Жеекард,— но чаще всего «в качестве факира» он выступал под псевдонимом «Бен-али-Бей». Так, на одной из сохранившихся афиш напечатано: «Последние гастроли бесконкурентного ЗНАМЕНИТОГО ФАКИРА И ДЕРВИША БЕН-али-БЕЯ».

Свои артистические турне Вс. Иванов с друзьями обычно совершали летом — на это время хозяин типографии увольнял рабочих. **«Маршрут моей жизни был таков,**— отвечал писатель на мой вопрос.— **Павлодар — оттуда Омск, Урал — и очень долго жил в Кургане, где и откуда начал печататься,— затем... «хождение в Индию»... возвращение в Курган (неоднократное), переезд в Омск».**

«Хождением в Индию» Вс. Иванов называет путешествие пешком через степи Казахстана, Среднюю Азию, в Ташкент и Бухару. Одно время у юноши было намерение добраться до Индии, которая ему представлялась страной чудес и факиров, но он не имел денег на заграничный паспорт. После чтения романа «Мы идем в Индию» и разъяснения писателя я понял, что у него были в 1916 году основания написать Горькому: «Географию я знаю, по крайней мере — сибирскую, потому что половину ее собственными пятками измерил».

В этом году Вс. Иванов уже более серьезно стал смотреть на свои литературные увлечения: здесь главную роль сыграл Горький со своими советами учиться и обещанием опубликовать рассказы в столице.

Когда Всеволод Вячеславович мне рассказывал об омской газете «Согры», он почему-то забыл, что это был не первый опыт его «издательской деятельности». В феврале 1916 года вместе с товарищами по работе он издал однодневную газету «День служащих», которая имела такую «шапку»: «Граждане! Призываем жертво-

вать на пасхальные подарки воинам, на улучшение жизни беженцев». Из художественных произведений в газете были опубликованы стихи Кондратия Худякова и рассказы Вс. Иванова «Сумерки жизни» и «Защитник и подсудимые».

Нельзя забывать, что на молодого Вс. Иванова оказывали благотворное влияние рабочие, среди которых он находился с пятнадцати лет. В этой обстановке в газете «Степная речь» в январе 1917 года появилась его статья «Полусонные», подписанная псевдонимом «В. Пролетарий». Накануне революции автор-рабочий смело сказал о месте пролетариата в общественной жизни: «Нам нужно пробудиться. Мы, рабочие, должны подойти и сказать: здесь наше место: пустите нас, мы — с молотом! И — будущее за нами!»

Закономерно, что Вс. Иванов после Февральской революции принимает самое активное участие в политической жизни: часто печатается в газетах, выступает на митингах, организует выпуск однодневной газеты «День печатников», она вышла первого мая 1917 года. Передовая, написанная Вс. Ивановым, призывала читателей: «Объединяйтесь. же, товарищи-коллеги! Соединяйтесь в одну большую семью!»

Дело закончилось тем, что рабочие-печатники во главе с Вс. Ивановым взяли в свои руки типографию, закрыли официальный «Курганский вестник», а когда большевики накануне Октября стали издавать газету «Новый мир», там сразу же начал печататься Вс. Иванов. Он активно отстаивал революционные позиции. Особенно много он работал в профсоюзе печатников Кургана, который и направил его в Омск, на Всесибирскую конференцию, там он встретил Октябрьскую революцию, вступил в Красную гвардию.

После разгрома колчаковщины Вс. Иванов несколько месяцев работает в г. Татарске в уездном отделе народного образования. Летом 1920 года его переводят в Омск, который снова стал центром Советской Сибири. Сохранилась анкета, заполненная писателем при поступлении на службу. «Какие должности занимали с февраля 1917 г. по октябрь 1917 г.? — Сотрудник «Известий Курганского Совета рабочих и солдатских депутатов».— Какую должность занимал и где работал во время Октябрьской революции? — Типография Центросоюза — метранпаж. — На каких должностях и где служил с октября 1917 г. до поступления в данное учреждение?— Там же и в Татарском агитпроме. — Был ли когда репрессирован? — Был под судом Колчака, июнь месяц 1919 г.». На вопрос о партийной принадлежности Вс. Иванов ответил: «Сочувствую РКП. (Билета не имею)» (Госархив Омской области).

Из документов, найденных мною в омском архиве, явствует, что Вс. Иванов сначала служил в аппарате губкома, затем назначается сотрудником газеты «Красный путь». Через месяц его переводят в газету «Советская Сибирь», которая возникла в политотделе 5-й армии. Организатором газеты был Е. М. Ярославский. Он привлекал для работы многих писателей, хорошо относился к Вс. Иванову. Ярославский же откомандировал писателя в Петроград в «распоряжение Горького». В столицу Вс. Иванов привез сборник «Рогульки», рукописи «Партизан» и ряда рассказов, а главное — замыслы «Партизанских повестей» и романа «Голубые тени». Так начинался путь в литературе замечательного советского писателя.

ТАЙМ-АУТ ДО ОСЕНИ

Марк ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель «Огонька»

Столетняя история борьбы за шахматную корону мира богата яркими событиями. В тридцати официальных поединках выдающихся шахматистов своего времени было немало поистине драматических перипетий и высоких творческих достижений, ставших хрестоматийными. Но, пожалуй, не вспомнить ни одного матча, где сюжет борьбы был бы столь своеобразен, сложен и непредсказуем, как в единоборстве А. Карпова и Г. Каспарова. Побиты все рекорды продолжительности, упорства, творческого напряжения и, наконец, просто выносливости. Стопятидесятидевятидневная баталия не выявила победителя. Сыграв 48 партий, исчерпав все мыслимые ресурсы, соперники, так и не достигнув положенных регламентом шести побед, вынуждены были по решению наделенного специальными полномочиями президента ФИДЕ Ф. Кампоманеса прервать борьбу...

Вспомним сюжетную канву поединка.

Бравурный, стремительный старт оказался сенсационным. После 9 партий чемпион мира вел со счетом 4:0! Преимущество Карпова было очевидно. Он играл сильно, уверенно, хладнокровно отражая азартные попытки Каспарова нанести «упреждающий» удар. Казалось, матч может закончиться непредвиденно быстро. Кто бы мог тогда подумать, что он окажется не самым кратким, а, напротив, наипродолжительнейшим в истории?.. И в следующей беспрецедентной фазе, где было сделано подряд восемнадцать ничьих, игровой перевес сохранялся за Карповым. Претендент лишь жаждал выиграть время, успокоиться после пережитого, восстановить силы, набраться опыта матчевой борьбы. Ретроспективно теперь можно утверждать, что это было счастливым для него решением. А вот чемпион мира, пожалуй, должен сетовать, что в тот благоприятный период позволил втянуть себя в засасывающе монотонный ритм. Не ставя перед собой задачи не просто выиграть матч, а достичь победы с максимальным результатом, Карпов, вероятно, мог тогда, где-то сыграв порезче, убедительнее использовать свою матчевую инициативу. Но выигрыш 27-й партии, проведенной чемпионом мира с филигранным мастерством, казалось, доказывал правоту избранной им стратегии.

Однако случилось непредвиденное. Оказавшись на грани поражения, Каспаров проявил подлинно бойцовский характер. Следующая фаза матча — теперь ее уже можно назвать заключительной — принесла претенденту долгожданное удовлетворение. Заиграв раскрепощенно, словно забыв о катастрофическом счете, он постепенно нашел себя и сумел не только стабилизировать положение, но и перехватить инициативу. К тому же чувствовалось, что к страшным перегрузкам супермарафонского единоборства Каспаров адаптируется легче, чем его соперник. Выигрышем двух партий кряду претендент заметно обострил матчевую ситуацию. При счете 5:3 стало очевидно, что единоборство приобретает еще более упорный и затяжной характер. Если партнеры из максимально возможного общего числа побед — 11 — за пять месяцев достигли восьми, сколько понадобится еще сил и времени до определения результата? Гадать долго не пришлось. Матчевый сюжет обрел еще один необыкновенный поворот.

15 февраля 1984 года Флоренсио Кампоманес официально заявил, что, несмотря на то, что чемпион мира и претендент хотели продолжить матч, он по велению сердца и разума, в интересах участников и шахмат в целом прекращает единоборство с тем, чтобы соперники могли возобновить свой исторический спор за шахматную корону в новом сражении и при новом регламенте спустя полгода.

Установленные на этом матче правила подверглись, по словам президента, «невиданному испытанию», матч показал «непредсказуемость окончания поединка». Сколько еще надо было сыграть партий, чтобы выявить победителя, продолжал Ф. Кампоманес,— семьдесят две? Еще больше? И Карпов, и Каспаров отдали себя полностью этому матчу, стремясь в каждой партии достичь вершины, но после более чем пяти месяцев борьбы их физические и психологические ресурсы были исчерпаны. Подобный матч не должен превращаться в испытание на выносливость, подчеркнул президент.

Разумеется, решение Кампоманеса является беспрецедентным, а потому мужественным и далеко не простым. «Я не могу надеяться, что удовлетворю всех»,— сказал президент. Оно не было полностью поддержано даже самими участниками, каждый из которых имел свои веские доводы в пользу продолжения матча: чемпион мира — перевес в два очка, претендент — динамику развития событий. И неудивительно, что Карпов принял волевое решение Кампоманеса после больших колебаний, а Каспаров только подчинился ему. Но справедливости ради признаем, что оно в значительной степени отразило тревогу самых широких слоев любителей шахмат.

Наши читатели в своих письмах в последние недели не раз подымали голос в защиту гуманности шахматных баталий. Еще 5 февраля врач Н. Грищенко из города Кирова писал: «У многих назрела тревога за брошенных в безрассудную борьбу наших одареннейших ребят. Ведь они же не римские гладиаторы. Это уже выходит как за пределы спорта, так и искусства. Более того, будучи врачом, считаю нужным самым серьезным образом предупредить, что подобный «марафон» грозит его участникам тяжелым нервно-психическим срывом. Нельзя превращать заключительный этап борьбы за мировую шахматную корону в некое подобие американского бокса: без ограничения числа раундов, до полного нокаута».

К тому же, как известно, шахматы прекрасны не очками едиными. Творческое же наследие матча Карпова с Каспаровым поистине трудно переоценить. Огромен исследовательский вклад партнеров в теорию дебютов. Можно поражаться широте их репертуара и восхищаться глубиной разработок. Бесспорно, что репутация сильнейших гроссмейстеров современности подтверждена ими со всей убедительностью. Что же касается неизбежных общих огорчений в связи с незавершенностью поединка, то вспомним «Неоконченную симфонию» Шуберта. Она, как известно, не уступает в своей прелести многим законченным.

К тому же судьба предоставляет нам всем счастливую возможность не прощаться с героями выдающегося шахматного события и сказать им спасибо и до свидания.

Как сообщил президент Кампоманес, в начале сентября мы станем свидетелями еще одного поединка за звание чемпиона мира между Карповым и Каспаровым, и, вероятнее всего, он будет уже строго лимитирован 24 партиями.

Любителей шахмат ждут новые яркие впечатления!

Гости «Огонька»

Недавно в «Огоньке» побывали председатель Союза монгольских писателей Д. Цэдэв и заведующий международным отделом писательской организации Н. Энхбаяр. Гости рассказали о том, как развивается сотрудничество между писательскими организациями Монголии и нашей страны. Это отражено и в только что подписанном договоре между двумя творческими союзами.

— Монголия готовится широко отметить 40-летие Победы над фашистской Германией и империалистической Японией,— сказал товарищ Цэдэв,— наш Союз писателей объявил специальный конкурс. Этой теме будут посвящены и Дни литературы, которые пройдут в аймаках. А в мае в молодом социалистическом городе Дархане состоится международный вечер поэзии, в котором примут участие деятели литературы из братских стран.

ПУШКА ОДЕССКОГО ПИОНЕРА

Это произошло летом 1944-го, когда Одессу только что освободили.

Однажды третьеклассник Толя, сын рабочего нынешнего завода фрезерных станков имени Кирова Якова Федоровича Андриенко, копаясь среди развалин, увидел запаянную жестяную банку. Была она тяжелая, а когда разбили крышку, в банке оказался еще один сосуд. Вскрыв его, Толя увидел настоящий клад: золотые кольца, цепочки, крестики, часы, браслеты, драгоценные камни. Толик побежал за старшим братом Яшей, и они тут же решили передать все драгоценности в фонд обороны страны.

Как раз незадолго до этого семья Андриенко получила письмо с фронта от брата Якова Федоровича — Устима (пятеро братьев Андриенко сражались с фашистами). Брат писал: «В сентябре этого года мне присвоено звание младшего сержанта. А вот что произошло со мной недавно. Утром немецкие танки пошли в наступление. Мы подготовили наши орудия к встрече. Первый залп дали, когда танк был от нас в ста пятидесяти метрах. Один за другим нам удалось подбить и поджечь пять вражеских танков. И тут наше орудие накрыл прямым попаданием фашистский снаряд. Несколько товарищей погибли, сам я был ранен. Но долго оставаться в санчасти не думаю. Плохо только, что не могу сейчас без передышки бить подлых гитлеровских гадов...»

Толя и Яша решили: дядя Устим должен получить новую пушку. На имя Верховного Главнокомандующего Толик написал: «Я нашел много золота. Прошу на деньги от моей находки купить пушку и послать ее в часть, где служит мой дядя Устим Андриенко. Пусть он уничтожает этой пушкой как можно больше фашистов».

Вскоре Устим Федорович выписался из госпиталя и снова попал на фронт. В начале 45-го года подразделение, в котором он служил, вело бои на венгерской земле. Однажды командира артиллерийского расчета Устима Андриенко вызвал начальник штаба полка. Он показал ему только что полученную на его имя новенькую пушку. К щиту была прикреплена табличка с надписью: «Моему дяде Андриенко Устиму Федоровичу. Пусть мой скромный подарок ускорит разгром фашистской Германии. Ваш племянник Толя Андриенко. 29.1.1945 г.».

Боевое крещение пушки не заставило себя долго ждать. Она участвовала в боях за Будапешт, а потом — в освобождении Вены и Праги.

А как сложилась судьба Толи? Вскоре после войны ему довелось увидеть свою пушку, которая попала в одно из воинских подразделений. Артиллеристы пригласили пятнадцатилетнего Толю к себе в гости. Юноша рассказал о своей находке, о том, что четыре его дяди, из которых двое — Дмитрий и Василий — были артиллеристами, погибли на фронте, что он тоже хочет стать артиллеристом.

Мечта его сбылась. Анатолий Андриенко, когда наступил срок призыва в армию, был зачислен в артиллерийскую часть. Отслужив, вернулся в родную Одессу, ныне работает механиком-ремонтником обувного объединения имени Октябрьской революции.

Старший брат Анатолия — Яков Яковлевич — вот уже сорок лет, продолжая семейную традицию, трудится на заводе фрезерных станков имени Кирова в Одессе. Он бригадир комплексной бригады, секретарь партийного бюро инструментального цеха, член обкома партии, был делегатом XXVI съезда КПСС.

Сама же пушка образца 1944 года за № 7103 выставлена в артиллерийском музее в Ленинграде.

М. БИНОВ

Толя Андриенко среди артиллеристов у своей пушки в годы войны.

Фото Михаила Рыбака

ТВОЙ ХОД, СИМАНС!

— Что ты больше всего любишь?
— Шахматы.
— А что еще?
— Шахматы.
— Ну, а еще?
Симанс вздохнул:
— Работать.
— Что же это у тебя за работа такая?
— С папой мебель собирать и помогать маме.
— А что ты не любишь делать?
— Ходить в детский сад.
— Почему?
— Там не умеют играть в шахматы...

Симансу Рекснису всего шесть лет. Живет он в городе Вильнюсе. И очень любит играть в шахматы и читать книжки — совсем-совсем взрослые, потому что написанное для малышей ему уже неинтересно. Читает по-литовски и по-русски. Если не знает, что какое-либо русское слово означает, самостоятельно отыскивает его в русско-литовском словаре.

Читать Симанс начал в три года и почти сам. Папа только показал буквы, слоги и сказал, что из них можно делать слова.

Симанс очень полюбил «делать слова» и вскоре взялся за книжки. Прошу Симанса показать его любимую. Он берет с полки «Избранные партии чемпионов мира».

— Может читать ее и штудировать партии до бесконечности,— говорит его мать Вида Стасовна,— до того увлечется, что порой забывает даже о передаче «Спокойной ночи, малыши». А мне пришлось заняться изучением истории шахмат, ибо иногда своими вопросами сын ставит меня в тупик.

— Страсть к шахматам появилась у малыша сама по себе. Никто Симанса играть не учил,— говорит его отец, кандидат физико-математических наук, старший преподаватель Вильнюсского госуниверситета Римантас Рекснис.— Он только наблюдал, как я сражаюсь на доске с друзьями. Сам я имею второй разряд, а Симанс недавно получил четвертый. Два месяца назад он стал членом шахматной секции республиканского Дворца пионеров и теперь дважды в неделю занимается у тренера Марии Картанайте.

Самое главное, что у мальчика уже вырабатывается спортивный характер,— продолжает Римантас.— Симанс научился проигрывать, раньше по этому поводу непременно были слезы, теперь он стойко переносит неудачу. Но чаще возвращается с победой, даже если соперники вдвое старше его.

Когда я уходила, Симанс лишь на секунду оторвался от книжки, чтобы со мной попрощаться. Я украдкой взглянула на обложку. Это были все те же «Избранные партии...».

З. КРЯКВИНА

Фото В. Сальмре

К ПОЛЕТУ ГОТОВ!

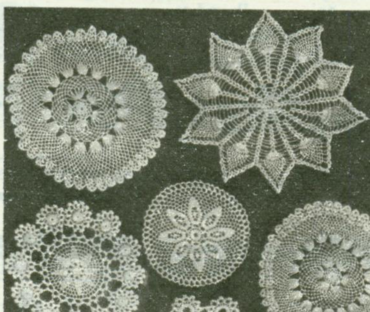
Что можно сказать о человеке по этой фотографии? Что он занимается дельтапланеризмом и к полету, собственно, готов. Готов «плыть», свободно парить в воздухе, как большая гордая птица...

А происходит это в Якутии. Здесь, в Серебряном бору, в поселке энергетиков на малом БАМе, вот уже несколько лет успешно работает секция дельтапланеризма. Возглавляет ее Владимир Петрович Кислицын, инструктор этого спорта отважных,— это он на снимке кого-то из друзей-фотолюбителей. В прошлом сам летчик, а здесь на стройке — машинист подъемного крана. Кислицын увлек дельтапланеризмом десятки людей: бурильщиков, монтажников, электриков, прорабов и мастеров. Секция подготовила пять спортсменов-разрядников, инструктора, судью, инспектора по технике безопасности. Энтузиасты сами шьют, сращивают трубки, реконструировали и усовершенствовали действующий дельтаплан «Стандарт-2», приобрели материалы и построили еще два аппарата типа «СК-2» и «Стриж-15». Сооружают постоянно действующий дельтадром.

Команда Серебряного бора — участник республиканских соревнований.

Буйные ветры, господствующие в Южной Якутии, не помеха смелым, они, одержимые, волокут свои крылья, лезут на сопки... Тяга человека к полету неодолима.

Г. ВЛАДИМИРОВА

СЛАВА «АГИДЕЛИ»

Как-то приехали мы с матерью в Воронеж, ходили по магазинам, увидели красивое вышитое полотенце и тут же его купили.

— Украинское,— сказала мама. Я перевернула полотенце и увидела незнакомое «Агидель». И до самого дома все повторяла: «агидель, агидель...» Захотелось узнать, что значит это слово, такое певучее.

Позже я не раз встречалась с изделиями «Агидели» и слышала про Башкирское ордена Дружбы народов художественное объединение. Там мне и объяснили, что «агидель» означает «белая».

...Светло, просторно и ярко от разноцветных платьев в «строчке», как любовно называют свой цех вышивальщицы. Стрекочут машинки. Привычно склонились над пяльцами мастерицы. А вот и Рамиля Хакимова. Я уже знаю — это здесь самая искусная мастерица. Навстречу мне из-за машинки поднялась женщина с темными глазами. Протянула маленькую руку, смутилась.

Рамиля двадцать лет проработала в «строчке». Коллектив рождался на ее глазах. Сегодня в «строчке» триста тридцать мастериц. Ежегодно они делают вышивки на четыре миллиона рублей. И первая среди них Рамиля. Вещь, ею вышитую, сразу отличишь. Нитка ложится гладко, плотно. Кажется, что лучше и сделать нельзя.

Рамиля с гордостью показывает свои «владения».

— Посмотрите, какие у нас удобные рабочие места в «строчке». В лаборатории художники разрабатывают для нас все новые и новые рисунки, а мы переносим их на кусок полотна. В цехе каждая вторая мастерица — наставница!

Рамиля училась у Серафимы Егоровны Ситдиковой. Теперь Серафима Егоровна возглавляет участок ручной вышивки. Когда-то она учила Хакимову тон подбирать. Вышивали только анютины глазки. И надо было в каждом цветке одиннадцать раз нитки менять. То и дело катушки переставляли. «Не торопись,— приговаривала Серафима Егоровна,— за рисунком следи, а скорость сама придет».

Теперь уже Рамиля учит начинающих вышивальщиц. Сядет рядом и смотрит, как шьют. Скольких мастериц выучила, уж и не вспомнит.

Хакимова в свободное время снимает со старинных полотенец — тастамалов — узоры. Это ее любимое занятие. «Отдохнула бы, на работе шьешь, дома шьешь»,— ворчит иногда муж. «Да разве это работа,— отшучивается Рамиля.— Я душой отдыхаю, когда рукодельничаю. Жаль, что одни мальчишки у меня...»

Людям свойственна любовь к рукодельной красоте. И потому хочется пожелать: пусть множатся изделия «Агидели» и ее вышивальщиц!

З. ДМИТРИЕВА

ОПЕРАЦИЯ «КУЛАНЫ»

Юрий ЛУШИН

Косячный жеребец Бадхыз был дик, самолюбив, силен и, как всякий кулан, не терпел над собой никакого насилия. Как он рвался из сетей, как грыз их зубами, бил копытами, как яростно отстаивал свою свободу! Казалось, еще усилие — и он победит, но тут набежали эти странные двуногие существа, опутали его веревками, и он затих. Только напрасно они думали, что он смирился. Нет, пока его везли то сушей, то морем из родных туркменских предгорий за тысячи километров в самую середину Казахстана, Бадхыз все время знал, где его родина, инстинктом запоминал обратную дорогу. Он почти не спал, ослаб, но дух его оставался неукротимым. Ночами он тихо переговаривался с обитателями других клеток. В них помещались шесть куланок, шесть молодых кобылиц — все, что осталось от былого куланьего косяка, которым правил Бадхыз. Много раз косячный принимался молотить задними ногами в стенку клетки, пока не убедился — преграду не одолеть. Тогда он затих и стал ждать. Ему почему-то верилось, что рано или поздно его выпустят из этого темного тесного ящика, и тогда... О, тогда все узнают, на что способен дикий кулан ради свободы.

И вот настал желанный миг. Клетка перестала качаться, и Бадхыз понял, что море кончилось. Земные запахи проникали сквозь щели его тесного убежища, запах степных трав, цветов, нагретой земли, запахи свободы. Он, конечно, не знал, что оказался всего-навсего на небольшом острове посреди Аральского моря. Название острова Барса-Кельмес (в переводе с казахского «Пойдешь — не вернешься!») могло смутить самого убежденного жизнелюба. Однако остров, превращенный еще в 30-е годы в заповедник, дал надежное пристанище сайгакам и джейранам... Теперь он встречал других новоселов.

Внезапно свет солнца ударил в глаза, почти ослепив кулана. Это убрали переднюю перегородку, открыв жеребцу выход на волю. Он нерешительно сделал первый шаг, сделал второй и внезапно увидел всех куланок, уже покинувших клетки и не знавших, что делать дальше. Горячая кровь ударила ему в голову, и он понесся прямо на них и погнал косяк к воде. Кобылицы послушно следовали за вожаком, а тот, не раздумывая, бросился в море и поплыл прочь от берега, взяв курс на туркменский заповедник Бадхыз (откуда привезли всех куланов и по имени которого назвали косячного). Он плыл без оглядки, рассекая грудью синь воды. Он не знал, как велико это море, но само ощущение свободы сделало его необыкновенно сильным и отважным. Ему не хотелось снова в клетку, и он даже не подозревал, что всем куланам дали свободу с единственной целью: чтобы они стали равноправными хозяевами этого острова и жили тут в полной безопасности. А люди стояли на берегу и шутили, что вот, мол, какие молодцы эти куланы — купаются, чтобы в новый свой дом войти чистыми. Но вскоре шутки сменились тревогой. Животные уплывали все дальше, и стало понятно, что это не просто купание. Пришлось на моторных лодках догонять беглецов и возвращать их на остров... В ту ночь егерям заповедника было не до сна.

Так тридцать с лишним лет тому назад начался первый этап спасения куланов — редких, исчезающих животных, занесенных в международную Красную книгу. В нашей стране к тому времени они сохранились лишь на юге Туркмении, в заповеднике Бадхыз. В разные годы еще несколько раз высаживались оттуда на Барса-Кельмес куланьи десанты. Цель была достигнута. Куланы не только прижились на острове, но вскоре начали приносить потомство, а наш знакомец Бадхыз успел стать и дедом, и прадедом. Табун животных вырос почти до трехсот голов. Казалось бы, радуйся, но люди вдруг снова забили тревогу: надо срочно спасать куланов, и теперь уже... с острова Барса-Кельмес.

Дело в том, что остров за эти тридцать лет почти лишился пресной питьевой воды: упал уровень грунтовых вод, пересохли ключи. Единственный пресный колодец способен удовлетворить только нужды людей: егерей, метеорологов, ученых. Что же остается животным? Зимой — снег, весной — талые воды, которых, к сожалению, очень мало и которые к началу лета полностью испаряются. Поэтому животные научились пить соленую морскую воду. А что им еще оставалось?

Но обмеление Арала привело к резкому повышению в нем концентрации солей, которых теперь содержится до 20 граммов на литр. Питье такого рассола неизбежно ведет к солевому отравлению, которое у животных уже началось. Природа немедленно отреагировала на ухудшение условий обитания куланов, отреагировала траги-

природа и человек

чески. В куланьем стаде началась своеобразная защитная реакция, которая состоит в том, что в стаде появляется все больше самцов и все меньше самок (а значит, и меньше молодняка). Это означало одно: популяция куланов на Барса-Кельмесе начала деградировать, вырождаться (происходит, по сути дела, медленное самоубийство животных). Люди пытались им помочь, организовав искусственный водопой: пробурили скважину — и с глубины 760 метров хлынул самоизливом поток солоноватой, но вполне пригодной для питья животных воды. Однако скважина, поработав с полгода, иссякла, к тому же к ней приходили не все, а лишь часть куланов. Теперь воду приходится подкачивать погружным насосом, но ее очень немного. Вот почему необходима срочная эвакуация животных с острова... Она уже началась, но проходит, увы, неторопко.

Я сидел в скрадке (выдолбленном в мерзлой каменистой почве острова окопчике) и ждал, когда на месте подкорма появятся куланы. Вверх по небосклону карабкалось слабое зимнее солнце, медно-блеклое, словно выполосканное в соленой воде Арала. Сил оно пока не набралось, и мне казалось, что светило тоже не прочь где-нибудь погреться, укрывшись от стылого ветра. В соседних скрадках сидели с ружьями наготове известные в Советском Союзе специалисты по обездвиживанию животных (их всего-то в нашей стране четверо) Юрий Гришкин и Михаил Чижов. Их ружья заряжены не пулями, а специальными зарядами-шприцами, начиненными усыпляющими средствами. Этот способ гораздо эффективнее и безопаснее старого метода ловли животных сетями. К слову сказать, препараты разработаны группой советских ученых под руководством члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР Д. А. Харкевича и считаются лучшими в мире как по своей обездвиживающей способности, так и по безвредности (а Михаил Чижов, принимавший самое активное участие в этой работе, написал по ее результатам докторскую диссертацию). Гришкин и Чижов, которые отлавливали на Крайнем Севере белых медведей и оленей, в Канаде — овцебыков, обездвиживали слонов и львов, сказали мне, что с куланами справиться не легче...

Дело в том, что по настоятельному требованию ученых-биологов на одного самца (непременно молодого и здорового) должно отлавливаться пять самок. Лишь при такой пропорции есть надежда создать новую популяцию куланов на северном побережье Капчагайского водохранилища, куда за последние два года перевезено с острова около тридцати животных. Однако самки с годовалыми жеребятами, как правило, наиболее осторожны и подходят к корму последними. Так что в распоряжении «охотников» не час, который куланы «отводят» себе на визит сюда, а считанные минуты. С наступлением тепла куланы вообще игнорируют «столовую», предпочитая ей цветущую степь, и человека тогда они близко к себе не подпускают. Поэтому операция по их отлову проводится только зимой...

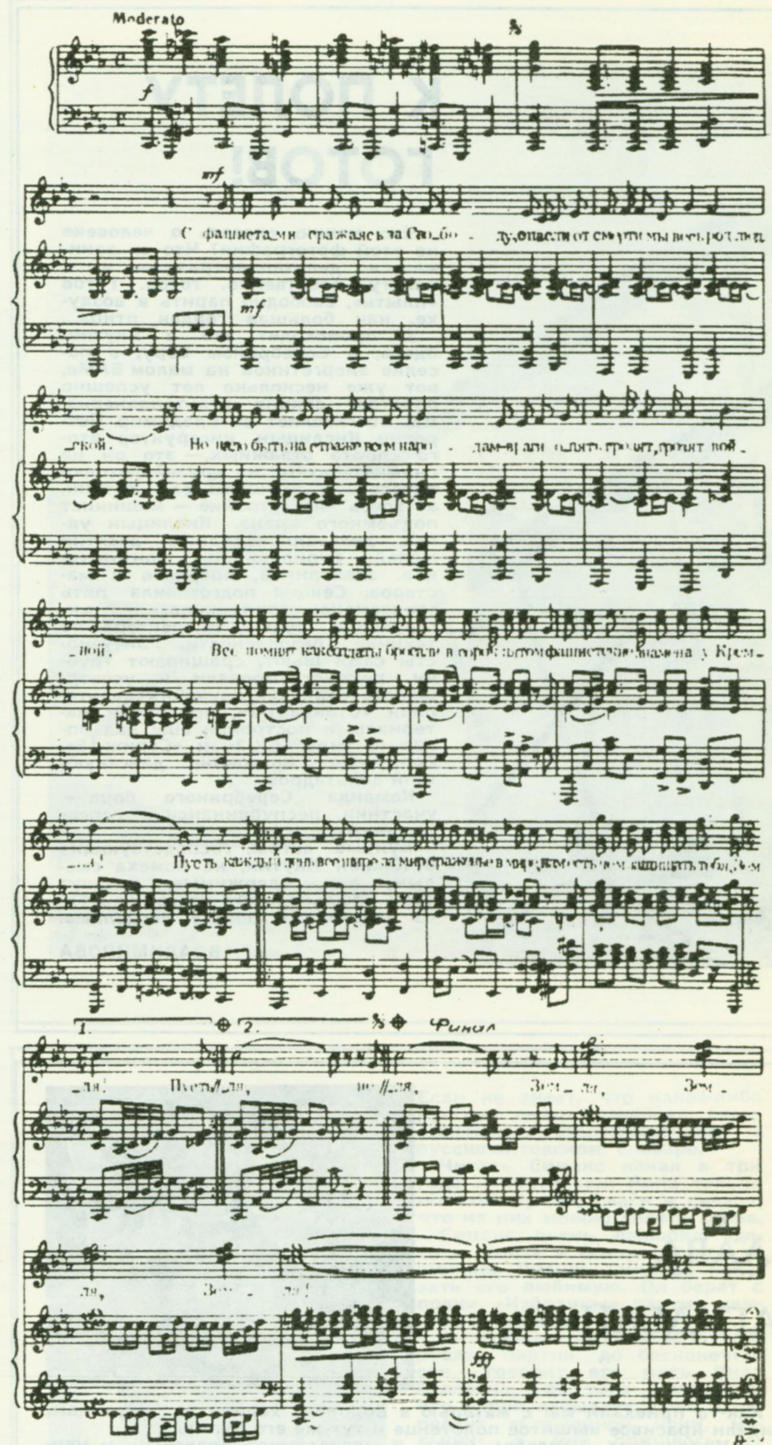
Два егеря, не таясь, высыпали из мешков на землю овес и ушли. Куланы, привыкшие после их ухода находить свое любимое лакомство, двинулись вперед. Застучал погружной мотор (к его звукам они тоже привыкли), качавший из скважины теплую, чуть солоноватую воду, казавшуюся им сладкой в сравнении с морской. Первыми подошли к водопою и корму старые, покрытые шрамами былых сражений самцы-пенсионеры, изгнанные косячными жеребцами из косяков. Некогда враждовавшие друг с другом из-за самок, теперь они объединились в некий клуб престарелых и всюду бродили вместе (встав как-то ночью, я увидел их при свете луны, совсем рядом с домом, подбиравшими клочки сена).

Я смотрел на подходивших куланов и вспоминал, что еще мне известно о них. Исчезающие животные, в Казахстане они истреблены в начале нашего века. По внешнему виду кулан похож на небольшую лошадь, но хвост вроде ослиного, уши большие, а по хребту проходит темный ремень (полоса). Однако при кажущейся нескладности бег его изумительно легок, неподражаемо красив и стремителен (до 70 километров в час). Лучшие чистокровные скакуны проиграли бы ему состязание в беге. При этом кулан необычайно вынослив и силен: обороняясь или сражаясь за первенство, хватает зубами за что попало, передними копытами молотит, словно боксер силового типа, задними бьет, как заправский каратист, причем может наносить и боковые удары. Некоторые из их приемчиков я наблюдал на водопое, но поединки напоминали скорее тренировочные бои боксеров-приятелей — в них было мало злости... Как вид куланы сами по себе бесценны; но, сохранись их побольше, они имели бы для человека и немалую практическую ценность. Мясо и шкуры куланов многие века кормили и согревали наших предков, и будет в высшей степени справедливо, если теперь мы сделаем все возможное, чтобы сохранить кулана...

Вдруг словно детская хлопушка хлопнула — выстрелил Юрий Гришкин. Куланы шарахнулись от корма, разом насторожились и, подняв головы, замерли. Но все вокруг вновь дышало спокойствием и тишиной, которой животные, однако, уже не доверяли. Медленно, будто нехотя, отступали они в глубину острова. Сейчас один только Гришкин знал, в какого из куланов попал его шприц, и важно было не напугать животных, выдержать паузу в несколько минут, дождаться, пока не подействует препарат. Поэтому никто не шевелился в своих укрытиях. Косяк отошел уже метров за двадцать, когда от него отделилась молодая самка, как-то неуверенно, на подламывающихся ногах повернула в другую сторону, постояла немного, словно в глубокой задумчивости, и мягко опустилась на снег. Теперь нельзя было терять ни секунды. Один из егерей быстро подошел к куланке, прикрыл ей глаза темным куском материи. Другие подтаскивали приготовленную клетку, в которую самка безропотно позволила поместить себя. Лишь когда Михаил Чижов сделал ей восстанавливающий укол, когда плотно задвинули заднюю стенку клетки, лишь тогда куланка поднялась и немедленно ударила копытами в преграду, давая понять, что не смирилась со своим положением пленницы.

...Через неделю я встречал отловленных куланов в Капчагае. Проделав путь в две тысячи километров (сначала самолетом до Аральска, а оттуда в кузове КамАЗа до Алма-Аты), они прибыли на родину своих прапредков. Их выпустили пока в большой загон, а весной с наступлением тепла куланы получат свободу. Им повезло. Повезет ли оставшимся на Барса-Кельмесе? Чижов и Гришкин считают, что наступил критический момент, когда нужно отлавливать всех куланов подряд, без всяких пропорций. Иначе можно опоздать, и название острова на деле обретет для них свой зловещий смысл.

Остров Барса-Кельмес — Алма-Ата.

МЫ ВСЕ ЗА ЖИЗНЬ В ОТВЕТЕ

Стихи Сергея БЕНКЕ
Музыка Бориса АЛЕКСАНДРОВА

С фашистами сражаясь за свободу,
Спасли от смерти мы весь род людской.
Но надо быть на страже всем народам:
Враги опять грозят, грозят войной.

Припев:

Все помнят, как солдаты
Бросали в сорок пятом
Фашистские знамена у Кремля!
Пусть каждый день все шире
За мир сраженье в мире.
Нам есть чем защищать тебя, Земля!

Немало в грозный час ракет крылатых
В Европу привезли, чтоб нас пугать.
Но начеку советские солдаты —
Всегда врагу отпор готовы дать!

Припев.

Тесней ряды, народы всей планеты.
Раздуть пожар войны мы не дадим!
Война — наш враг, мы все за жизнь в ответе,
В борьбе за мир мы вместе победим!

Припев.

Это интересно

СКОЛЬКО БЫВАЕТ ДЕТЕЙ?

Я с большим интересом прочитал письмо Эльвиры Серкиной из Крыма, напечатанное в журнале «Огонек» (№ 21 за 1984 год) под заголовком «Сколько бывает близнецов?».

Хочу рассказать читателям «Огонька», сколько вообще бывает детей.

В семье директора Тобольской гимназии родилось семнадцать детей, причем последним (в 1834 году) родился знаменитый химик, педагог, общественный деятель Дмитрий Иванович Менделеев. Его матери в то время было тридцать девять лет.

Мировую известность приобрел случай рождения в 1811 году в Сиаме братьев-близнецов Чанга и Энга, сросшихся грудью. Впоследствии они женились на двух сестрах и имели от них двадцать двух детей, дожив до 63-летнего возраста.

В Бразилии у Раймундо Карнауба и его жены Жозимар родилось тридцать восемь детей, из них 14 сыновей и 24 дочери. Отец признается, что он не всех помнит по имени. Зато мать знает не только как кого зовут, но и кто за кем родился. Чтобы вывести всех детей за город, требуется автобус. Как сообщает швейцарский еженедельник «Швайцер иллюстрирте», когда Раймундо спросили, доволен ли он таким количеством детей, он сказал: «Если их будет еще больше, а я надеюсь на это, я буду только рад. Мы с женой очень любим детей». Жозимар добавила: «Конечно, у нас было много хлопот с детьми, хватает их и теперь. Но ради детей стоит потрудиться».

В России у крестьянина Якова Кириллова, проживавшего в середине XVIII века в селе Введенском Шуйского уезда, первая жена родила пятьдесят семь детей, в том числе: 4 четверни, 7 троен и 10 двоен. Вторая его жена родила пятнадцать детей: 1 тройню и 6 двоен.

У другого крестьянина из этой же местности, Федора Васильева, от первого брака было шестьдесят девять детей: 4 четверни, 7 троен, 16 двоен. Его вторая жена была беременна 8 раз и родила восемнадцать детей: 2 тройни и 6 двоен.

И. ГУСЕВ

Вологда.

ГОВОРЯТ МАЛЫШИ

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ДРАКА

Сережа пришел с улицы растрепанный.

Бабушка:

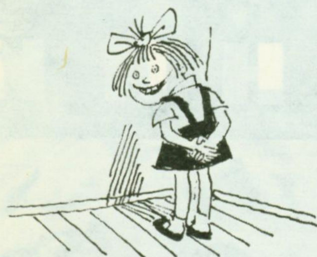
— Что случилось!

— Подрался.

— Как?!

— В ногопашную.

НАКАЗАНИЕ

Отец приходит с работы.

Наташа отбывает наказание в углу.

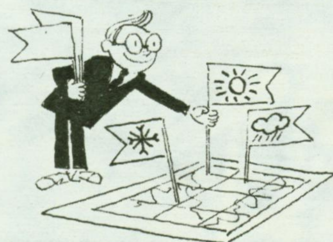
Отец спрашивает:

— Ты почему здесь стоишь?

— Мама поставила.

— Почему?

— Чтобы я не мешала ей по квартире передвигаться.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

В конце телепрограммы «Время» начали передавать прогноз погоды. Сережа зовет родителей:

— Идите смотрите, как погоду будут по карте распределять.

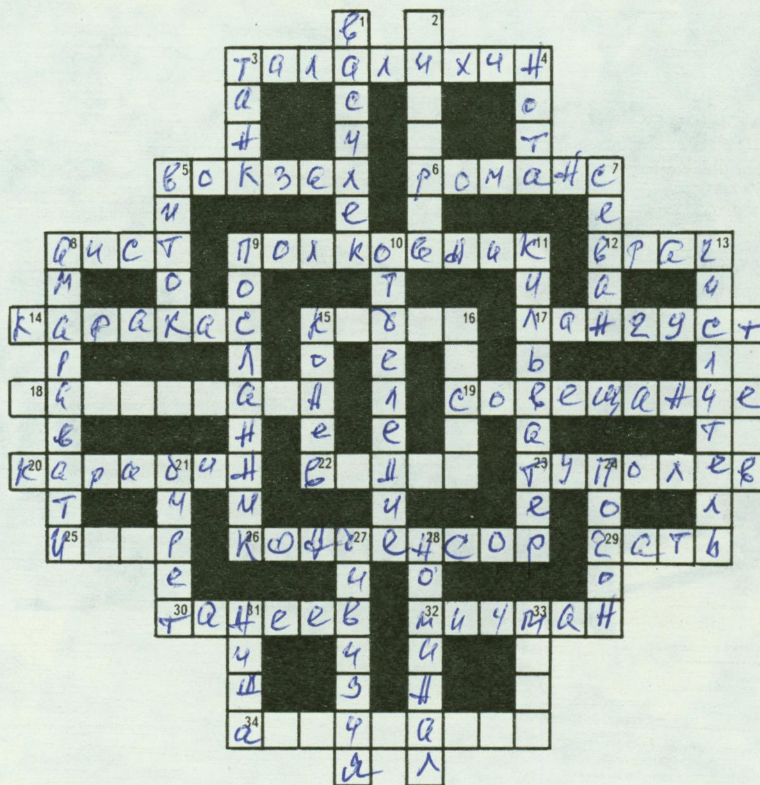
В МЕТРО

Едем на эскалаторе. Сын спрашивает:

— А почему они такие движущиеся ступеньки сделали? У них, наверно, лифт поломался?

Из коллекции В. КОНЯХИНА.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Летчик, Герой Советского Союза, применивший ночной таран. 5. Здание железнодорожной станции. 6. Жанр камерной вокальной музыки. 8. Крупная перелетная птица. 9. Офицерское звание. 12. Специалист с высшим медицинским образованием. 14. Столица государства Южной Америки. 15. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Доходное место». 17. Крупный морской рак. 18. Передающая станция, излучающая специальные сигналы для самолетов, судов. 19. Заседание. 20. Автоматическая винтовка. 22. Река в Литве и Латвии. 23. Авиаконструктор, академик, трижды Герой Социалистического Труда. 25. Приток Дуная. 26. Короткофокусная линза в оптических приборах. 29. Настил через болото. 30. Русский композитор, пианист. 32. Воинское звание в военно-морском флоте. 34. Механическое устройство для отбора проб воздуха.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Темно-голубой полевой цветок. 2. Советский военачальник, Главный маршал авиации. 3. Боевая гусеничная машина. 4. Официальный дипломатический документ. 5. Оборот по орбите космического корабля. 7. Озеро в Армении. 8. Город в центре Индии. 9. Дипломатический представитель. 10. Воинское подразделение. 11. Строй кораблей. 13. Часть дроби. 15. Маршал Советского Союза. 16. Малая планета. 21. Головной убор. 24. Знак различия на форменной одежде. 27. Тактическое войсковое соединение. 28. Нарицательная стоимость денег, ценных бумаг. 31. Углубление в стенке окопа, траншеи. 33. Советский график, мастер сатирического рисунка, агитационного плаката.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Композитор. 6. Ламарк. 7. Синица. 9. Фокстерьер. 13. Караул. 14. Полька. 16. Торшер. 17. Рихтер. 18. Украина. 19. Илимпея. 20. Портик. 23. «Казаки». 24. Термос. 27. Цвирко. 28. Астрономия. 31. Тамтам. 32. Ирасек. 33. Яровизация.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Тобаго. 2. Солнце. 4. Пикассо. 5. Инсбрук. 6. Лоцман. 8. Аккорд. 9. Фалеристика. 10. Ратификация. 11. Баскунчак. 12. Земляника. 14. Парапет. 15. Абрикос. 21. Тайшет. 22. Виадук. 25. Ефремов. 26. Ожогина. 29. Сатурн. 30. Исанин.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Герой Советского Союза Александр Солуянов. (См. в номере материал «Голубой берет».)

Фото И. ГАВРИЛОВА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Дорога в Сванетию.

Фото Н. РАХМАНОВА

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 04.02.85. Подписано к печати 19.02.85. А 00326. Формат $70\times108^{1}/_{8}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 595. Заказ № 107.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото И. ГАВРИЛОВА

ЗИМНИЙ

ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663